

СОДЕРЖАНИЕ НОМЕРА ЖУРНАЛА «РУССКАЯ ПОЛИТОЛОГИЯ — RUSSIAN POLITICAL SCIENCE» — 2018 — № 1 (6)

Тема номера: **ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ РОССИИ И ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН**

От редакции		2
Раздел I. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В РОССИИ		
Перевезенцев С.В.	«Власть» и «земля» в Смутное время	4
Ширинянец А.А., Кононенко О.С.	Россия и Запад в социально-политической мысли В.Ф. Одоевского	14
Ширинянец А.А.	«Просвещенная бюрократия» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: Я.И. Ростовцев, С.С. Ланской, М.Н. Муравьев	22
Козиков И.А.	Д.И. Менделеев о евразийских особенностях российского государства	34
Столярова И.Ф.	Социально-политические идеи К.Н. Леонтьева по вопросу внутренней политики Российской империи	41
Ямамото Кенсо	Политический национализм М.Н. Каткова	46
Пучнина О.Е.	Эстетика и политика: В.В. Розанов о русском государстве	53
Ананьев Н.А.	Политическая концепция С.Ф. Шарапова	58
Раздел II. ЗАРУБЕЖНАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ		
Андерсон К.М.	Роберт Оуэн и зарождение доктрин кооперативизма	61
Бойцова О.Ю.	Концепция Ханны Арендт в современном дискурсе политической власти	72
Бобылев В.В.	Политический персонализм в контексте философии революции	80
Раздел III. ИДЕИ СЛАВЯНСКОГО ЕДИНСТВА И СОТРУДНИЧЕСТВА		
Маслин М.А.	Анджей Валицкий: «Вся моя жизнь была эмоционально связана с Россией»	86
Мырикова А.В., Прокудин Б.А.	«Поэты славянства»: А.С. Хомяков и Ф.И. Тютчев о славянской взаимности	94
Болдин В.А.	Панславистские идеи А.С. Будиловича	101
Раздел IV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ МЫСЛЬ И СОВРЕМЕННЫЕ ВОПРОСЫ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ		
Гуторов В.А.	О некоторых актуальных аспектах интерпретации либеральной традиции: Россия и Запад	111
Космелли Хосе	Сотрудничество как фундамент международной политики (утопии, какотопии, империи и их сущность)	119
Насыров Р.В.	Об истоках и видах тоталитарного политического режима	127
Деева Н.В.	Основные подходы к исследованию гражданского общества в современной отечественной политической мысли	136
Раздел V. ИСТОРИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ		
Елински Э, Хордецкий Б.	Некоторые замечания об обсуждении истоков политологии в России	143
Соболев В.А.	Значение Ф.М. Бурлацкого для становления и развития политической науки в России	152
Приложение		
Горохов А.А., Шадская М.О., Лощина М.	Русские в Риме: Дневник Софьи Борисовны Шевырёвой	159
Summary		178
Информация для авторов		186
Оформление статей		188
Редакционный совет		188
Редакционная коллегия		190
Редакция		192

ОТ РЕДАКЦИИ

Представляем очередной выпуск журнала «Русская политология — Russian political science». Тема номера «Политическая мысль России и зарубежных стран».

В журнал вошли статьи известных исследователей истории политической мысли России — профессоров Московского университета Александра Андреевича Ширинянца, Сергея Вячеславовича Перевезенцева, Ивана Андреевича Козикова, Михаила Александровича Маслина, доцентов Анны Валериевны Мыриковой, Бориса Александровича Прокудина и старшего научного сотрудника Ольги Евгеньевны Пучниной. А также не менее известных исследователей зарубежной политической философии и мысли профессора Ольги Юрьевны Бойцовой и доцента Кирилла Михайловича Андерсона.

В Московской университетской школе исследователей политической мысли преобладает консервативное направление. Что подтверждают опубликованные в настоящем номере статьи, посвященные периоду Смутного времени, «Великих реформ» в России, славянскому единству и отдельным консервативным мыслителям.

Санкт-Петербургская политологическая школа представлена статьей профессора Владимира Александровича Гуторова, который, как всегда, осуществил блестящий анализ трансформации либеральной традиции в России в контексте основных направлений эволюции либерального идеологического дискурса и либеральной культуры в Западной Европе и США.

Политологи юга России в журнале представлены статьей доцента Сочинского института (филиала) Российского университета дружбы народов Владимира Владимировича Бобылева, посвятившего свою работу исследованию наследия основоположников персонализма.

Достаточно дискуссионную статью предложил редколлегии журнала Рафаил Валейзянович Насыров, который осуществляет свою исследовательскую работу в Алтайском государственном университете, представляя тем самым Сибирский федеральный округ России. В статье проводится анализ исторических и идеологических предпосылок тоталитарного политического режима.

В номер включены и статьи начинающих исследователей-аспирантов занимающихся вопросами панславизма, консервативной политической мысли, а также вопросами развития политической науки в Советском Союзе, в частности изучая опубликованные и еще неопубликованные, находящиеся в архиве, работы советского политолога Фёдора Михайловича Бурлацкого (1927–2014).

Редакция сохраняет хорошую традицию — вновь в нашем выпуске представлены статьи ученых и из России, и из зарубежных стран. Примечательно, что в год России в Японии и год Японии в России в журнале публикуется статья политолога из Университета префектуры Симанэ (Хамада, Япония) Ямамото Кенсо. Примечательно и то, что статья посвящена русскому консервативному мыслителю Михаилу Никифоровичу Каткову (1817–1886).

Уверены, что большой интерес у читателей вызовет статья политологов из Университета имени Адама Мицкевича в Познани (Польша): профессора Эдуарда Елиньски и адъюнкта Бартоша Хордецки, которые обратились к интересной теме — истории зарождения и развития политической науки в России.

Исследователей «Нового света» в журнале представляет профессор Хосе Космелли из Университета «Про-Део» (Сарасота, США). В статье анализируется «идеальное общество», виды империй, а также акцентируется внимание

на важности сотрудничества между народами и государствами.

Редакция будет и в дальнейшем развивать сотрудничество с зарубежными политологами, реализуя проект «Русская политология — пространство для диалога». Обмен мнениями, идеями и научно-исследовательскими проектами между политологами России и зарубежных стран способствует развитию политической науки.

Также в журнале опубликован отрывок из дневника Софьи Борисовны Шевырёвой (1809–1871) — жены известного мыслителя первой половины XIX века, профессора Московского университета Степана Петровича Шевырёва (1806–1864). Часто исследователи хорошо знают творчество мыслителей, их книги, статьи, идеи и размышления, но мало знакомы с жизнью их семей. Данный дневник в определенной степени открывает до сих пор скрытую от публики сторону жизни близких Шевырёву людей. Опубликованная часть дневника описывает небольшой период жизни Софьи Борисовны, когда она с

сыном находилась в Риме, ожидая своего мужа. Дневник Шевырёвой — это еще и свидетельство того, насколько тесны связи между Россией и Италией. А также подтверждение тому, что русские люди очень бережно относились к Италии ее культуре, а враждебность и конфронтация между культурами и цивилизациями не присуща представителям русской социально-политической мысли. Полную версию дневника Софьи Шевырёвой с комментариями в дальнейшем планируется издать отдельной книгой.

Отдельная благодарность Марии Шадской, Антонине Матиешиной и Анастасии Матюсовой за их активное участие в редакции журнала и перевод текстов с английского и французских языков. Большое спасибо Наталье Андросовой за оформление обложек нашего журнала и Марии Лоцилиной за фотографии к дневнику Софьи Борисовны Шевырёвой.

Желаем авторам и читателям нашего журнала творческих успехов и новых исследований!

Редакция журнала
«Русская политология —
Russian political science»

«ВЛАСТЬ» И «ЗЕМЛЯ» В СМУТНОЕ ВРЕМЯ

Аннотация

В статье раскрывается значение Земских соборов и местного земского самоуправления в спасении России от Смуты в начале XVII в. Автор отмечает, что земские органы в России, в политически тяжелый период, взяли на себя государственные полномочия, создав общерусские органы управления. Также в представленной работе показано значение местного управления в избрании монаршей династии, в формировании вооруженного сопротивления и государственной власти.

Ключевые слова: Россия, Смутное время, Земля, власть.

Автор

Перевезенцев Сергей Вячеславович

Доктор исторических наук,
профессор кафедры истории
социально-политических учений
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова

Земское самоуправление сыграло решающую роль в условиях полного разрушения государства в годы Смуты, ведь и Первое, и Второе ополчения — это результат народного творчества, когда «Земля» (т.е. народ), под водительством Церкви, сама встала на защиту Российского государства. На примере деятельности земского самоуправления и Земских соборов в этот период можно увидеть некоторые важнейшие черты русской традиции народовластия, истоки которого уходят в славянскую древность.

Во-первых, земские органы самоуправления берут на себя властные полномочия в том случае, когда в стране разрушается централизованная государственная власть; структура земского самоуправления считают возможным создавать собственные вооруженные силы, руководство вооруженными силами доверяется коллективным органам.

Земское освободительное движение зародилось и получило распространение на севере и северо-востоке России

в 1608–1609 гг.: во многих русских городах стали создаваться общесословные городские советы, в которые, наряду с представителями разных городских социальных групп, входили местные церковные иерархи с Освященными соборами (часто именно местные церковные владыки возглавляли созданные советы). Решения городских советов были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались. Затем местные власти стали самостоятельно формировать воинские рати для борьбы с отрядами Лжедмитрия II. Сначала в северо-восточных русских городах, в которых стояли крупные польско-литовские гарнизоны, возникли отряды «шишей». В «шиши» уходили в основном крестьяне разоренных поляками русских сел и деревень. Действовали они партизанскими методами, засадами и неожиданными набегами разоряя польские гарнизоны. Как сообщает в своем дневнике поляк Самуил Маскевич, «шиши» напали на поляков

даже днем: «Москвитяне нас стерегли, узнав через лазутчиков, что товарищи разъехались в коло и что мы стоим без стражи, они нагрянули на нас среди белого дня, частью на конях, частью на лыжах...» [1. — С. 135].

В итоге некоторые города, в которых городские советы взяли власть в свои руки, не только отказались присягать Лжедмитрию II, но и активно сопротивлялись посланным против них вооруженным отрядам (Новгород Великий, Коломна, Переяславль-Залесский, Нижний Новгород, Саратов, Казань, сибирские города и остроги). К примеру, когда в декабре 1608 г. к Устюжне Железопольской подошел польский отряд, горожанам, оказавшимся в этот момент без воеводы и ратных людей, пришлось создать городской совет из 20 человек, в котором посадские и служилые люди получили равное представительство, а также выбрать трех «голов» из дворян. Вскоре в Устюжну прибыл воевода А.П. Ртищев и в боях отстоял город от осадивших его отрядов «Тушинского вора». Однако приступить к исполнению своих обязанностей Ртищев смог лишь после утверждения его полномочий городским советом [2. — С. 183–185].

Во-вторых, земские власти проявляют стремление к созданию общерусских органов власти; субъектом политической власти выступает «Земля», т.е. народ, выразитель воли «Земли» — «Совет всей Земли», который избирает центральное Земское правительство.

Со второй половины 1610 г., после того, как Москву заняли польско-литовские войска, а польский король Сигизмунд отказался выполнять условия договора о призвании его сына королевича Владислава на московский престол, земские власти в городах, по призыву патриарха Гермогена, стали формировать земские ополченские рати, но не для обороны своих городов, а для похода на Москву. К началу

1611 г. по всей стране между русскими городскими общинами возникает активная переписка, которая обеспечивала налаживание взаимодействия между отдельными земскими ратями. «К великому господину преосвященному архиепископу Вологодскому и Великопермскому, архимандритам, игуменам, протопопам, воеводам, дьякам, дворянам, детям боярским, земским старостам, целовальникам и всем посадским, служилым и жилецким людям бьют челом Нижнего Новгорода архимандриты, игумены, протопопы, попы, Освященный собор, воеводы, дьяки, дворяне, головы Литовские, немецкие, стрелецкие, казачьи, дети боярские и земские старосты, целовальники, посадские люди, иноземцы и Литва, и немцы, и стрельцы разных городов, всякие служилые и жилецкие люди, которые ныне в Нижнем Новгороде о приказе Гермогена освободить Москву и присылке им двух грамот: от Московских людей и от тех, кто под Смоленском», — пишут в феврале 1611 г. жители Нижнего Новгорода к вологодцам [3].

На призывы нижегородцев отвечают костромичи («съ Костромы архимариты, и игумены, и протопопы, и попы, и князи, и дворяне, и дети боярские, и головы стрелецкие, и гости, и торговые люди, атаманы и казаки, и всякие служивые и жилецкие люди, и посадские, и уездные»), ярославцы («изъ Ярославля архимарить, и игумены, и протопопъ, и попы, и весь освященный соборъ, и воеводы, и дьяки, и дворяне, и дети боярские, и головы и сотники стрелецкие и казачьи, и посадские старосты и целовальники, и все посадские и всякие жилецкие люди») и жители иных городов [4].

Пермские жители свои «отписки» начинали следующими обращениями: «Великому господину Святейшему Ермогену, патриарху Московскому и всея Руси, Перми Великия игумены, и протопопы, и попы, и весь Освященный

собръ, и съ Перми жъ Великя Ивашко Чемоданов, Пятунка Филатов, и пермские посадские и уездные старосты и целовальники и все земские люди челом бьют» (март 1611 г.); «Господам Василию Петровичу, Никонору Михайловичу, Степану Яковлевичу, и головам, и дворянам, и детям боярским, и сотникам стрелецким, и стрельцам, и пушкарям, и затиншикам, и всяким служилым и жилецким людям Казанского государства Иван Чемоданов да Пятой Филатов и Пермской земли старосты, и целовальники, и посадские, и уездные лучшие и средние, и младшие, и всякие жилецкие люди челом бьют» (июнь 1611 г.) [5].

Как можно видеть, в переписке городов очень подробно и даже тщательно перечисляются различные социальные категории горожан, как адресатов, так и авторов послания. Более того, переписка свидетельствует о том, что составы городских советов были уже не просто всесословными, но могли включать в себя даже представителей иных государств, постоянно проживавших в том или ином городе («иноземцы и Литва, и немцы»). Столь подробный перечень участников земского сопротивления, да еще со ссылкой на авторитет патриарха Гермогена, обеспечивал легитимность этих обращений и серьезность намерений участников переписки. И не случайно уже в этих грамотах, посланиях и «отписках» появляется понятие «Земли», как символа общерусского единения: «быть со всею Землею в любви и совете, и в соединении»; «ко всей Земле»; «ото всей Земли» [6]. Соборные органы управления различных ополченских отрядов начинают называть «Советами всей Земли», первый такой Совет возник в Рязанском земском ополчении еще в марте 1611 г.

В феврале 1611 г. земские рати из Владимира, Нижнего Новгорода, Муромы, Ярославля, Переяславля-Залеского, Углича, Суздаля, Вологды, Галича, Костромы и Романова (Романова-Бори-

соглебска) двинулись к Москве. Сюда же шли отряды волжских казаков и черкасов (днепровских казаков). К началу марта 1611 г. в Рязани, Серпухове и Коломне собрались основные силы земских ополчений. Князь Д.Т. Трубецкой привел к столице остатки «тушинского» войска из Калуги, атаман И.М. Заруцкий — из Тулы. В конце марта — начале апреля сбор ратных сил под Москвой закончился. Во главе наиболее организованного Рязанского ополчения стоял Прокопий Петрович Ляпунов, который заключил соглашение с боярами из распавшегося лагеря Лжедмитрия II — Д.Т. Трубецким и И.М. Заруцким. 7 апреля 1611 г. в Первом ополчении возникает центральное Земское правительство, а «начальниками» его были избраны П.П. Ляпунов, князь Д.Т. Трубецкой и И.М. Заруцкий.

В-третьих, «Совет всей Земли» и Земское правительство рассматривали свои общегосударственные властные полномочия как чрезвычайные, т.е. сохраняли их за собой до созыва общерусского Земского собора, который должен избрать нового царя и восстановить традиционную форму политического устройства России.

30 июня 1611 г. по требованию ратных людей и казаков в Первом ополчении был выработан знаменитый «Приговор», оформивший сословно-представительную организацию власти и порядок управления страной в отсутствие законного государя [7. — С. 43–62]. В разработке «*Приговора Первого ополчения*» 30 июня 1611 г. приняли участие татарские царевичи, бояре, окольничие и чашники, стольники и дворяне, стряпчие и жильцы, приказные люди и дети боярские, князья и мурзы, атаманы и казаки, а также служилые и дворовые люди. Особо следует отметить подписи представителей 25 городов, в том числе таких важнейших как Ярославль, Смоленск, Нижний Новгород, Ростов, Архангельск, Вологда и др.

Центральное понятие, от имени которого оглашается «Приговор», — «вся Земля». Однако давно замечено, что под «Приговором» отсутствуют подписи церковных лиц, а также торговых и посадских людей, следовательно, «вся Земля», собравшаяся летом 1611 г. под Москвой, не представляла интересы всех сословий Российского государства, но интересы только тех групп, которые оказались в Первом ополчении. По мнению Л.В. Черепнина, в данном случае речь может идти о Земском соборе именно Первого ополчения, существование которого подтверждается многочисленными актами и который собственно и был «Советом всей Земли» [8. — С. 177–179].

Еще одно понятие — «бояре», которое используется наряду с понятием «вся Земля»: «бояре и вся Земля», «бояром и всей Земле», «по боярскому и всей Земли приговору» и др. Под «боярами» в «Приговоре» подразумевается *Земское правительство*, избранное «всей Землей», которое должно управлять воинскими и гражданскими делами: «Земским и всяким ратным делом промышляти и расправа всякая меж всякими людьми чинити в правду, а ратным и всяким земским людем их бояр во всяких земских и в ратных делах слушати всем» [7. — С. 44]. Во главе правительства оставались П.П. Ляпунов, И.М. Заруцкий и Д.Т. Трубецкой, но права их были ограничены, а «Земля» имела право переизбирать своих «начальников»: «Вольно... переменить и в то место vybrати иных... хто будет болю к земскому делу пригодится» [9. — С. 49].

В составе Земского правительства создавались приказы (Земский, Поместный, Разрядный и др.), которые возглавлялись авторитетными боярами или дьяками, иначе говоря, создавался центральный административный аппарат. На местах снимались назначенные прежними властями из казаков и атаманов «приставы» и «воеводы», и

ставились «дворяне добрые», которым доверял народ. Однако власть «бояр» вновь ограничена: они не имеют права самостоятельно, без совета с «Землей» принимать законы, приговаривать кого-то к смертной казни или отправлять в ссылку, «а строить Землю и всяким земским и ратным делом промышлять, боярам, которых избрали всею Землею по сему всею Земли приговору. А смертную казнь без земскаго и всей Земли приговору боярам не по вине не казнити и по городам не съсылати и семьям и заговором ни кому ни кого не побивати и недружбы ни которые ни к кому не мстити. А кому до кого какое дело, и о том управе бити челом бояром и всей Земле... А хто кого убьет без земскаго приговору и того самого казнити смертью» [9. — С. 49]. Даже решение вопросов, связанных с новым распределением поместий — для большинства участников Первого ополчения это были самые насущные вопросы, недаром ответы на них занимают большую часть «Приговора», — в некоторых случаях передавалось в ведение «Земли»: «А боярам, поговоря с Землею, вотчины давати вольно»; «дворяном и детем боярским всех городов про разоренье свое и про поместья сказывать и боярам и всей Земле бити челом» и др. [9. — С. 46–47].

Как можно видеть, «Совет всей Земли» и «бояре» фактически взяли на себя функции и полномочия общерусского правительства. Однако в «Приговоре» ничего не говорится о форме того возможного государства, которое это правительство должно было возглавлять. Это дало возможность некоторым исследователям рассуждать о том, что «Приговор» впервые учредил в России республику: «Если же рассматривать только акт 30 июня 1611 г., то здесь налицо республиканская форма правления, причем, поскольку главную роль играет не феодальная аристократия, а масса служилого сословия, можно говорить о зарождении феодальной

демократической республики». Впрочем, тут же следует оговорка: «Эта форма правления являлась, безусловно, переходной. Приговор отразил лишь временный перевес сил на стороне дворянства. Однако при существовавшем в то время уровне развития социально-экономических отношений иной формы правления, кроме монархии, быть не могло» [10. — С. 62].

Думается, что в данном случае несколько преувеличено стремление русских служилых людей начала XVII в. к республиканским формам государственного устройства. Как свидетельствуют источники, все русские жители оставались убежденными сторонниками традиционной для России самодержавной монархии, а все остальные формы государства расценивали не просто как вредные, а как откровенно еретические. Для людей того времени главная проблема заключалась только в одном — как найти «истинного» царя? Поэтому, оценивая политические предпочтения участников Первого ополчения, скорее, нужно говорить о том, что они не решились взять на себя функции *избирательного* Земского собора, видимо, понимая, что не являются представителями интересов всего российского населения. Думается, важнейшим фактором в данном случае стало отсутствие в Первом ополчении хоть сколько-то значимых архиереев Русской Церкви и других церковных деятелей, без участия которых избрание нового государя было просто нелегитимно. Следовательно, «бояре и вся Земля» Первого ополчения сознательно отложили решение вопроса об избрании нового государя до лучших времен, взяв на себя функции только *временного* общерусского правительства.

Как отмечают исследователи, во всех официальных документах «бояре и вся Земля» Первого ополчения обязательно подчеркивали временный характер своих полномочий. В частно-

сти, жалованные грамоты на вотчины и поместья в Первом ополчении опечатавали желтой печатью, а в тексте жалованных грамот обязательно делалась специальная приписка: «А как в Московское государство Бог даст государя и тогда велит ему на ту его вотчину по книгам и по дачам дати вотчинную жалованную грамоту за красною печатью» [цит.: 1. — С. 146].

Важно и то, что точно также к предстоящему избранию нового государя относились и местные земские власти. Так, жители Казани, Нижнего Новгорода и Перми, вместе «со всеми городами поволжскими, и с горными, и с луговыми татарами, и с луговою черемисою» осенью 1611 г. единодушно решили не допустить незаконных выборов нового царя одними казаками, потому что «на Московское государство» государя можно выбрать только «*всею Землею Российские державы*» (выделено мной. — С.П.), а если кто-то захочет избрать царя по собственному желанию «не сослався со всею Землею», то такого царя никто не должен признавать: «...Нам бы того государя на государство не хотеть» [6].

Наверное, «Совет всей Земли» и Земское правительство Первого ополчения могли сыграть серьезную роль в истории. Но между различными социальными силами, из которых состояли ополченские полки, сохранялось еще слишком много разногласий, — у бояр, помещиков, крестьян и казаков были зачастую разные интересы. К тому же, не дремали и агенты окруженных в Москве поляков. 22 июля 1611 г. казаки, обиженные на П.П. Ляпунова и спровоцированные поляками, убили рязанского воеводу. После этого единое Первое ополчение фактически начало распадаться. Впрочем, как отмечают исследователи, авторитет «Совета всей Земли» Первого ополчения продолжал сохраняться на всей освобожденной от интервентов территории вплоть до 2 марта 1612 г. (в этот день часть опол-

ченцев присягнула объявившемуся в Пскове новому самозванцу — Лжедмитрию III).

Но народ не оставил надежду на объединение. В очередной раз убедившись в том, что среди бояр, воевод и казаков еще слишком много изменников, в народе зарождается новое освободительное движение. Так возникает знаменитое Нижегородское ополчение, ставшее основой Второго земского ополчения русских городов.

Еще осенью 1608 г. в Нижнем Новгороде, как и во многих русских городах, был создан общесословный городской совет, в который, наряду с представителями разных городских социальных групп, вошли и местные церковные деятели со всем Освященным собором (архимандрит нижегородского Вознесенского монастыря Иоиль, архимандрит Печерского монастыря Феодосий, спасский протопоп Савва и др.). Решения Нижегородского городского совета были обязательны для всех горожан, в том числе и для входивших в его состав местных воевод, действия которых строго контролировались. Осенью 1611 г. по призыву «выборного от всей земли человека» Кузьмы Минина в Нижнем Новгороде началось формирование ополчения, во главе которого, наряду с К. Мининым, встали князь и воевода Д.М. Пожарский, воевода И.И. Биркин и дьяк В. Юдин. Начался сбор средств и переписка с другими городами. Нижегородский городской совет отказался сотрудничать с Первым ополчением, но осенью–зимой 1611 г. провел организационную подготовку по созданию самостоятельного общеземского правительственного учреждения. В феврале 1612 г. в Нижнем Новгороде начал действовать свой Нижегородский «Совет всей Земли» [1. — С. 148–153].

Тексты грамот, направляемых в разные города нижегородцами, свидетельствуют о самом широком представительстве различных социальных

групп в нижегородском ополчении: «На Вычегду архимаритом, и игуменом, и протопопом, и попом, и дьяконом, и всему Освященному собору, и господам воеводе Ивану Микифоровичю и дворяном, и детем боярским, и всяким служивым людем, и земским старостам, и таможенным головам, и всяким посацким жилецким людем Дмитрией Пожарской, Иван Биркин, Василей Юдин, и дворяня и дети боярские Нижнево Новагорода, и смоляня, и дорогобуженя, и вязмичи, (и) иных многих городов дворяня и дети боярские, и головы литовские и стрелецкие, и литва, и немцы, и земьские старосты, и таможенные головы, и все посацкие люди Нижнево Новагорода, и стрелцы, и пушкари, и затинщики, и всякие служилые и жилецкие люди челом бьют». Однако, как указано в грамоте, круг участников нижегородского освободительного движения был еще более широк: «А мы, свестясь с Казан(ь)ю и с понизовыми города и собрався со многими ратными людами, прося у Бога милости, идем на полских и на литовских людей... А ис Казани, из Свяжского и ис Чебоксар, изо всех понизовых городов к нам писали, что они идут на земскую службу все головами своими, а передовых людей ис Казани голов и з стрелцами к нам послали и будут к нам вскоре».

Конечной целью похода на Москву было не только спасение государства от разорения и изгнание засевших в Кремле «польских и литовских людей», но — избрание «всей Землей» нового государя: «И такую неправду и разоренье видя, все города Московского государства, сослався меж себя, утвердились на том крестным целованьем, чтоб быти нам всем, православным кристьяном, в любви и в соединение, и преждево междоусобства не всчинати и Московское государство от врагов наших, от полских и литовских людей, очищати неослабно до смерти своей, и грабежей и налогу православному христианству

отнюдь не чинити, и своим произволом на Московское государство государя без совету всей Земли не обирати; а как всеильны(й) херувимски(й) Владыко по премножеству щедрот своих останок рода христианского помиловал и избавил бы от всеядного меча, от полских и литовских людей, и нам было, всему христоименитому народу, просити у него, преблаго(го) Бога, с воздыханием и слезами милости, чтоб нам дал на Московское государство государя благочестива, подобна прежним природным христианским государем... А как будем все понизовые и верховые города в сходе вместе, мы всею Землею выберем на Московское государство государя, ково нам Бог даст» [11. — С. 233–237].

В конце февраля — начале марта 1612 г. организованное ополченское войско, костяк которого составили совместно с нижегородцами отряды из Смоленска, Дорогобужа и Вязьмы, выступило из Нижнего Новгорода в Ярославль. Заняв Ярославль, Второе ополчение продолжило собирание земских сил. Сюда стали стягиваться со всей страны земские рати, а также отряды, ушедшие из подмосковного лагеря Первого ополчения, после того как новое его руководство присягнуло самозванцу Лжедмитрию III. В Ярославле формируется новый «Совет всей Земли», в который нижегородцы призывают русские города прислать «изо всяких людей человека по два, и с ними совет свой отписать, за своими руками». При «Совете всей Земли» создаются свои органы центрального административного управления — Разрядный, Поместный, Дворцовый, Монастырский приказы, Галицкая и Новгородская четь, а также Денежный двор. Одновременно из Ярославля были назначены воеводы в Устюжну, Белоозеро, Владимир, Касимов, Клин, Тверь, Кострому, Ростов, Суздаль, Переяславль, Тобольск и другие города Московского государства.

Мотивы действий нового Земского правительства достаточно полно объясняются в грамоте, посланной в Сольвычегодск «именитым людям» Строгановым 7 апреля 1612 г. Вроде бы цель этой грамоты вполне прозаична: в ней содержится просьба о финансировании «земского дела». Однако здесь приведена развернутая мотивация и духовно-политическая аргументация действий Второго ополчения. Думается, не случайно эту грамоту подписали около 50 человек, среди которых были не только стольники, дворяне, дьяки, гости и «лучшие» посадские люди Ярославля, но и члены Государева двора во главе с боярами В.П. Морозовым, князем В.Т. Долгоруковым, окольниковым С.В. Головиным. Естественно, что здесь же стояли имена Д.М. Пожарского и К. Минина (правда, за него расписался сам князь Д.М. Пожарский).

И вновь участники Второго ополчения подчеркивают временный характер учрежденного ими правительства, а главной целью похода на Москву объявляют избрание нового государя: «И вам, господа, пожаловати, помня Бога и свою православную христианскую веру, советовать со всякими людьми общим советом, как бы нам в нынешнее конечное разорение быти не безгосударным; чтоб нам, по совету всего государства, избрати общим советом государя, кого нам милосердый Бог, по праведному своему человеколюбию, даст; чтоб во многое время, от таких находящих бед, без государя Московское государство до конца не разорилось. Сами, господа, все ведаете: как нам ныне без государя против общих врагов, полских и литовских и немецких людей и русских воров, которые новую кровь в государстве всчинают, стояти? и как нам, без государя, о великих, о государственных о земьских делех со окрестными государи ссылатись? и как государству нашему впредь стояти крепко и неподвижно?» [12]. Стоит отметить, что к восстановлению

истинного самодержавия призывали в своих посланиях ополченцев архимандрит Троице-Сергиева монастыря Дионисий и келарь Авраамий Палицын: «Может ли и невеликая хижица безъ настоятеля утвердиться, не токмо что такому великому царству съ окрестными странами безъ государя быти?» Троицкие старцы пишут о необходимости созыва «благоизбранного земского совета», чтобы «намъ всемъ во едином совете положити о государе, кого намъ дасть въ Троицы славимый Христоръ Богъ нашъ» [13].

Разбив разрозненные отряды Первого ополчения, рати Второго ополчения 27 июля 1612 г. выступили к Москве. В этот момент в союз с руководством Второго ополчения вступил и князь Д.Т. Трубецкой, а И. Заруцкий, наоборот, ушел в Коломну. И хотя между отрядами ополчений продолжали существовать серьезные противоречия, все же в августе 1612 г. в решающей битве с поляками Д.Т. Трубецкой пришел на помощь Д.М. Пожарскому. Но окончательное объединение войск Первого и Второго ополчений произошло в октябре 1612 г.

В объединившемся ополчении были воссозданы общеземские (фактически общегосударственные) органы власти, центральное приказное управление. Было образовано своего рода *коалиционное Земское правительство* с участием «начальников» обоих лагерей. Первое ополчение представляли в нем Д.Т. Трубецкой, думный дьяк Сыдавный Васильев, дьяки И. Третьяков, Н. Новокшенов, М. Поздеев. От Второго ополчения в Земское правительство вошли князь Д.М. Пожарский, «выборный человек» К. Минин, князь Д.М. Черкасский, В.И. Бутурлин, И.И. Шереметев, И.В. Измайлов. Кстати, интересно, что новое Земское правительство ориентировалось на Швецию. Так, руководители правительства считали, что на русский престол должен взойти шведский королевич Карл-Филипп. И вообще, как

отмечают историки, прошведская ориентация руководителей Земского правительства и ополчения сказывалась и позднее, во время работы Земского избирательного собора 1613 г. И эта прошведская позиция — показатель крайнего недоверия, которое царило в народных ополчениях к любым русским боярским группировкам. По сути дела, вожди земских ополчений были глубоко уверены в том, что избрание новым государем кого-нибудь из московских бояр приведет лишь к углублению государственного кризиса, к «умножению вражды», к «конечному разорению» и гибели государства. И, кстати, преодолеть это недоверие было крайне непросто. Но, как бы там ни было, совместными усилиями русские рати освободили Москву от иноземного врага — 26 октября 1612 г. сдался польский гарнизон Кремля и 27 октября отряды ополчения вступили в Кремль.

В 1613–1622 гг. решающую роль в жизни России играют вновь созываемые **Земские соборы**, которые стали **практическим воплощением идеи «всей Земли», как субъекта политического действия**. Более того, в этот период Земские соборы **фактически превращаются в постоянно действующие органы сословно-представительной власти**. Земский собор в 1613 г., избравший нового царя Михаила Фёдоровича Романова, был самым полным и многочисленным по составу — на нем принимали участие члены Освященного собора (высшее духовенство), члены Боярской думы и представители всех сословий, в числе прочих были и выборные от черносошных и дворцовых крестьянских волостей, число выборных людей достигало 800 человек, они представляли 58 городов России. Затем на протяжении нескольких лет Земские соборы своим авторитетом поддерживали власть нового царя и московского правительства. В 1614 г. Земский собор посылает

посольство из духовных и светских лиц уговаривать казаков отказаться от своего «воровства». В 1614–1617 гг. Земский собор занимается организацией финансового обеспечения государства: его представители ведают сбором в стране дополнительных налогов — («пятой деньги», «пятинны»). С 1616 г. этот сбор взимался уже не представителями центральной власти, а земской властью на местах [14. — С. 62]. Немалое значение имели и другие направления деятельности Земского собора. Так, в сентябре 1616 г. собор рассматривал вопрос о заключении мира со Швецией. В 1619 г. Земский собор был посвящен «устроению» и «исправлению земли» (приговору Земского собора сохранился в окружной грамоте царя Михаила Фёдоровича воеводам в Новгород от 5 июля 1619 г.) [15. — С. 67–69].

Период существования постоянно действовавших Земских соборов не был продолжительным и завершился роспуском последнего из них в 1622 г. Причиной тому стала постепенная нормализация обстановки в стране, восстановление разрушенного аппарата власти, упрочение внешнеполитического положения Русского государства. В народном представлении Земские соборы как постоянно действующие

органы сословного представительства выполнили свою роль — избрали нового царя и утвердили его властные полномочия. Кроме того, укрепившийся в эти годы союз царя и Церкви, которую с 1619 г. возглавил патриарх Филарет, отец Михаила Фёдоровича, еще более упрочил позиции «выборного» государя. Все это вместе взятое позволило Российскому государству вернуться к традиционным формам управления: правительство Михаила Фёдоровича почти десять лет (до 1632 г.) не созывало Земских соборов, в эти же годы ограничиваются права и компетенция Боярской Думы. В дальнейшем Земские соборы созывались по мере необходимости. Подобная ситуация была вполне благожелательно воспринята всеми российскими жителями.

Как можно видеть, в Смутное время благодаря политической активности русского народа очень быстро возродилась древняя вечевая традиция, которая приняла новые формы: возникли «Советы всей Земли», сначала как местные, затем как временные общегосударственные выборные органы власти. Земские соборы и местное земское самоуправление сыграли решающую роль в начале XVII в. в спасении России от Смуты.

Литература

1. Волков В.А., Кузьмин А.Г. Смутное время. — М., 2012.
2. Сказание о нашествии поляков на Устюжну Железопольскую // Устюжна. Историко-литературный альманах. — Вып. II. — Вологда, 1993.
3. Отписка нижегородцев к вологжанам (февраль 1611 г.) // ААЭ. — Т. 2. — М., 1836. — № 175.
4. Отписка костромичей к вологжанам (февраль 1611 г.); Отписка ярославцев к вологжанам (февраль 1611 г.); Отписка устюжан к пермичам (23 марта 1611 г.) // ААЭ. — Т. 2. — М., 1836. — № 178; 179, 1; 182.
5. Отписка Московскому патриарху Гермогену из Перми (13 марта 1611 г.); Отписка пермичей казанцам (23 июня 1611 г.) // ААЭ. — Т. 2. — СПб., 1841. — № 323; 329.
6. Отписка пермичей казанцам, о готовности жить в мире и союзе с ними, содействовать к избавлению Отечества от врагов и избрать государя по совету всей Земли (18 сентября 1611 г.) // ААЭ. — Т. 2. — СПб., 1841. — № 333.
7. Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года // Российское законодательство Х–XX вв. — Т. 3. — М., 1985.
8. Черепнин Л.В. Земские соборы Русского государства в XVI–XVII вв. — М., 1978.
9. Приговор Первого ополчения 30 июня 1611 года // Российское законодательство Х–XX вв. — Т. 3. — С. 49.

10. Новицкая Т.Е. Комментарий к «Приговору Первого ополчения 30 июня 1611 года» // Российское законодательство X–XX вв. — Т. 3.
11. Грамота из Нижнего Новгорода в Сольвычегодск о земских делах (не ранее декабря 1611 г.) // Любомиров П.Г. Очерк истории Нижегородского ополчения 1611–1613 гг. — М., 1939.
12. Грамота воеводы князя Пожарского с товарищами и всех ратных людей из Ярославля к вычегодцам (7 апреля 1612 г.) // ААЭ. — Т. 2. — СПб., 1836. — № 203.
13. Послание архимандрита Троице-Сергиева монастыря Дионисия и келаря Авраамия князю Пожарскому и всем ратным людям (апрель 1612 г.) // ААЭ. — Т. 2. — СПб., 1836. — № 202.
14. Грамота в Тотьму с изложением приговора Земского собора о сборе за 1616 год пятой деньги (18 марта 1616 г.) // Российское законодательство X–XX вв. — Т. 3.
15. Окружная грамота царя Михаила Фёдоровича воеводам в Новгород (5 июля 1619 г.) // Российское законодательство X–XX вв. — Т. 3.

РОССИЯ И ЗАПАД В СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ В.Ф. ОДОЕВСКОГО

Аннотация

Статья посвящена творчеству Владимира Фёдоровича Одоевского (1803–1869). Показано, что Одоевский одним из первых поставил и попытался решить проблему отношения России к Европе, ставшей центральной в социально-политической мысли России первой половины XIX в., ему принадлежит приоритет в формулировке идеи русского национального мессианизма. Обоснован вывод о том, что критика западной культуры Одоевским, его идеи о всечеловеческом братстве, достигаемом на пути прогресса мирового духа, эстафета которого передается от одного народа к другому; о том, что в этом общем движении Запад выполнил свое великое дело, и это означает начало его конца; об историческом преимуществе отставших, «свежих», «неисторических» народов, к которым с полным правом может быть отнесен славянский народ — русские. Все это получило дальнейшее развитие в русской мысли и прочно вошло в социально-политический дискурс русских консерваторов-хранителей.

Ключевые слова: В.Ф. Одоевский, Россия, мессианство, «гнилой Запад», «хранительство».

Авторы

Ширинянец Александр Андреевич

Доктор политических наук, профессор,
заведующий кафедрой истории
социально-политических учений
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Кононенко Олег Сергеевич

Студент факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова

Всем известно выражение «гнилой Запад». Его часто приписывают С.П. Шевырёву [21. — С. 11]. Дело в том, что фразу Шевырёва о прежде «веселом, забавном, простодушном французском водевиле», теперь «смеющимся сквозь слезы и плачущем сквозь смех», изменение характера которого стало яркой иллюстрацией «сокрушения» внутреннего бытия французской нации, пораженной недугом старости, нации, в которой коренное, природное чувство веселья оказалось «заедено

злым червем, растущим из болезненного гниения жизни» [20. — С. 266–267], — его противники во главе с В.Г. Белинским¹, а вслед за ними многие

¹ У Шевырёва в работе «Взгляд русского на современное образование Европы» выражения «гнилой Запад» мы не найдем. Как ни странно, его сформулировал, полемизируя со славянофилами, сам В.Г. Белинский, в ироническом контексте упомянув о «людях гниющего Запада», о «познаниях гнилого Запада», о том, что «Запад гниет», в неподписанной им статье, посвященной повести В.А. Соллогуба «Тарантас» [9].

ученые-исследователи (А. Валицкий и др. [см.: 12. — С. 30]) развернули во всеобъемлющую формулу «гнилой Запад», которую якобы изобрел и пропагандировал Шевырёв. В ряде случаев, по воле таких интерпретаторов, Шевырёв удостоивался упоминания в истории русской общественной мысли именно и только лишь как автор «теории-афоризма» о гниющем Западе [см. напр.: 1. — С. 77]. Но известно, что в своих рассуждениях о нравственном кризисе Европы, о тяжелой болезни западного мира он не был оригинальным. Задолго до Шевырёва подобные исторические ощущения «гниения», навеянные западной жизнью и литературой, высказывали многие мыслители. Об этом хорошо сказал П.Б. Струве: «Идея эта, как достояние русской мысли, конечно, не принадлежит никакому отдельному лицу. Но... она и не есть вовсе, как идея, достояние только русской мысли» [13. — С. 247].

Одним из таких мыслителей, рассуждавших о болезнях Западной Европы, о великой миссии России в мире, призванной спасти умирающий западный мир, был Владимир Фёдорович Одоевский (1803–1869) — князь, русский общественный деятель, писатель, философ, музыкальный и литературный критик, популяризатор научных знаний, действительный статский советник (1845), сенатор (1861).

Родился он в Москве в семье аристократа из рода Рюриковичей — Фёдора Сергеевича Одоевского и простолюдники Екатерины Алексеевны Филипповой. После смерти отца в 1808 г. воспитывался родственниками. В 1816–1821 гг. обучался в Московском университетском благородном пансионе, вошел в число 60 лучших выпускников, чьи имена были золотыми буквами запечатлены на доске, висевшей в актовом зале пансиона. В начале 1820-х гг. посещал заседания Вольного общества любителей российской словесности, затем вошел в круг «архивных юношей»

(выражение А.С. Пушкина). Именно эти молодые люди сформировали два кружка или общества: одно — литературное, открытое под председательством С.Е. Раича (Амфитеатрова), в него, наряду с В.Ф. Одоевским, вошли А.Н. Муравьев, Д.П. Ознобишин, М.П. Погодин, Н.В. Путята, В.П. Титов, Ф.И. Тютчев, С.П. Шевырёв и др., другое — философское, членами которого являлись В.Ф. Одоевский, И.В. Киреевский, Д.В. Веневитинов, Н.М. Рожалин и А.И. Кошелев. Этот кружок «философов» получил название «Общество любомудрия», Одоевский стал его председателем. На своих собраниях «любомудры» читали и обсуждали труды немецких философов: Канта, Окена, Фихте, Шеллинга, а также свои собственные сочинения, обменивались мнениями. По поводу этих встреч один из «любомудров» А.И. Кошелев писал: «Начала, на которых должны быть основаны всякие человеческие знания, составляли преимущественный предмет наших бесед; христианское учение казалось нам пригодным только для народных масс, а не для нас, любомудров. Мы особенно высоко ценили Спинозу, и его творения мы считали много выше Евангелия и других священных писаний» [5. — С. 18]. После 14 декабря 1825 г. Одоевский в торжественной обстановке сжег в камине устав общества и протоколы заседаний, однако после этого самороспуска бывшие члены кружка продолжали собираться вместе.

В 1826 г. Одоевский переехал в Петербург, женился на фрейлине императрицы О.С. Ланской, поступил на службу в Цензурный комитет Министерства внутренних дел. Когда комитет перешел в ведение Министерства народного просвещения, Одоевский продолжил службу в должности библиотекаря, одновременно занимал должности в Департаменте духовных дел иностранных исповеданий (1828–1838), члена-сотрудника комитета редакции Журнала Министерства внутренних

дел, работал в Министерстве государственных имуществ (с 1833), во II Отделении Собственной Его Величества Канцелярии (1840–1846). В 1846 г. его назначили помощником директора Императорской публичной библиотеки и заведующим Румянцевским музеем (в Санкт-Петербурге). После перевода музея в Москву в 1861 г. оставил должность заведующего музеем и был назначен сенатором в Московские департаменты Правительствующего Сената, сначала в 6-м (с 1861), затем в 8-м департаменте (с 1864), где и прослужил председателем до самой смерти.

На государственной службе Одоевский находился более 40 лет, сочетая ее с активной общественной деятельностью. В 1830–1840 гг. Одоевские организовали у себя салон, где еженедельно собирался цвет петербургского литературного круга «без различия сословий и званий» (И.И. Панаев). Одоевский много сил тратил на благотворительность, входил в круг Великой княгини Елены Павловны, принимал участие в учреждении и управлении Максимилиановской лечебницы — первой в России поликлиникой, Елизаветинской детской больницы и Крестовоздвиженской общиной сестер милосердия, в 1846 г. создал и 9 лет руководил Обществом посещения бедных просителей в Санкт-Петербурге. Избирался гласным (депутатом) Санкт-Петербургской общей Городской думы. Одоевский выступил членом-учредителем Императорского Русского географического общества (1845), Общества древнерусского искусства при Московском Публичном музее (1864), участвовал в организации Русского музыкального общества (1859), Санкт-Петербургской (1862) и Московской (1866) консерваторий, Артистического кружка — общественной художественной организации, объединявшей работников различных видов искусств, в деятельности Славянского (1867) и подготовке Археологического (1869) съездов в Москве, был почетным

членом Русского музыкального и Санкт-Петербургского филармонического общества и др.

Одоевский представлял собой редкий тип универсального человека-энциклопедиста. Он не только хорошо разбирался в юриспруденции, в библиотечном деле, увлекался науками — гуманитарными и естественными, в особенности математикой, физикой и химией, экспериментировал, но также был замечательным музыкантом и музыковедом — автором работ о русских и зарубежных композиторах и исполнителях, о русской народной музыке, древнерусском церковном пении. Одоевский известен и как беллетрист, издатель и редактор. Его произведения печатались практически во всех крупных журналах его времени: «Вестнике Европы», «Современнике», «Сыне Отечества», «Библиотеке для чтения», «Отечественных записках» и др., выходили отдельными изданиями. В 1824–1825 гг. вместе с В.К. Кюхельбекером он издавал литературный альманах «Мнемозина», который должен был, главным образом, ознакомить русскую публику с плодами немецкой цивилизации, в противовес увлечению французскими теоретиками. В 1834 и 1835 гг. — альманах «Детские книжки для воскресных дней». В 1835 г. вошел в редакционный комитет Журнала Министерства внутренних дел. В 1837 г. после смерти А.С. Пушкина выступил одним из редакторов журнала «Современник». В 1840-е гг. вместе с А.П. Заблоцким-Десятовским выпустил в свет четыре книжки альманаха «Сельское чтение» (1843–1848), рассчитанные на простонародную аудиторию и получившие признание читателей (первая книжка за 20 лет, до 1864 г., выдержала 12 переизданий). Но главное место в его жизни все же заняла литература.

Литературное творчество Одоевского многогранно. Он писал новеллы и музыковедческие эссе, рассказы-притчи и светские повести, фантастические

сказки и утопии. Его литературная деятельность началась еще во время пребывания в Благородном пансионе: в 1820 г. в пансионском сборнике «Каллиопа» (ч. IV) был напечатан его прозаический перевод «Отрывок из Лабрюэра». Первыми серьезными публикациями Одоевского стали переводы с немецкого в журнале «Вестник Европы», вышедшие в 1821 г., а известность начинающему автору принесли опубликованные в 1822–1823 гг. в том же «Вестнике Европы» прозаические «Письма к Лужницкому старцу». Расцвет литературного творчества Одоевского пришелся на 1830 — начало 1840-х гг. В 1830 г. Одоевский опубликовал новеллу «Последний квартет Бетховена», от которой А.С. Пушкин пришел в восторг; в 1831 г. — «Opere del cavaliere Giambattista Piranesi»; в 1833 г. увидели свет «Пестрые сказки с красным словцом, собранные Иринею Модестовичем Гомозейкою»; в 1834 г. отдельно опубликован «Городок в табакерке» — одна из лучших во всей мировой словесности литературных сказок; в 1835 г. издана светская повесть «Княжна Зизи», была начата утопия «4338-й год»; в 1837 г. вышла «гофманианская» повесть «Сильфида»; в 1838 г. — «Сказки и повести для детей дедушки Ириней», ставшие хрестоматийным детским чтением; в 1839 г. — рассказ «Город без имени», в котором развенчивались буржуазные принципы пользы и выгоды; в 1840 г. — фантастическая повесть «Косморама». Эти и многие другие произведения Одоевского принесли ему успех и заслуженную славу выдающегося русского писателя.

Главное место среди сочинений Одоевского занимает философский роман «Русские ночи», который был завершен к 1843 г. и издан в 1844 г. в составе трех томов «Сочинений князя В.Ф. Одоевского». Здесь впервые в русской историографии была представлена систематическая критика западной

культуры, и с особой силой прозвучало утверждение об особом призвании России в мире. Одоевский сформулировал ряд положений, получивших развитие в социально-политической мысли России: идею всечеловеческого братства, достигаемого на пути прогресса мирового духа, эстафета которого передается от одного народа к другому; мысль о том, что в этом общем движении Запад выполнил свое великое дело, и это означает начало его конца; тезис об историческом преимуществе оставших, «свежих», «неисторических» народов, к которым с полным правом может быть отнесен славянский народ — русские. Квинтэссенция концепции национального мессианизма Одоевского сводится к утверждению о том, что «девятнадцатый век принадлежит России!», а особое призвание России — служить звеном между Западом и Востоком, между веком минувшим и настоящим.

* * *

В первой половине 1820-х гг. Одоевский стал ключевой фигурой круга шеллингианской молодежи, получившего название «любомудров». Из этого круга вышли как основоположники собственно славянофильского движения — И.В. Киреевский, А.С. Хомяков, А.И. Кошелев, так и идеологи «официальной народности» — М.П. Погодин, С.П. Шевырëв, а также «русский европеец» Ф.И. Тютчев, развивавшие концепции национальной самобытности России.

Именно Одоевскому принадлежит приоритет в формулировке идеи национального мессианизма. В начале 1830-х гг. Одоевский высказал мысли, которые соотносятся с идеями П.Я. Чаадаева, содержащимися в его знаменитом философическом письме, опубликованном в 1836 г., однако совершенно им противоположны. Уничтожению России и ее истории Одоевский,

«не имея почти никакого понятия о мыслях» Чаадаева¹, противопоставил оптимистический взгляд на настоящее и будущее страны, заявив, что «девятнадцатый век принадлежит России!» [7. — С. 183].

Одоевскому претили принципы пользы и выгоды отдельной личности, положенные в основу буржуазного общества, и разрушающие его эгалитаризм и революционность республиканского Запада, ведущие к угнетению и варварству [см.: 7. — С. 145]. С особой силой неприятие буржуазного утилитаризма прозвучало в рассказе «Город без имени», который был впервые опубликован в журнале «Современник» в 1839 г. и затем вошел в роман, составив его «Ночь пятаю». Одоевский здесь развернул полемику с родоначальником утилитаризма И. Бентамом. На примере жизни государства, руководствовавшегося принципом пользы как своим «первым и последним законом» [7. — С. 63], он показывает, к чему может привести жизнь на основе строгого прагматизма. Вырождение, подмена понятий, голод, братоубийство — это лишь неполный список напастей, грозящих «бентамитам», последователям Бентама. Одоевский изложил теорию пользы Бентама в упрощенном, утрированном виде, но для него важны были не детали этой теории, но «ложные основания и... опасные последствия,

к которым ведет реализация на практике» [6. — С. 272]. Апокалипсический взгляд Одоевского на «искусственную жизнь, составленную из купеческих оборотов» [7. — С. 70], убеждает читателя в обреченности западного мира. Время обгоняет старую, одряхлевшую Европу, считает Одоевский. «Запад гибнет», на Западе «все опровергнуто, все поругано, все осмеяно: нет жизни в науке, нет святыни в искусстве!.. Западный храм — политическая арена; его религиозное чувство — условный знак мелких партий. Религиозное чувство истории выступает русский народ, долженствующий указать путь, с которого совратилось человечество, и занять первое место между народами.

У русского народа вполне достаточно для этого оснований. Главное — присущая ему «стихия всеобщности», проявляющаяся в различных сферах. Это и историческая жизнь России, для которой характерна не междоусобная борьба между властью и народом, но чувство любви и единства; это и российские законы, созданные не искусственно, или привнесенные извне, а медленно, веками рождавшиеся на родной почве; это и коллективизм русского народа, верящего в счастье не большинства, а счастье всех и каждого, это и православная религия, возвышающаяся над отрицающими друг друга папизмом и протестантизмом, и объединяющая народ; это и всеобъемлющая многосторонность духа русского народа, проявляющаяся в науке, литературе, поэзии, музыке; это, наконец, и успехи русского оружия. «Много царств улеглось на широкой груди орла русского! В годину страха и смерти один русский меч рассек узел, связывавший трепетную Европу, — и блеск русского меча донныне грозно светится посреди мрачного хаоса старого мира... Все явления природы суть символы одно другому: Европа назвала русского *избавителем*, в этом имени таится другое,

¹ 17 ноября 1836 г. Одоевский писал С.П. Шевырëву, откликаясь на выход в свет философического письма Чаадаева: «Как мне жаль, что я не успел прежде окончить печатание моего Дома Сумасшедших; два года тому назад, не имея почти никакого понятия о мыслях Ч., я написал эпилог, заключающий книгу и как будто нарочно совершенно противоположный статье Ч.; то, что он говорит об России, я говорю об Европе и наоборот. Ты знаешь мою мысль, о которой я намекнул мимоходом в Введении к Дому Сум. (смотри в Библи. для Чтения: "Кто сумасшедший") и в "Русских Ночах" о том, что Россия должна такое же действие произвесть на ученый мир, как некогда открытие новой части света, и спасти издыхающую в Европейском рубище науку...» [3. — С. 57].

еще высшее звание, которого могущество должно проникнуть все сферы общественной жизни: не одно *тело* должны спасти мы — но и *душу* Европы!

Мы поставлены на рубеже двух миров: протекшего и будущего; мы новы и свежи; мы непричастны преступлениям старой Европы; пред нами разыгрывается ее странная, таинственная драма, которой разгадка, может быть, таится в глубине русского духа; мы — только свидетели; мы равнодушны, ибо уже привыкли к этому странному зрелищу; мы беспристрастны, ибо часто можем предугадать развязку, ибо часто узнаем пародию вместе с трагедией...

Велико наше звание и труден подвиг! Всё должны оживить мы! Наш дух вписать в историю ума человеческого, как имя наше вписано на скрижалях победы. Другая, высшая победа — победа науки, искусства и веры — ожидает нас на развалинах дряхлой Европы» [7. — С. 148].

Вполне осознавая непрянь Запада к России, его страх перед «славянским духом», Одоевский призывает европейцев отринуть эти чувства: «Не бойтесь, братья по человечеству! Нет разрушительных стихий в славянском Востоке — узнайте его, и вы в том уверитесь; вы найдете у нас частию ваши же силы, сохраненные и умноженные, вы найдете и наши собственные силы, вам неизвестные, и которые не оскудеют от раздела с вами» [7. — С. 182].

Идеальный мир будущего Одоевский представил в своем незаконченном утопическом романе «4338-й год», по сюжету которого перед глазами китайского студента предстает технологически развитая Россия 44-го столетия, которая расширилась до размеров целого полушария [см.: 8. — С. 419–420]. Одоевский подчеркивает принципиальный момент: Запад уже далеко «позади», Россия территориально расширилась за счет него¹. Несмотря

на то, что, по мнению историка русской литературы и философии П.Н. Сакулина, политическая организация России будущего в этом романе «задумана в чисто русском стиле» [11. — С. 203–204], да и сама «Россия 44-го столетия ничем существенным не разнится от России 30-х годов XIX века» [11. — С. 205], этот роман наглядно демонстрирует нам, каким будет мир, когда Россия исполнит свое предназначение. **Россия в 44-м столетии — мировой лидер, у которого учится еще один «молодой», «свежий» народ — китайцы. При этом для того, чтобы выполнить свою историческую миссию и стать спасением для человечества, Россия сама должна сделать выбор в пользу просвещения и научно-технического прогресса. Только это позволит России исполнить свое предназначение и спасти «одряхлевшую Европу», «гнилой Запад». Только так у человечества появится альтернатива: спастись с Россией или погибнуть с Западом².**

* * *

Творчество Одоевского сыграло заметную роль в развитии русской мысли и общественного самосознания XIX в. Одоевский одним из первых поставил и попытался решить проблему отношения России к Европе, ставшей центральной в отечественной соци-

раскрыты, но в тексте романа присутствует такая заметка: «Англичане продают свои острова с публичного торга, Россия покупает». Возможно, Одоевский хотел описать историю территориального приращения России позже, что кажется весьма вероятным, учитывая замысел Одоевского создать трилогию, в которой «4338-й год» — последняя часть [см.: 4. — С. 289–290].

² Историк, исследователь творчества Одоевского В.С. Виргинский описывал этот выбор так: «По мнению Одоевского, перед человечеством стоит альтернатива: либо построение царства просвещения во главе с Россией, основанного на общественной пользе и развитии благородных сторон человеческого духа, либо путь, исходящий из личной пользы, приводящий к одиночеству и гибели культуры» [2. — С. 204].

¹ Подробности, касающиеся расширения территории России, в неоконченной утопии не

ально-политической мысли первой половины XIX в., пожалуй, впервые в русской историографии в систематизированном виде разработал вопрос об особом призвании России в мире. Критика западной культуры Одоевским, его идеи о всечеловеческом братстве, достигаемом на пути прогресса мирового духа, эстафета которого передается от одного народа к другому; о том, что в этом общем движении Запад выполнил свое великое дело, и это означает начало его конца; об историческом преимуществе отставших, «свежих», «неисторических» народов, к которым с полным правом может быть отнесен славянский народ — русские, — все это получило дальнейшее развитие в русской мысли и прочно вошло в со-

циально-политический дискурс русских консерваторов-хранителей¹.

¹ Хранительство шире политического консерватизма, так как включает идею патриотизма, защиты традиционных ценностей и традиционной духовности, национального исторического опыта, национальной культуры, языка, веры. У каждой страны имеются свои патриоты-хранители, приверженцы идеи сохранения исторических начал общества и государства. Они и есть консерваторы-хранители — противники радикализма и революционности. Ведь истинный консерватизм, с одной стороны, исключает возможность отрицания существующего общественного строя и, с другой, не приемлет реакционных порывов и вождельний, направленных на возрождение прошлого [см.: 10. — С. 71]. Концепция «хранительного» направления русской социально-политической мысли реализована в антологии «Хранители России» [14; 15; 16; 17; 18; 19].

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Основные проблемы русской мысли XIX века и начала XX века // О России и русской философской культуре. Философы русского послеоктябрьского зарубежья. — М., 1990. — С. 43–271.
2. Виргинский В.С. В.Ф. Одоевский как социолог и утопист // Вопросы истории. — 1970. — № 2. — С. 196–204.
3. Из бумаг Степана Петровича Шевырёва // Русский архив. — 1878. — Кн. 2. — Вып. 5. — С. 49–89.
4. Кононенко О.С. Социально-политические идеи кн. В.Ф. Одоевского в фантастическом романе «4338-й год» // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А. Ю. Шутова, А. А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 289–292.
5. Кошелёв А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812–1883 годы). С семью приложениями / Издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. — М.: Наука, 2002.
6. Маймин Е.А. Владимир Одоевский и его роман «Русские ночи» // Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л.: Наука, 1975.
7. Одоевский В.Ф. Русские ночи. — Л., 1975.
8. Одоевский В.Ф. 4338-й год // Одоевский В.Ф. Повести и рассказы. — М.: ГИХЛ, 1959. — С. 416–448.
9. Отечественные записки. — 1845. — Т. XL. — № 6. — Отд. V. — С. 29–62.
10. Перевезенцев С.В., Ширинянец А.А. В поисках самобытности. Об истоках отечественного национал-консервативного дискурса // Тетради по консерватизму. — 2018. — С. 61–73.
11. Сакулин П.Н. Русская Икарция // Современник. — 1912. — Кн. 12. — С. 193–206.
12. Славянофильство и западничество: консервативная и либеральная утопия в работах Андрея Валицкого: Реферат. сб. / Сост. К.В. Душенко. — М., 1991. — Вып. 1. — 191 с.
13. Струве П.Б. С.П. Шевырёв и западные внушения и источники теории-афоризма о «гнилом», или «гниющем» Западе. Изыскания, сопоставления и материалы // Записки русского научного института в Белграде. — Вып. 16–17. — Белград, 1941. — С. 201–263.
14. Хранители России. Антология. Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. / Под ред. С.В. Перевезенцева. Авт.-сост.: Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.А. Ширинянец. Подг. текстов А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев. — М., 2015. — 735 с.
15. Хранители России. Антология. Т. 2. В поисках нового... консерватизма / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. Авт.-сост. Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев,

- А.А. Ширинянец. Подг. текстов: А.А. Горохов, О.Е. Пучнина, А.С. Хелик, А.Б. Страхов, Д.А. Ананьев. — М., 2015. — 935 с.
16. Хранители России. Антология. Т. 3. Рождение русского консерватизма. 1800–1850 гг. / Под ред. А.Ю. Минакова, С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. Д.А. Ананьев, Т.И. Дайн, Ю.Е. Кондаков, Н.Н. Лупарева, А.О. Мещерякова, А.Ю. Минаков, Р.В. Михайлов, В.С. Парсамов, С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, И.Р. Федий, С.В. Хатунцев, А.С. Хелик, А.А. Ширинянец. — М., 2016. — 1096 с.
 17. Хранители России. Антология. Т. 4. В поисках русского пути. 1800–1850 гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, А.А. Горохов, Т.И. Дайн, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, А.Б. Страхов, А.С. Хелик, А.А. Ширинянец. — М., 2016. — 1136 с.
 18. Хранители России. Антология. Т. 5. Обретенная Россия. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, В.А. Болдин, Т.И. Дайн, Д.Ю. Кухарский, А.З. Маргушева, Р.В. Михайлов, А.В. Мырикова, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М., 2018. — 952 с.
 19. Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М., 2018. — 1174 с.
 20. Шевырёв С.П. Взгляд русского на современное образование Европы // Москвитянин. — 1841. — Ч. 1. — № 1. — С. 219–296.
 21. Ширинянец А.А. С.П. Шевырёв в истории социально-политической мысли России // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭК. — Т. 7. — 2011. — № 1. — С. 5–16.

«ПРОСВЕЩЕННАЯ БЮРОКРАТИЯ» В ЭПОХУ КРЕСТЬЯНСКОЙ РЕФОРМЫ 1861 г.: Я.И. РОСТОВЦЕВ, С.С. ЛАНСКОЙ, М.Н. МУРАВЬЁВ¹

Аннотация

В статье раскрываются обстоятельства подготовки крестьянской реформы 1861 г. в России, роль в этом процессе представителей так называемой «просвещенной бюрократии». Рассматриваются письма и записки председателя Редакционных комиссий Я.И. Ростовцева, министра внутренних дел С.С. Ланского, министра государственных имуществ М.Н. Муравьева. Обосновывается вывод о том, что мнение как большинства «просвещенных бюрократов», так и широкого круга дворянства и профессиональных экспертов, привлеченных к обсуждению крестьянского вопроса, оказалось бессильным перед властной волей самодержавного монарха, поддержавшего проект, в результате реализации которого дворянство было ограблено, а крестьянство обмануто.

Ключевые слова: крестьянская реформа 1861 г., Александр II, Я.И. Ростовцев, С.С. Ланской, М.Н. Муравьев.

Автор

Ширинянец Александр Андреевич

Доктор политических наук,
профессор, заведующий кафедрой истории
социально-политических учений
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Отмену крепостного права в России в 1861 г. называют «Революцией сверху». Действительно, инициированная и осуществленная по воле императора Александра II ломка социально-экономических отношений связана с революцией... Но с революцией, которая произошла позже, уже в XX в.

Три силы организовали переворот 1861 г. — император Александр II, «просвещенная бюрократия» и «прогрессивное дворянство». Заметными фигурами эмансипационного процесса стали Я.И. Ростовцев, С.С. Ланской, М.Н. Муравьев.

* * *

Огромную роль в подготовке крестьянской реформы сыграл *Яков Иванович Ростовцев* (1803–1860). Генерал-адъютант Ростовцев, член Государственного совета и начальник главного штаба Его Императорского Величества по военно-учебным заведениям, став в 1857 г. вопреки своему желанию одной из центральных фигур императорского «штаба» по улучшению быта помещичьих крестьян — сначала Секретного комитета по крестьянскому делу, затем с 1858 г. — Главного комитета по крестьянскому делу (в комитетах он входил в комиссии, предварительно рассматривавшие поступившие в них проекты), а в начале 1859 г. возглавив Редакционные комиссии.

¹ В основе статьи доклад автора ««Просвещенная бюрократия» в эпоху крестьянской реформы 1861 г.: политико-текстологический анализ записок Я.И. Ростовцева, С.С. Ланского, М.Н. Муравьева» на IV Международной научной конференции «Политика в текстах — тексты в политике: наука истории идей и учений» (Москва, 15 декабря 2017 г.).

Поначалу Ростовцев был противником реформы, но после тщательного изучения дел поменял точку зрения и летом 1858 г. изложил свое новое видение крестьянского вопроса в четырех письмах императору Александру II¹. По указанию императора Александра II Ростовцевым из писем было сделано «систематическое извлечение» [15. — С. 1065–1088], которое стало предметом обсуждения Главного комитета по крестьянскому делу, а затем легло в основу правил обнародования положений об улучшении крестьянского быта и порядка рассмотрения проектов таких положений, поступающих из губернских комитетов [см.: 1. — С. 36–37].

Программа правительства в крестьянском деле, соответствовавшая идеям Ростовцева, была утверждена 4 декабря 1858 г. В начале 1859 г. он был назначен председателем Редакционных комиссий. К этому периоду относятся две записки Ростовцева, поданные им в Комиссию Главного комитета — «Ход и исход крестьянского вопроса» (14 февраля 1859 г.) и «Дополнение» к ней (8 апреля 1859 г.). В них он еще раз вернулся к вопросу о выкупе, настаивая на «полюбовности» его осуществления, а также указал на трудности срочно-обязанного положения: «Соединить права свободного человека с требованием от него обязательного труда, *без сильной власти на месте*, составляет такое искусственное условие, что исхода его... предвидеть... невозможно» [14. — С. 1088]. В «Дополнении...» Ростовцев формулирует 12 конкретных пунктов, осуществление которых, как ему кажется, могло бы сократить и сделать менее обременительным для сторон срочно-обязанный период.

В Редакционных комиссиях Ростовцев вел долгие споры с депутатами

Яков Иванович Ростовцев (1803–1860)

губернских комитетов, большинство которых составляли противники отмены крепостного права. Характер этих споров хорошо иллюстрируют его письма императору. В одном из них — по поводу особого мнения, поданного членом Редакционных комиссий предводителем орловского дворянства В.В. Апраксиным на доклад Административного отделения № 8, написанном 26 сентября 1859 г. Ростовцев жаловался императору на несговорчивость Апраксина, идеи которого радикально отличались от планов самого государя: «Вообще по всем работам Апраксин очень редко с заключениями общих присутствий соглашался, так что большая часть журналов им даже и не подписана» [13. — С. 1091]. Ростовцев понимал, что вопрос освобождения крестьян задевает, в первую очередь, имущественные права дворян: «Все, отнимающее что-либо у человека, конечно, не может быть для него приятно, а уладить крестьянский вопрос без жертвований со стороны дворянства нет никакой возможности» [13. — С. 1092]. Он предлагал императору своеобразную тактику составления проекта: «Проект Положения должен быть составлен комиссиями так, чтобы

¹ Содержание этих писем, написанных Ростовцевым государю из Вильдбада, Карлсруэ и Дрездена, хорошо изложено в книге В.А. Томсинова [7. — С. LXXXII–LXXXVII]. См. также: [9. — С. 381–398].

возможные уступки оставались в запасе, дабы уступки могли быть сделаны» [13. — С. 1093]. Через месяц, 23 октября 1859 г., Ростовцев писал императору: «Главное противоречие состоит в том, что у комиссий и у некоторых депутатов различные точки исхода: у комиссий государственная необходимость и государственное право; у них право гражданское и интересы частные... как необходимость государственная, и на основании государственного права, реформа эта законна, священна и необходима» [16. — С. 1094]. Ростовцев называл четыре главные задачи реформы: «Во-первых, *спасти Россию...* Во-вторых, преобразование произвести *не паллиативно, а рационально*, то есть не на какой-либо срок и не вполнину, а навсегда и вполне, дабы избавить и Россию, и наследников Вашего Величества от будущих потрясений. В-третьих, чтобы для исторической будущности России *не завязывать новых, незнакомых России, узлов*, подобных тем, которые Европа в продолжение двух столетий распутывает или разрушает. В-четвертых, стараться, чтоб интересы помещиков были сколь возможно ограждены и чтоб этот почтенный и самый просвещенный класс, составляющий, так сказать, цвет России, *не потерпел потерь не необходимых*» [16. — С. 1095].

Ростовцев выделял шесть положений, которые формировались в комитетах, и четыре мнения об отношении крестьянина к помещику: «Одни желают немедленного прекращения власти помещиков над крестьянами... Другие... находят необходимым удерживать сильную власть помещика только в имениях, которые будут находиться на барщинном положении. Третьи... признают нужным, чтобы сильная власть помещика сохранялась над крестьянами и барщинными, и оброчными на все время до окончательного выкупа земли, или до окончания срочно-обязанного положения. Наконец, четвертые желали бы продлить власть

помещиков над крестьянами на вечные времена» [16. — С. 1096].

Буквально в день своей смерти, 6 февраля 1860 г., Ростовцев закончил диктовать секретарю последнюю записку императору. В ней он выделял три главные задачи разрешения крестьянского вопроса: «1) Отношения крестьян, уже свободных, к земле чужой, обеспечивавшей их быт и состоявшей в их пользовании, а также к собственникам этой земли, т.е. помещикам. 2) Правила выкупа всей или части этой земли крестьянами в собственность, при содействии или без содействия правительства; и 3) Правила внутреннего управления волостей или обществ, из которых будет состоять свободное сельское сословие» [17. — С. 1099]. Ростовцев предложил компромиссное решение вопроса собственности на землю: «Нет возможности не предоставить крестьянам, согласно с духом Высочайших рескриптов, земли в *бессрочное пользование*, за определенные Положением повинности помещикам, как настоящим собственникам этой земли» [17. — С. 1100], при этом было отдельно оговорено право крестьян выкупать землю в свою полную собственность. Ростовцев предлагал определить площадь надела, ее минимум и максимум, их границы: «Так как интересы помещиков настоятельно требуют скорейшего разграничения и размежевания земель (остающихся в непосредственном распоряжении помещиков) от поступающих в надел крестьянам, то комиссии, определив 6-летний срок для такого развода и разграничения земель, предоставили помещику отводить крестьянам и обменивать земли по своему усмотрению, ограждая крестьян только соблюдением некоторых правил, существующих относительно таких обменов в межвых постановлениях» [17. — С. 1104].

Ростовцев предлагал сохранить повинности в виде оброка: «За пользование помещичьими землями на крестьян налагаются повинности, в

основание которых приняты нынешние крестьянские оброки. Сии последние несколько облегчены» [17. — С. 1105]. Была облегчена и барщина: «Комиссии, взамен слагаемых с помещика крепостных обязанностей и в видах улучшения быта крестьян, уменьшили эту повинность до 100 конных дней» [17. — С. 1108]. При этом за повинности должно было отвечать общество: «Сознавая многие неудобства круговой поруки, которая ставит личность крестьян в слишком большую зависимость от мира, комиссии приняли ее как неизбежное зло, так как, при существующем ныне общинном владении землею, они составляют главный способ обеспечения повинности; уничтожить же искусственно общинное владение землею, с которым крестьяне так сроднились, было бы мерою насильственной» [17. — С. 1110–1111]. Ростовцев предлагал ввести волостное управление: «Как только поземельные отношения помещиков к сельским обществам определятся уставной грамотою, а крестьяне перейдут на денежную повинность, то они могут уже немедленно вступать в права свободного сельского сословия и власть помещиков переходит на *мир* или *сельское общество* как ближайшую хозяйственно-распорядительную власть, и на *волость*, как власть административно-полицейскую» [17. — С. 1114]. Отдельно раскрывается суть и особенности выкупа: «Выкуп вообще может быть трех родов: *обществами* (в общинное владение), *товариществами* (преимущественно там, где нет общинного владения землею) и *личный*. Правительство может преимущественно гарантировать только первые два рода выкупа» [17. — С. 1117].

Даже на смертном одре Ростовцев не терял надежды на благополучное осуществление реформы: «В настоящую минуту я смотрю на будущее своего отечества полный тех же лучших надежд и той же теплой веры, которые Вас, Государь, никогда не покидали» [17. — С. 1122].

Свое участие в великом деле освобождения крестьян Ростовцев рассматривал как выполнение воли Божией, как «служение». ««Энтузиазм», самоотверженная увлеченность делом, которое почитается «святым», героическая избранность на совершение важного для судеб страны дела, мотив «жертвенности» ради высокой цели — важнейшие доминанты индивидуального сознания Ростовцева, определявшие его основные личные черты и практическую деятельность на протяжении всей жизни» [5. — С. 216]. Последними словами Ростовцева были: «...я умираю как герой» [6. — С. 38].

* * *

Наряду с Ростовцевым, одним из главных героев эпохи подготовки крестьянской реформы 1861 г. был *Сергей Степанович Ланской* (1787–1862). Роль и место Ланского в деле освобождения крестьян от крепостной зависимости определялось рядом обстоятельств. Во-первых, тем, что крестьянский вопрос формально принадлежал ведомству Министерства внутренних дел и в соответствии с этой бюрократической специализацией и логикой, принятой в системе управления Российской им-

Сергей Степанович Ланской (1787–1862)

перией, именно Ланской как министр должен был стать главным проводником идей императора и организатором реформы. Однако, вопреки всякой логике был создан на основе Секретного комитета Главный комитет по крестьянскому делу, поставленный над Министерством внутренних дел, а затем и вне всяких ведомств — Редакционные комиссии, никому, кроме императора не подконтрольные. Ланской вошел в Секретный и Главный комитет, но Редакционные комиссии возглавил не он, а генерал-адъютант Ростовцев. Во-вторых, тем, что Ланской не стал оскорбляться, настроился на сотрудничество, связал напрямую с комиссиями Земский отдел Центрального статистического комитета своего министерства¹ и принял активнейшее участие в подготовке реформы. О степени и характере этого участия свидетельствует хотя бы то, что все важнейшие распоряжения правительства по подготовке реформы в виде циркуляров исходили из Министерства внутренних дел. Определяя роль Министерства внутренних дел и его руководителя, Н.П. Семёнов (член редакционных комиссий в 1859–1860 гг.) совершенно верно отмечает, что «администрация реформы главным образом принадлежала ему» [18. — Стлб. 1362], т.е. министерству.

Эту «тесную связь» Министерства внутренних дел с Редакционными комиссиями (в их состав от МВД вошли статс-секретарь Я.А. Соловьёв и Н.А. Милютин, ставший в 1859 г. товарищем (заместителем) министра) обычно ставят в главную заслугу Ланскому. Однако к этому нужно добавить, по крайней мере, еще четыре факта, определяющие его роль в подготовке реформы: успешное представление 3 января 1857 г. на первом заседании Секретного комитета г. своего всеподданей-

шего доклада от 26 декабря 1856 г., в котором на основе тщательного анализа традиции предшествовавшего законодательства обосновывалась необходимость решения крестьянского вопроса (доклад этот, наряду с запиской М.П. Позена [12], стал точкой отсчета официальной работы по подготовке реформы); участие в подготовке текста документа, ознаменовавшего начало практического осуществления реформы — высочайшего рескрипта на имя виленского генерал-губернатора В.И. Назимова 20 ноября 1857 г., и оперативная его рассылка² (рескрипт был сопровожден «дополнительным отношением» министра внутренних дел, определявшим порядок работы губернских Комитетов и содержащим подробности решения земельного вопроса); борьба со слухами о возможном неповиновении крестьян и финансовой катастрофе помещиков, организация сбора и анализа информации — сведений о состоянии дел в деревне и ходе работ в губернских Комитетах по улучшению быта крестьян, систематизация этой информации в представляемых императору еженедельных докладах³; и, наконец, организация работы самих губернских Комитетов на местах.

Интересная характеристика времени и состояния умов в период, непосредственно предшествующий отмене крепостного права, содержится в записке Ланского «Взгляд на положение крестьянского вопроса в настоящее время» (август 1859 г.), посвященной актуальным социальным проблемам того времени.

² О попытках членов Секретного комитета приостановить рассылку рескрипта см.: [4. — С. 78].

³ Как указывает Л.Г. Захарова, «с декабря 1857 г. в течение трех лет Ланской еженедельно представлял Александру II доклады об отношении дворянства и крестьянства к правительственным мерам по подготовке реформы; они поступали в Секретный, а затем Главный комитет» [4. — С. 84].

¹ Этим комитетом руководил товарищ министра (до 1859 г.) А.И. Левшин, сотрудниками являлись Я.А. Соловьёв, Н.А. Милютин, генерал-майор Н.В. Исаков, граф А.А. Бобринский.

В начале своей записки Ланской подводит итоги работы губернских Комитетов по улучшению быта крестьян и напоминает о волнениях в обществе в связи с предстоящей реформой: «Первое известие о предположенной реформе возбудило в большинстве помещиков безотчетный страх. От обнародования ее ожидали возмущений; от выполнения — совершенной потери собственности. Уничтожение крепостного труда и недостаток капиталов, необразованность крестьян и недостаток местных администраций, чрезполосность имений и продажа усадеб, долги кредитным установлениям и наконец участь мелкопоместных владельцев — представляли неодолимыми затруднениями. Считали реформу применимой лишь к одним западным губерниям и невозможной в остальных полосах России» [8. — С. 1131–1132]. Далее он отчитывается о проделанной работе в направлении «разъяснения» реформы: «Для успокоения и направления умов, по непосредственному указанию Вашему, сделан был целый ряд пояснений по всем предметам, возбуждившим сомнения. Разграничены неприкосновенные, общие начала, и частное развитие их сообразно местным обстоятельствам; объявлено, что правительство берет на себя преобразование местного управления и устройство межевания; сделаны некоторые указания о способе выкупа крестьянских усадеб и о пользовании ими до выкупа; вменено в обязанность Комитетам обратить внимание на положение мелкопоместных владельцев и представить об устройстве их особые соображения; наконец объяснено чрез предводителей дворянства, что не в поспешности, как думали помещики некоторых губерний, а в медленности изъявления желания на открытие Комитетов заключается опасение народных волнений. Мало-помалу опасения рассеялись; мысль о возможности и необходимости преобразования стала распространяться, а губернии, одна за другой, начали присылать всеподдан-

нейшие адреса о желании приступить к устройству крестьянского быта» [8. — С. 1135].

В своей записке Ланской дает обзор комитетских положений от разных губерний и классифицирует преобладающие в них идеи и мнения следующим образом: «*Первое мнение* тех, кои мало оказывали сочувствия к освобождению крестьян, побуждаемые к тому личными материальными выгодами помещика... Начальные действия противников освобождения состояли в том, что они пытались остановить всякое движение по крестьянскому вопросу, стараясь пугать правительство предвещаниями бунта. К числу таких попыток в особенности следует отнести представленную Вашему Величеству безыменную записку под литерой А, в коей автор усиливается доказать, что в освобождении крестьян таится глубоко задуманный план демократической революции в России. Убедившись в неудаче остановить реформу, люди несочувствующие стали заботиться о том, чтобы дать ей оборот как можно более выгодный для помещиков. Сначала они домогались выкупа за личность крестьян, возлагая его или на самих крестьян, или на правительство, или на все сословия государства. Не достигнув этой цели, в настоящее время они или стараются сохранить барщинный труд, и чрез сие власть помещика над крестьянами, или же, соглашаясь на безусловное освобождение и личности крестьян, и выхваляя свободу труда, желают всячески уменьшить крестьянские надельные и ограничить пользование землями одним 12-летним сроком, а если можно, то и вовсе не дать крестьянам земельного надела» [8. — С. 1135–1136]. «*Второе мнение*. Оно выделилось из направления личного материального интереса, вскоре по обнародовании рескриптов, и имеет более определенный характер. Это направление *сословного интереса*. Оно нашло себе приверженцев всего более между знатными и богатыми нашими помещиками. Поставляя на пер-

вый план сословные интересы дворянства, желают создать у нас дворянскую поземельную аристократию, подобно английской, и вместо нынешней привилегированной дворянской собственности, на крепостных началах, ввести другую не менее привилегированную, в началах феодальных. За предоставленные крестьянам в собственность усадьбы и в пользование полевые угодья, оставляют за помещиками, под именем «вотчинных прав», особые, чуждые доселе нашему законодательству права, напоминающие средневековые феодальные привилегии на Западе. Но и такое ограниченное признание прав крестьян на поземельное владение есть, со стороны этого направления, только уступка правительству и обществу моему мнению; настоящая же цель, которой держались люди этого мнения, весьма сознательно и настойчиво, есть освобождение крестьян без земли» [8. — С. 1136–1137]. «Третье мнение принадлежит желающим полного уничтожения крепостного права. Они составляют, хотя далеко не большинство, но значительную часть русского дворянства... Сочувствуя видам правительства относительно ограждения от произвола личности крестьянина и прочного обеспечения его землей, они, впрочем, во многих частных вопросах между собой расходятся. Но мнения их, будучи плодом самостоятельных убеждений, приобретенных трудным путем долговременного и всестороннего изучения предмета, расходясь в подробностях, единогласно защищают совершенную отмену помещичьей власти и выкуп, обязательный или необязательный, всего или части крестьянского надела, в полную собственность, на условиях по возможности умеренных» [8. — С. 1137]. Таким образом, Ланской совершенно верно определяет дворянские группы, выделившиеся в русском обществе и по-разному относящиеся к предстоящей реформе: одна состояла из принципиальных противников освобождения крестьян, вторая — из

защитников интересов крупных помещиков, третья — из образованных представителей среднего поместного дворянства — сторонников полного уничтожения крепостного права.

Как известно, первоначально Ланской выступал за освобождение крестьян от крепостной зависимости без надельной земли, предоставив им право арендовать ее за деньги и отработки, но затем поддержал проект привлеченного им к разработке реформы Н.А. Милютина, предлагавшего передать надельную землю крестьянам за выкуп: «По мере развития крестьянского вопроса, мысль о выкупе все более и более укореняется и становится общим убеждением... В настоящее время на мысли о выкупе сошлись Комитеты самых противоположных концов России и самых противоположных направлений, защищающие исключительно помещичий интерес и преданные крестьянскому делу. Многие из них сознают невозможность и несправедливость обязательного выкупа, но нет ни одного, который не признавал бы его безусловно полезным при добровольном соглашении помещика с крестьянами» [8. — С. 1138]. Анализ предложений от разных губернских Комитетов позволил Ланскому прийти к выводу о том, что необходимо ускорить процесс внедрения процедуры выкупа и для этого начать предпринимать более решительные меры: «Но при всем желании и общем распространении этой мысли, выкуп угодий, посредством добровольного соглашения, может совершиться не скоро. Посему немедленно надлежит даровать крестьянам гражданские права, для обеспечения этих прав улучшить полицейские учреждения, открыть новые учреждения для разбора споров и недоразумений между помещиками и крестьянами, сохранить за крестьянами настоящий надел угодьями, с некоторыми только изменениями; и немедленно облегчить повинности, а вслед за сим привести их в соразмерность с наделом. Но дабы вознаградить

дворян за потерю помещичьей власти, им следует предоставить первенство в местной хозяйственной администрации; а для того, чтобы даровать им возможность нравственного влияния на местных жителей, полезно было бы прямое их участие в выборах мировых судей и других, общих для обоих сословий, должностных лиц, в собраниях как дворянского, так и крестьянского сословий» [8. — С. 1137–1138].

Записка Ланского была возвращена от Александра II 8 августа 1859 г. со следующей собственноручной надписью, карандашом: «Нахожу взгляд этот совершенно правильным и согласным с моими собственными убеждениями. Прошу сообщить это Генерал-Адъютанту Ростовцову». К стати говоря, случайно или не случайно, но по содержанию, вернее, по предмету — обзор различных мнений лиц, принимавших участие в подготовке реформы, — записка Ланского переключается с письмом Ростовцева к императору Александру II от 23 октября 1859 г.

На запрос Земского отдела Центрального статистического комитета МВД: «списать ли копию для Ростовцова?», Ланской заявил: «Я не желаю, чтобы копии ходили по рукам, а потому и намерен дать прочесть прямо от себя» [18. — Стлб. 1376]. Тем не менее эта, по сути, секретная записка, попала сначала в руки вызванным в столицу из губернских комитетов депутатам дворянства, от них — членам Редакционных комиссий, затем разошлась по всей России, и даже была напечатана за границей.

Многие предложения Ланского были использованы при подготовке Высочайшего Манифеста 19 февраля 1861 г., Положения о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, и прочих Положений и Правил, определявших порядок освобождения различных категорий крепостных людей. Высочайшим рескриптом 17 апреля 1861 г. император, «навсегда благосклонный» Ланскому, поручил ему «как тому из Министру Моих, коему вверено непо-

средственное ведение дел Дворянского сословия... объявить председателям и членам Комитетов и Общих Комиссий Мое особое благоволение за полезное их содействие в столь важном и представлявшем столь много трудностей государственном деле» [2. — С. 28]. После этого Ланской оставил министерский пост, был возведен в графское достоинство, пожалован самым высоким придворным чином обер-камергера и после непродолжительной болезни тихо скончался на 75-м году жизни.

* * *

Стойкую репутацию «консерватора и крепостника» приобрел в глазах «либеральной общественности» и советских историков *Михаил Николаевич Муравьев* (1796–1866). Логика незамысловата: «либеральные бюрократы» Ростовцев и Ланской активно продвигали реформу потому, что первый земельной собственности не имел, а второй не был крупным собственником, так как владел лишь родовым имением и небольшим количеством приобретенной земли с крепостными, а вот Муравьев «вместе с женой имел около 600 душ крестьян», поэтому был противником

Михаил Николаевич Муравьев (1796–1866)

крестьянской реформы и защитником неприкосновенности дворянского землевладения [4 — С. 56–57]. Однако наличие или отсутствие крепостных (крепостных имело абсолютное большинство дворян-помещиков) вряд ли можно ставить в вину или заслугу деятелям реформы, занимавшим официальные посты и призванным к тому самим императором. Более того, в отличие, например, от Ланского или Ростовцева, первоначально выступавших против реформы крепостной системы, Муравьев сразу же позиционировал себя как принципиальный сторонник освобождения помещичьих крестьян: «Вопрос об отмене у нас крепостного состояния есть, без всякого сомнения, жизненный для государства, и решение оно не может быть отложено» [цит. по: 20. — С. 139]. Забегая вперед, скажем, что «противодействие реформе» и «защита неприкосновенности» у Муравьева сводилась к критике перегибов проектов Редакционных комиссий и отстаиванию права собственности дворян-помещиков.

Муравьев — выпускник физико-математического факультета Московского университета, блестящий математик, боевой офицер, опытный управленец прошел большой служебный путь длиной в полвека. Апогея его карьера достигла при императоре Александре II: в 1856 г. он был произведен в генералы от инфантерии, назначен председателем Департамента уделов Министерства двора и уделов, а спустя год — Министром государственных имуществ, войдя в круг высших должностных лиц государства, подчиненных только и непосредственно императору. После назначения министром Муравьев 22 апреля 1857 г. был введен в Секретный комитет, преобразованный в феврале 1858 г. в Главный комитет по крестьянскому делу, и с этого момента вплотную занимался решением крестьянского вопроса, составив вместе с рядом его членов (В.А. Долгоруков, А.М. Княжевич и др.)

так называемую «оппозицию» Редакционным комиссиям, последовательно отстаивая принципы постепенности проведения изменений, добровольности соглашений между помещиками и крестьянами, учета местных особенностей различных губерний при определении норм наделов и повинностей, сохранения ведущей роли дворянства в обществе.

После закрытия Редакционных комиссий 10 октября 1860 г. проекты их поступили сначала в Главный комитет по крестьянскому делу, а затем в Государственный совет. С этого момента до 14 января 1861 г. они активно обсуждались на сорока пяти (!) заседаниях Главного комитета, причем обсуждались не только «в целом», но в основном «по параграфам» [см.: 4. — С. 221]. Муравьев был убежден в том, что реформа в версии Редакционных комиссий «сулит самодержавию и России (для него это синонимы) неисчислимы беды в будущем» [20. — С. 140]. Исходя из этого он подготовил и подал императору записку о проекте крестьянской реформы, в которой предложил устранить наиболее «неудобные крайности» и перегибы проекта реформы, подготовленного Редакционными комиссиями.

Политическая сторона предложений Муравьева сводилась к тому, что, посягая на право собственности помещика на землю (путем добровольно-принудительного выкупа у него земли, переходящей затем в собственность крестьянской общины), правительство, во-первых, разрушает веру всех сословий в незыблемость закона [11. — С. 1147], во-вторых, наносит удар по тесной материальной связи двух основных сословий России — дворянства и крестьянства [11. — С. 1146]. Как верно отмечает современный исследователь: «Особую тревогу вызывала у него перспектива утраты основы самодержавия — сакрального отношения дворянства к престолу, чувства кровного единства с ним. Такая перспектива представля-

лась ему неизбежным последствием того, что авторы законодательства о поземельном и административном устройстве крестьян, выходящих из крепостной зависимости, по существу, проигнорировали предложения дворянства, которое первоначально объявлялось инициатором освобождения крестьян и которое в лице губернских комитетов почти единодушно заявило о неприятии реформы в том виде, как она была подготовлена Редакционными комиссиями» [20. — С. 141]. В своей записке Муравьев приходит к выводу, о том, что при реализации реформы необходимо обеспечить быт крестьян и облегчить в некоторой мере бремя неравных пожертвований, возлагаемых Редакционными комиссиями на дворянство: «нарушением прав поземельной собственности, предлагаемых Редакционными Комиссиями, далеко превышающим пределы тех необходимых пожертвований, которые дворянство должно и как видно из отзывов большей части Губернских Комитетов готово принести для устройства быта освобождаемых крестьян, Правительство не достигнет правильного исхода крестьянского дела и даст повод к справедливому опасению во всех сословиях, не исключая и будущих крестьян-собственников, что подобная мера может повториться и впоследствии при первой в том надобности» [11. — С. 1162].

Предостережения Муравьева не были услышаны верховной властью в лице императора. И хотя большинство членов Главного комитета, а затем и Государственного совета поддержало его опасения и высказалось против предложенного Редакционными комиссиями проекта Общего положения, Александр II по всем принципиальным спорным вопросам встал на сторону Редакционных комиссий и утвердил мнение меньшинства Государственного совета.

В феврале 1861 г. Муравьев дал свои замечания на проект Манифеста

[10. — С. 1163–1164]. После чего, как выразился П.А. Валуев, его «звезда» стала «бледнеть»: «При последнем докладе государь с гневом и, ударив по столу, сказал (ему), что не позволит министрам противодействовать исполнению утвержденных им постановлений по крестьянскому делу...» [3. — С. 74]. Через некоторое время Муравьев был уволен с поста министра и уехал на лечение за границу. Однако был возвращен в политику во время польского восстания 1863–1864 гг., которое перекинулось на Северо-Западный край. Назначенный виленским, гродненским и минским генерал-губернатором, командующим войсками Виленского военного округа, а также главным начальником Витебской и Могилевской губерний, он жестоко подавил восстание и твердой рукой навел порядок в мятежном крае. В апреле 1865 г. Муравьев по личному прошению был отправлен в отставку. Его возвели в графское достоинство с правом писаться «граф Муравьев-Виленский». В 1866 г. он возглавил Верховную комиссию по делу о покушении на императора Д. Каракозова, и умер, немного не дожив до его казни.

На смерть Муравьева откликнулся Ф.И. Тютчев:

*На гробовой его покров
Мы, вместо всех венков,
кладем слова простые:
Не много было б у него врагов,
Когда бы не твои, Россия.*

[19. — С. 162].

Отмена крепостного права была подготовлена и осуществлена не без сложностей, главную из которых олицетворяла «аристократическая оппозиция» в столицах и противодействие дворян-помещиков на местах. Технически этот переворот состоял из череды мероприятий, проведенных в 1857–1861 гг. Мнение широкого круга дворянства и профессиональных экс-

пертов, привлеченных к обсуждению крестьянского вопроса, оказалось бесспорным перед властной волей самодержавного монарха. В октябре 1860 г. Редакционные комиссии завершили работу над проектом, определяющим условия освобождения крестьян, и он поступил на обсуждение в Главный комитет по крестьянскому делу, а затем 28 января 1861 г. и в Государственный совет. Большинство членов этих комитетов выступило против проекта. Однако император принял сторону меньшинства и проект поддержал.

Во всех сферах жизни произошел коренной переворот. Крестьянская реформа привела к масштабному перераспределению земельного фонда, основная часть которого осталась за поместным дворянством, к обезземеливанию и обнищанию крестьянства; она обусловила разрыв устоявшихся

социально-экономических связей между дворянским и крестьянским условиями, утрату сакрального смысла отношения дворянства и крестьянства к царскому престолу, чувства кровного единства с самодержцем.

«Ограбленное» в результате реформы дворянство и «обманутое» крестьянство, в конечном счете, трансформировали свое недовольство в действие — патриархальную деревню потрясли крестьянские выступления и бунты, в городах появились народнические кружки, стало набирать силу и шириться революционное движение, развивавшееся до этого эпизодично. Лозунги и средства народнических революционеров эволюционировали: от социальных к политическим, от просветительских к террористическим. Вектор, направленный к Великой русской революции 1917 г., был задан.

Литература

1. Высочайшее повеление от 4 декабря 1858 года «Об основаниях, которые должны служить руководством при рассмотрении проектов положений Губернских комитетов» // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости (за 1857, 1858, 1859 и 1860 годы). — Т. 1. — СПб., 1861. — С. 40–44.
2. Высочайшие рескрипты. 18. Министру внутренних дел (С.С. Ланскому) // Сборник правительственных распоряжений по устройству быта крестьян, вышедших из крепостной зависимости. — Т. 2. Ч. 1: С 1-го января по 1-ое июля 1861 года. — СПб., 1861. — С. 27–28.
3. Дневник П.А. Валуева, министра внутренних дел: В 2 т. / Ред., введ., биогр. очерк и коммент. П.А. Зайончковского. — Т. 1. 1861–1864 гг. — М.: Изд-во АН СССР, 1961. — 420 с.
4. *Захарова Л.Г.* Самодержавие и отмена крепостного права в России 1856–1861. — М.: Издательство Московского университета, 1984. — 256 с.
5. *Ильин П.В.* Между заговором и престолом: Я.И. Ростовцев в событиях междуцарствия 1825 года. — СПб.: Нестор-История, 2008. — 300 с.
6. *[Крачковский Д.]* Я.И. Ростовцев: Очерк Димитрия Крачковского. — М.: Товарищество И.Д. Сытина, 1905. — 40 с.
7. Крестьянская реформа 1861 года в России / Составитель, автор предисловия и вступительной статьи В.А. Томсинов. — М.: Зерцало, 2012. — 480 с.
8. *[Ланской С.С.]* Взгляд на положение крестьянского вопроса в настоящее время. (Август 1859). Всеподданнейшая записка министра внутренних дел Ланского // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1131–1139.
9. Материалы для истории упразднения крепостного состояния помещичьих крестьян в России в царствование императора Александра II. — Vol. I. — Берлин, 1860. — 416 с.
10. *[Муравьев М.Н.]* Замечания М.Н. Муравьева на проект Манифеста об отмене крепостного права // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян,

- Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1163–1164.
11. [Муравьев М.Н.] Записка М.Н. Муравьева о проекте крестьянской реформы // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1145–1162.
 12. Позен М.П. Первая записка о мерах освобождения крепостных крестьян // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1028–1051. [С. 1028–1051].
 13. [Ростовцов Я.И.] Всеподданнейшее письмо Ростовцева по поводу особого мнения, поданного ему членом Редакционных Комиссий Апраксиным на доклад Административного отделения № 8 // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1091–1093.
 14. [Ростовцов Я.И.] Дополнение к статье: Ход и исход крестьянского вопроса // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1088–1090.
 15. [Ростовцов Я.И.] Извлечение из всеподданнейших писем ген-ерала-ад-ъютанта Я.И. Ростовцова // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1065–1088.
 16. [Ростовцов Я.И.] Письмо Ростовцева к Государю от 23 октября 1859 г., представляющее обзор различных мнений, ходивших в то время в обществе, о способах освобождения крестьян, возвращенное ему от Государя 25 того же октября, с собственноручную на нем надписью // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1095–1098.
 17. [Ростовцов Я.И.] Последняя записка Ростовцева о крестьянском деле, после его смерти принятая государем // Хранители России. Антология. Т. 6. Крестьянское дело. 1840-е — начало 1860-х гг. / Под ред. С.В. Перевезенцева, А.А. Ширинянца. Авт.-сост. А.С. Абрамян, Д.А. Ананьев, К.А. Горшкова, Т.И. Дайн, О.С. Кононенко, М.А. Лагузова, Р.В. Михайлов, С.В. Перевезенцев, В.А. Соболев, А.Б. Страхов, А.А. Ширинянец. — М.: ООО «Новые решения», 2018. — С. 1099–1122.
 18. [Семёнов Н.П.] Материалы для истории упразднения крепостного права в России // Русский архив. Историко-литературный сборник. — 1869. — Вып. 8. — Стлб. 1362–1376.
 19. Тютчев Ф.И. [На гробовой его покров. 2 сентября 1866] // Тютчев Ф.И. Полное собрание сочинений и писем: В 6 т. — Т. 2. Стихотворения 1850–1873. — М., 2002. — С. 162.
 20. Федосов П. А. Три эпизода из жизни М.Н. Муравьева // Историческая психология и социология истории. 2016. — Т. 9. — Вып. 1. — С. 124–156.

Д.И. МЕНДЕЛЕЕВ О ЕВРАЗИЙСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВА

Аннотация

В статье анализируются социально-политические взгляды Д.И. Менделеева (1834–1907) о евразийской сущности российского государства. Автор считает, что именно Д.И. Менделеев четко сформулировал принципиальные евразийские особенности России и ее историческую роль в этом качестве — в срединном между Европой и Азией положении.

Ключевые слова: Д.И. Менделеев, Российская империя, Евразия.

Автор

Козиков Иван Андреевич

Доктор философских наук,
профессор кафедры
истории социально-политических учений
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Проблема исследований особенностей российской цивилизации имеет большие традиции. Среди этих традиций важное место занимают идеи, размышления великого русского ученого энциклопедиста Д.И. Менделеева. Он много размышлял о путях развития России, о месте ее в истории человечества, в том числе и ее цивилизационных особенностях как особого культурно-исторического типа (Н.Я. Данилевский), что было актуально во времена Д.И. Менделеева и остается актуальным сегодня. Его высказывания об этих особенностях, хотя и относятся к концу XIX и началу XX столетия, ценны тем, что Россия переживала сходный с современным период — переходный период, вступая на новый путь, в то время капиталистический, и в промышленную эпоху. К осмыслению цивилизационных особенностей России Д.И. Менделеев подходил с позиций определенной парадигмы, с широких исторических позиций, опирался на исторический опыт других народов, рассматривал эти особенности в контексте его пред-

ставлений об исторических этапах или ступенях развития человечества. Он выделил следующие ступени: дикость, близкую к полуживотному состоянию; «райское» состояние, в котором отдельные семьи почти ничем между собой не связаны; первобытно-патриархальное общество, основанное на простом собирательстве, охоте и кочевом скотоводстве, в котором уже появляются задатки общественности, собственности и тому подобных отношений; оседлое земледелие, сочетаемое с ручным домашним ремеслом, соответствующее античности и средневековью; промышленную эпоху, промышленный строй, неизбежный для всего человечества, сопряженный с полнейшим разделением труда и специализацией и будущую, следующую за ней эпоху, будущий всеобщий промышленный строй, где осуществляется действительное царство «мышления». Переход от одной ступени к другой, считал Д.И. Менделеев, происходит «сам собою, от одного умножения народонаселения» [8. — С. 105,107]. В контексте выделенных им ступеней развития человечества он

Илья Репин. Портрет Д.И. Менделеева в мантии доктора права Эдинбургского университета, 1885

рассматривал проблемы развития России, ее цивилизационные особенности, ставя их в исторические рамки периода ее перехода от сельскохозяйственной эпохи в промышленную эпоху.

Не соглашаясь со славянофилами, с их консервативной позицией в характеристике цивилизационных особенностей российского общества, их поэтизированием допетровской Руси, с их отрицательным отношением к реформам Петра I, позицией, отрицающей заимствование у других народов прогрессивных достижений, Д.И. Менделеев выделил ряд иных особенностей российского общества. Важнейшей особенностью России он считал ее евразийский характер. Д.И. Менделеев впервые четко показал, что Россия является страной особой, но не славянофильски, а объединяющей в себе «понятия азиатские и европейские», является «более, чем какая-либо иная страна — срединное царство», синтезирующая в себе разнообразие образов жизни, культурных традиций и

мировоззрений, религий. «Все главные части нашей русской истории, — отмечал он, — совершались в новую эпоху человечества, мы восприняли начало латиносаксонской цивилизации позднее других западноевропейцев, и ни для кого не подлежит сомнению, что мы сохранили больше, чем западноевропейцы, некоторые начальные стороны азиатской жизни...» [10. — С. 232].

В основе евразийской сущности России, считал Д.И. Менделеев, лежит русский культурно-исторический тип, включавший великороссов, малороссов, белорусов [8. — С. 180]. Он объединил вокруг себя многие другие народы, скрепляя собой государственное образование как единое целое, всячески помогая их развитию, приобщению к мировой культуре. Особенно это относится к азиатским народам, которые так или иначе вошли в состав многонационального российского государства. В этом отношении, отмечал он: «...Азиатская Россия — настолько же Россия — насколько и большинство ча-

стей Европейской России» [8. — С. 180]. Поэтому «вся наша история указывает на то, что мы должны в прилегающих к нам частях Азии играть ту же самую образовательную роль, какую в отношении к нам сыграл Запад Европы» [10. — С. 400].

В связи с единым географическим и евразийским характером российского государства Д.И. Менделеев поставил вопрос о необходимости на картах России изображать как единое целое, что в то время не делалось. Под его руководством Б.П. Гуциным и А.Г. Михеевым была составлена Карта России (1906 г.), в которой были реализованы эти его положения.

Как известно, основоположник геополитических концепций Макиндер рассматривал евразийскую территорию, евразийский континент как территорию, как плацдарм, обеспечивающий мировое господство тому или иному ее обладателю. Д.И. Менделеев оценивал эту территорию с миролюбивых позиций: с точки зрения установления мирных отношений между народами Европы и Азии. Из этих позиций принимал во внимание евразийскую роль России, которая, считал он, должна помирить, соединить Европу и Азию. «Россия, расположенная отчасти в Европе, отчасти в Азии и граничащая с владениями, наиболее центральными в той или другой части света, — писал он, — назначена историей именно для того, чтобы так или иначе Европу с Азией помирить, связать и слить...» [8. — С. 180]. Сравнительно молодое русское царство легко может объединить две важные части человечества. Самой историей Россия призвана это сделать. Эта ее историческая миссия, которую Россия должна обязательно выполнить. Россия, по мнению Д.И. Менделеева, «...находясь на грани Азии с Европой, имея явную склонность к реализму... может сбиться с пути, завещанного ее историей, если отвернется от Запада и не будет искать мировой между тече-

ниями прежней жизни Востока и новую жизнью Запада» [10. — С. 130–131].

Д.И. Менделеев считал, что Россия еще не полностью проявила свою евразийскую сущность, что ей предстоит это еще сделать. В настоящую эпоху, отмечал он, Россия все же во всех отношениях страна преимущественно европейская и только в малой части или побочной степени азиатская. В дальнейшем развитии «европизация» России и ее связь с Азией не означают полного заимствования их особенностей. Россия должна взять все лучшее у других народов и на собственной самобытной основе (которую он не отрицал, но рассматривал по-своему) эти достижения синтезировать в новое качество как самостоятельной цивилизации, давая прогрессивный образец всему человечеству.

Отмечая евразийскую особенность России, Д.И. Менделеев полагал, что Россия имеет и другую свою особую евразийскую историческую роль. На основе синтеза европейской и азиатской цивилизаций должна дать новый синтез, новые образцы человеческого общежития. Поскольку русские, взятые в целом, поставленные на грани двух не чуждых нам миров, отмечал он, им предстоит еще осуществить дальнейший синтез эти двух миров. «Россия, — писал он, — по моему крайнему разумению, назначена сгладить тысячелетнюю рознь Азии и Европы, помирить и слить два разных мира, найти способы уравновешения между передовым, но кичливым и непоследовательным европейским индивидуализмом и азиатской покорной, даже отсталой и приниженной, но все же твердой государственно-социальной сплоченностью» [8. — С. 181–182]. В этом синтезе народы Азии представляют своего рода тезу, а европейцы — антитезу. Этого синтез еще не достает. «Сущность этой мысли, — отмечал Д.И. Менделеев, — сказалась у славянофилов, и хоть я никоим образом не могу себя причислить к их доброму числу, но все же по-

лагаю вместе с ними, что в нас, русских, больше всего имеется зачатков всякого рода для достижения этого синтеза, хотя по настоящее время видна только первичная к тому подготовка... Русский человек больше живет еще и поныне мечтою о предстоящем будущем, о возможном впереди синтезе. Очевидна всем вдумчивым людям надобность как-то сочетать индивидуализм, развившийся преимущественно в Европе, с общественно-государственным строем, родившимся в Азии и там развившимся даже до некоторой степени уродства, но как и в чем должен выразиться этот ожидаемый синтез, сказать едва ли кому-нибудь возможно» [10. — С. 276–277].

Д.И. Менделеев доказывал, что именно Россия должна осуществить этот синтез. Она имеет «зачатки всякого рода», исторические предпосылки своей цивилизации, позволяющие ей осуществить этот синтез на новом уровне прогресса человечества. «Наш русский народ, занимая географическую середину старого материка, — отмечал Д.И. Менделеев, — представляет лучший пример народа реального, народа с реальными представлениями». Это проявляется в отношении нашего народа ко всем другим, в его уживчивости с ними, в его способности поглощать их себе» [10. — С. 6]. «Россия по духу народному и потому, что содержит немало рас иной крови, равно как и по тому, что признает по существу равенство всех своих народов, стоит впереди не только перед Китаем, но даже и перед Англией и Соединенными Штатами» [10. — С. 105]. Благодаря этой черте сохранились многие малые народы, которые, так или иначе, вошли в состав России. Без признания равенства немислимо правильное приближение к идеальному сочетанию личных «свободы, равенства, и братства» [10. — С. 195], что и появляется в многонациональной общности российского государства.

Русский народ, по мнению ученого, имеет также задатки того реального

и здорового сочетания идеализма с материализмом, которое должно содействовать развитию высших начал человеческой жизни. Русская история внушает реальное сочетание тех и других и понимание недостаточности всякой односторонности [10. — С. 6].

Исторически сложилось так, что Россия действительно синтезировала и европейский, и азиатский опыт¹ и шла своим путем. При всем заимствовании у других народов исторически складывающийся их опыт Россия трансформировала его на собственной исторической почве. Результатом явилось образование единого советского народа, ныне трагически разделенного.

Обращаясь к истокам евразийских представлений Д.И. Менделеева, следует заметить, что некоторые идеи о евразийских особенностях России были высказаны и до него, в частности, например, его современником Н.Я. Данилевским о самобытности культурно-исторических типов и России как особого культурно-исторического образования, а также славянофилами, на которых он ссылался. Но именно Д.И. Менделеев четко сформулировал принципиальные евразийские особенности России и ее историческую роль в этом качестве. Как бы повторяя его положения и идеи последующими представителями евразийства, в «Евразийской хронике» (1926) отмечалось, что евразийство России заключается в срединном между Европой и Азией положении. «Самый же термин “евразийство” говорит не о “срединной линии”, а о среднем между Европой и Азией континенте, где перед Россией стоит творческая миссия приобщения Европы и Азии к началам подлинной жизни» [4. — С. 73]. Несколько раньше

¹ Следует заметить, что Д.И. Менделеев в опыте народов Азии не все принимал однозначно. Он отмечал, например, что государство народов Центральной Азии «хотело все поглотить и полагало, что через это усилиться, но в результате получилась слабость и задержка болезненного свойства» [9. — С. 6].

в евразийском сборнике «Исход к Востоку» утверждалось: «...история толкает в наши ворота... для того, чтобы в великом подвиге труда и свершения Россия также раскрыла миру некую общечеловеческую правду, как раскрыли ее народы прошлого и настоящего» [4. — С. 4]. Эти идеи выказывали неоднократно теоретики евразийства, например, П.Н. Савицкий. Он писал: «Ныне, в связи с раскрывающимися перед Россией реальными возможностями стать средоточием новой Европейско-Азиатской (Евразийской) культуры величайшего исторического значения, замысел и осуществление целостного творчески-охранительного мирозозерцания — должны найти для себя соответственные и небывалые образцы и масштабы» [12. — С. 104]. Именно Д.И. Менделеев отмечал, что России принадлежит миссия не только объединить Европу и Азию, но и дать всему миру образцы общечеловеческого бытия. Эти высшие начала основаны на высоком уважении к другим народам, самопожертвовании, гуманизме, на правде, справедливости. Эти идеи высказываются и сегодня. Как пишет, например, немецкий исследователь России Шуберт Вальтер: «...Россия — не сегодняшняя, а грядущая есть то будущее вино, которое способно оживить обессилевшую жизнь современного человечества. А Европа — крепкий сосуд, в котором мы можем сохранить это вино. Русский обладает для этого теми предпосылками, которых сегодня нет ни у кого из европейских народов» [3. — С. 34, 307]. Вместе с тем евразийцы как бы повторяли и положения Д.И. Менделеева о том, что Россия должна осуществлять единство и дружбу проживающих в ней народов, что российскому народу присущ общегосударственный патриотизм. Так, в декларации евразийцев (Прага, 1932) отмечалось, что «Сознание единства судьбы и единства целей национального строительства России–Евразии рождает явление общего всем нацио-

нального Союза патриотизма-национализма, называемого евразийским». В результате синтеза европейского и азиатского типа российское государство характеризуется наличием свойств и зачатков высших начал организации бытия людей, начал, объединяющих, имеющих глубокие исторические корни: коллективизм, артельность и социальность, социальную солидарность, устройство жизни на основе правды, равенства, справедливости и взаимопомощи, соборность, гуманизм, начал, объединяющих многообразие этносов в единое целое, их совместимое проживание, высокий патриотизм, равноправие вероисповедания, братство людей и народов, миролюбие в отношении к другим народам и государствам. Россия действительно показала для всего человечества пример синтеза европейско-азиатских начал на новом историческом уровне.

Как евразийское государство, отмечал Д.И. Менделеев, Россия географически территориально и геополитически как пространство, достигла своей целостности и является завершённой самодостаточностью. Она исторически этого достигла. Она должна быть сильным государством, способным себя защищать от внешних нападений. О сильном как евразийском российском государстве говорили и позднейшие евразийцы. Так, Л.П. Карсавин писал: «Государство в таком большом и многонациональном культурном целом, как Евразия — Россия, может быть или только сильным, или совсем не быть» [5. — С. 38].

Анализ идей и положений Д.И. Менделеева о евразийской сущности Российского государства позволяет сделать вывод о том, что он заложил основы евразийских представлений о цивилизационных особенностях России.

Он выступал против либералов, которые, не считаясь с особенностями Российского общества, настаивали на насаждении в России черт западного общества. Он ушел от славянофилов к

представлениям об общинном социализме, остановился перед марксистскими положениями о социалистическом будущем России. Идя дальше славянофилов, выделяя евразийскую особенность России, Д.И. Менделеев оставлял в ней важнейшие черты цивилизационных особенностей, состоящих в соборности и общинности, в том числе и в период перехода в промышленную эпоху, чем сближался с позициями революционных демократов, выступавших за общинный социализм, но он отрицал их формы борьбы за будущие общинные особенности страны и реализацию этих особенностей в форме социализма. Можно сказать, что в представлениях Д.И. Менделеева о евразийской сущности российской цивилизации сохранялось от славянофилов византийство, от либералов — западничество и от социалистов-демократов — общинность. По сути это конвергентная позиция. Она у него проявилась и в представлениях о будущем строительстве общества для всего человечества, основанном на гармоничном сочетании в общественном развитии принципов коллективизма и индивидуализма.

В отличие от Д.И. Менделеева последующие евразийцы пошли дальше его представлений об этих особенностях. Они не только принимали либеральную оценку этих особенностей, но частично допускали социалистическую револю-

цию, положения марксизма и социализма. Современные неоевразийцы тоже исходят из тезиса о срединном положении России и особой цивилизации, призванной осуществлять современную масштабную модернизацию всех сфер жизни при полном сохранении геополитического, экономического и культурного суверенитета, верности корням и поддержки российской идентичности, ядром которой является социалистическое устройство общества. Сегодня для России как самобытной цивилизации проблема состоит в том, чтобы в условиях тяготения мира к однообразию в процессе глобализации сохранить свою цивилизационную самобытность, свою неповторимую евразийскую особенность, индивидуальность, идентичность, добиваясь прогресса во всех сферах жизни российского общества. Сохранение этой самобытности, можно сказать, является дальнейшей исторической задачей России, призванной дать человечеству новые, гуманистические формы общежития.

Таким образом, выделяя евразийскую особенность России, Д.И. Менделеев раскрыл в ней важнейшие черты цивилизационных особенностей российского общества, которые необходимо учитывать при переходе страны к новому общественному строю, при формировании новой системы общественных отношений.

Литература

1. Евразийская Хроника. — Вып. 5. — Париж, 1926.
2. Евразийство: теория и практика. — М., 2001.
3. Европа и душа Востока. — М.: Русская идея, 2000.
4. Исход к Востоку. Предчувствия и свершения. Утверждение евразийцев. — София, 1921.
5. Карсавин Л.П. Основы политики // Мысли о России. — Тверь, 1992.
6. Козиков И.А. М.В. Ломоносов, Д.И. Менделеев, В.И. Вернадский о России. — М.: Издательство Московского университета, 2011.
7. Козиков И.А. Социально-политические аспекты ноосферных учений. — М.: Издательство Московского университета, 2017.
8. Менделеев Д.И. К познанию России. — М., 2002.
9. Менделеев Д.И. Толковый тариф. — СПб., 1891.
10. Менделеев Д.И. Заветные мысли. — М., 1995.
11. Программа политической партии «Евразийский Союз». — М., 2004.
12. Россия между Европой и Азией: Евразийский соблазн. Антология. — М.: Наука, 1993.
13. Савицкий П.Н. Евразийство // Россия между Европой и Азией: евразийский соблазн. — М., 1993.

В 2011 г. вышла в свет монография заслуженного профессора Московского университета Козикова И.А., посвященная раздумьям великих российских естествоиспытателей — М.В. Ломоносова, Д.И. Менделеева, В.И. Вернадского о России, о ее истории, путях развития и месте в мировом сообществе, о тенденциях исторического процесса, в контексте которых осуществляется развитие российского общества.

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИДЕИ К.Н. ЛЕОНТЬЕВА ПО ВОПРОСУ ВНУТРЕННЕЙ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация

В статье анализируются представления К.Н. Леонтьева о внутренней политике Российской империи второй половины XIX в., в которых особое внимание уделяется религии с детально разработанной догматикой, являющейся основным сдерживающим фактором распространения в обществе радикальных идей. Кроме того, в статье рассматривается критика Леонтьевым радикальных и либеральных идей, угрожающих, по его мнению, действующему государственному строю, а также дается оценка его прогнозам будущего России.

Ключевые слова: К.Н. Леонтьев, консерватизм, либерализм, революция, византизм.

Автор

Столярова Изабелла Феликсовна

Выпускник аспирантуры кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Представитель консервативного направления русской социально-политической мысли второй половины XIX в. Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) значительное внимание в своих сочинениях и публицистике уделял внутренней политике Российской империи, назревшим социально-экономическим проблемам и проводимым государственным преобразованиям. В силу своего консервативного мировоззрения Леонтьев был убежден, что развитие и реформирование политико-правовых институтов должны производиться в соответствии со сложившимися в обществе культурно-историческими традициями и менталитетом народа.

В социально-политической концепции Леонтьева основными задачами внутренней политики Российской империи должны стать восстановление, охранение и укрепление трех традиционных начал русского государства: византийского православия,

самодержавия и сельского общинного быта [13. — С. 250]. Кроме того, для укрепления государственного строя Российской империи настало время обратиться к реакционным мерам: «... истинно русская мысль должна быть, так сказать, прогрессивно-охранительной; выразимся еще точнее: ей нужно быть *реакционно-двигающей*, т.е. проповедывать *движение вперед на некоторых пунктах* исторической жизни, но не иначе, как посредством *сильной власти* и с готовностью на всякие *принуждения*. На месте стоять — нельзя; нельзя и восстанавливать то, что раз по существу своему утрачено (например, дворянские привилегии в *прежней их форме*); но можно и должно, одной рукой — охраняя и утверждая Святыню Церкви, могущество Самодержавной власти и развивая и обновляя пренебреженные остатки *быта* нашего, другою — двигать нацию вперед совсем не по западному и *тем более* не по либеральному пути» [5. — С. 8–9].

По мнению отечественного исследователя русской социально-политической мысли А.А. Ширинянца, «реакционный» прогресс Леонтьева был ответом на утверждения его либеральных оппонентов о том, что движение вперед возможно только в одной форме — западной, «эгалитарно-космополитической», которая является единой для всех стран и народов, вне зависимости от исторических предпосылок и их традиционных основ [13. — С. 250].

Леонтьев противопоставляет византийские ценности буржуазным и справедливо опасается, что распространение «эгалитарно-либерального» прогресса в Европе и в России неминуемо приведет к ослаблению народной веры в традиционные институты власти. В своей работе «Варшавский дневник 1880 года» Леонтьев резко критикует либеральные идеи, отмечая, что, в отличие от консерватизма, имеющего национальный характер, либерализм по сути своей безнационален и космополитичен: «Все созидательное, все охраняющее то, что создано историей народа, имеет характер более или менее обособляющий, отличительный, противопоставляющий одну нацию другим... Все либеральное бесцветно, общеразрушительно, бессодержательно в том смысле, что оно одинаково возможно везде» [9. — С. 7]. По Леонтьеву, повсеместное распространение либеральных идей в России неминуемо приведет к уничтожению ее национального своеобразия, духовных и культурных традиций, как следствие — к расшатыванию государственного строя и, в конечном счете, к гибели государства.

Более того, Леонтьев утверждает, что либерализм не только неосуществим, но и в своей сути противоречит законам истории и природы: «Смешно служить такому идеалу, не соответствующему ни с опытом истории, ни даже со всеми законами и примерами естествознания. Органическая природа живет разно-

образием, антагонизмом и борьбой; она в этом антагонизме обретает единство и гармонию, а не в плоском унисоне. Если история есть лишь самое высшее проявление органической жизни на земле, то и тогда разумный реалист не должен быть ни демократом, ни прогрессистом» [9. — С. 9].

В представлении Леонтьева, неравенство органично, устойчиво, естественно и соотносится с законами природы, которая сама построена иерархично. Таким образом, по мнению мыслителя, сословные общества, имеющие разные права и уровни свободы, в большей степени отвечают объективным законам истории и природы, в отличие от абсолютного равенства, примеров которого ни в истории, ни в природе найти невозможно.

По мнению Леонтьева, неограниченная свобода, за которую борются либералы, также является утопией и, при попытке ее ввести, неминуемо приведет к разрушению общества, которое, как и любая органическая система, не может существовать без ограничений и иерархии. Мыслитель полагает, что свободу необходимо давать не просто так, как предлагают либеральные учения, а во имя новых принципов. А как известно, принципы всегда стесняют свободу.

Леонтьев отмечает, что люди в государствах, пошедших по либеральному пути, не стали «ни лучше, ни умнее, ни счастливее!.. Они стали мельче, ничтожнее, бездарнее, учение в массе, это правда, но зато и глупее» [9. — С. 8]. Несмотря на устранение некоторых проблем, в целом люди не стали более счастливыми, чем их предки, жившие во времена Средневековья. По убеждению мыслителя, ощущение счастья не зависит от демократичности общественного устройства, поэтому его раздражают обещания адептов либерализма о том, что после изменения социальных условий жизнь станет лучше: «Группы и слои необходимы; но

они никогда не уничтожались дотла; а только перерождались, переходя из одной достаточно прочной формы, через посредство форм непрочных и более подвижных, более смешанных, опять в новые, в другие *более прочные* формы. ... Какие бы революции не происходили в обществе, какие бы реформы не делали Правительства — *все остается*; но является только в иных сочетаниях сил и перевеса» [10. — С. 201–202]. Иными словами, по мысли Леонтьева, какие бы народные бунты не происходили, люди не смогут жить вне государства, а государство всегда предполагает собой узаконенное насилие в виде армии, полиции, налогов. Таким образом, неравенство и социальная несправедливость всегда будут существовать в обществе, только в других сочетаниях «сил и перевеса».

По словам Н.А. Бердяева, Леонтьев — «великий разоблачитель всех иллюзий» [2. — С. 95]. Можно утверждать, что он глубоко проник во внутреннюю диалектику социального развития: «Нет, не вывести насилие из исторической жизни, это то же, что претендовать выбросить один из основных цветов радуги жизни космической, этот цвет, эта великая категория жизни придет в новой и сильнейшей форме. Чума почти исчезнет, чтобы дать место холере» [6. — С. 205].

Леонтьев усматривает в либерализме революционную подоплеку, заключающуюся в том, что в лозунге «Свобода, равенство, братство», евангельском по своему происхождению, происходит подмена нравственных понятий социальными: свобода в политических правах вместо свободы внутренней, равенство всех перед законом, а не перед Богом, братство как солидарность всех трудящихся в борьбе за свои права, а не братская соборность всех верующих. Либеральные лозунги, лишённые нравственного содержания, становятся крайне вредными для сознания народа: «Любовь без страха и смирения — есть

лишь одно из проявлений... того индивидуализма, того обожания прав и достоинств человека, которое воцарилось в Европе с конца XVIII века и, уничтожив в людях веру в нечто высшее, от них не зависящее, заставив людей *забыть страх и стыдиться смирения*, привело на край революционной пропасти все те западные общества, в которой эта *антрополатрия* пересилила любовь к Богу и веру в святость Церкви и в священные права Государства и семьи» [7. — С. 171].

Отвергая человеческую мораль, лишённую веры в Бога, Леонтьев приходит к выводу, что «любовь к человечеству самовольная, чисто утилитарная, ничем не сдержанная и не направленная — есть односторонность и ложь» [7, С.172]. Леонтьев выступает категорически против революции, поскольку он своей творческой интуицией увидел логику исторического процесса, опыт которого показывает, по словам французского мыслителя Мишеля Монтеня, что «всякий, кто хочет устранить только то, что причиняет ему страдание, недостаточно дальновиден, ибо благо необязательно идет следом за злом; за ним может последовать и новое зло, и притом еще худшее» [11. — С. 484].

Проникаясь православием, Леонтьев приходит к мысли, что разнообразие общественного развития не сможет удержаться надолго перед натиском революционных идей без религии с детально разработанной догматикой, обрядностью и крепкой церковной организацией. В случае ослабления этого «стесняющего единства» начинаются процессы ассимиляции и смешения во всех сферах общественной жизни, приводящие к последующему распаду государства. Леонтьев понимает, что религия составляет саму сущность нации, поэтому этим ни в коем случае нельзя пренебрегать: «Церковь вечна, но *Россия* не вечна, лишившись Православия, она погибнет» [3. — С. 116].

Христианство, по его убеждению, это основа, скрепляющая государство: «Истинное христианство учит, что *какова бы ни была, по личным немощам своим, земная иерархия, она есть отражение небесной*» [9. — С. 13]. Религия также является главным условием существования самобытной культуры и «цветущей сложности» в государстве, поэтому подходу Леонтьева к государству присуща особая «сердечная мистика» [1. — С. 25]. Именно религиозная вера должна сдерживать распространение либерализма в России: «в *настоящее время* для верующего человека (какой бы национальности он ни был) Россия должна быть очень дорога как самый сильный оплот Православия на земле. Люди слабы, им часто нужна опора внешняя, опора многолюдства, опора сильной власти; опора влиятельной мысли, благоприятной для веры настроенной и т.п. Если же Россия как сила православная может быть дорога, в настоящее время, даже и японскому прозелиту, то, разумеется, она должна быть еще дороже русскому верующему человеку. Этот русский верующий человек должен бороться за веру и за Россию, насколько у него есть ума и сил» [8. — С. 29].

Свой социально-политический идеал Леонтьев описывает следующим образом:

«1) *Государство* должно быть пестро, сложно, крепко, сословно и с осторожностью подвижно. Вообще *сурово*, иногда и до свирепости.

2) *Церковь* должна быть *независимее* нынешней. Иерархия должна быть смелее, властнее, сосредоточеннее. Церковь должна *смягчать* государственность, а не наоборот.

3) *Быт* должен быть поэтичен, *разнообразен в национальном*, обособленном от Запада *единстве*...

4) *Законы*, принципы власти должны быть *строже*; люди должны стараться

быть лично *добрее*; одно уравнивает другое.

5) *Наука* должна развиваться в духе глубокого презрения к своей *пользе*» [12. — С. 169–170].

Страсть, с которой Леонтьев говорит о необходимости сохранения монархии, не пренебрегая для этого никакими средствами, объяснялась, в том числе, тем, что он предчувствовал надвигающиеся грозные изменения в общественном укладе государства. История XX в. показала, что подтвердились многие из его прогнозов: утверждение в России социализма и создание на его идеологическом фундаменте «конфедерации» государств, последующий крах социалистической системы и образование объединенной Европы. Предвещал мыслитель и разочарование в материализме, причем с крушением веры в материализм Леонтьев связывал свои надежды на обновление в обществе ценностных приоритетов: «материализм, со своей стороны, есть последняя из систем последней эпохи: он царствует до тех пор, пока тот же реализм не сумеет и ему твердо сказать свое скептическое слово. За скептицизмом и реализмом обыкновенно следует возрождение: одни люди переходят к новым идеальным системам, у других является пламенный поворот к религии» [4. — С. 381–382]. Эти слова мыслителя будто адресованы сегодняшнему российскому обществу, познавшему воплощение идей материализма, разочаровавшемуся в них и ищущему новые идейные и духовные ориентиры.

Н.А. Бердяев отмечал удивительный дар предвидения Леонтьева: «Он, по существу, оказался более прав, чем все: чем славянофилы и западники, чем Достоевский и Соловьёв, чем Катков и Аксаков. У него было катастрофическое чувство наступления новой эпохи» [2. — С. 148].

Литература

1. Андронов Ю.В., Мячин А.Г., Шириняц А.А. Русская социально-политическая мысль XIX — начала XX века: К.Н. Леонтьев / Под ред. Д.В. Ермашова. — М.: Кн. дом «Университет», 2000. — 224 с.
2. Бердяев Н.А. Константин Леонтьев. Очерк из истории русской религиозной мысли // Константин Леонтьев. Pro et contra: Личность и творчество Константина Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей после 1917 г.: В 2 кн. — Кн. 2. — СПб., 1995. — С. 29–179.
3. Гоголев Р.А. «Ангельский доктор» русской истории. Философия истории К.Н. Леонтьева: опыт реконструкции. — М.: АИРО–XXI, 2007. — 160 с.
4. Леонтьев К.Н. Византизм и славянство // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. — Т. 7. — Кн. 1. — СПб.: Владимир Даль, 2005. — С. 300–443.
5. Леонтьев К.Н. Записка о необходимости новой большой газеты в С.-Петербурге // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. — Т. 8. — Кн. 1. — СПб.: Владимир Даль, 2007. — С. 7–19.
6. Леонтьев К.Н. Избранные письма (1854–1891). — СПб: Пушкинский фонд, 1993. — 640 с.
7. Леонтьев К.Н. Наши новые христиане Ф.М. Достоевский и Гр. Лев Толстой // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. — Т. 9. — СПб.: Владимир Даль, 2014.
8. Леонтьев К.Н. Наши окраины // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. — Т. 8. — Кн. 1. — СПб.: Владимир Даль, 2007. — С. 24–42.
9. Леонтьев К.Н. Передовые статьи «Варшавского дневника» // Леонтьев К. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. — Т. 7. — Кн. 2. — СПб.: Владимир Даль, 2006. — С. 7–107.
10. Леонтьев К.Н. Средний европеец как идеал и орудие всемирного разрушения // Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем: В 12 т. — Т. 8. — Кн.1. — СПб.: Владимир Даль, 2007. — С.159–233.
11. Монтень М. Опыты. Избранные главы. — М., 1991. — 656 с.
12. Свящ. И. Фудель. Культурный идеал К.Н. Леонтьева // Константин Леонтьев. Pro et contra: Личность и творчество К. Леонтьева в оценке русских мыслителей и исследователей 1891–1917 гг.: В 2 кн. — Кн. 1. — СПб., 1995. — С. 161–180.
13. Шириняц А.А. Нигилизм или консерватизм? Русская интеллигенция в истории политики и мысли. — М.: Изд-во Московского ун-та, 2011. — 563 с.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ НАЦИОНАЛИЗМ М.Н. КАТКОВА

Аннотация

В статье рассматриваются социально-политические идеи выдающегося публициста, крупного мыслителя консервативного направления XIX века М.Н. Каткова (1817–1886). Автор анализирует политическое и историческое наследие мыслителя, отмечает возрастающий интерес к творчеству Каткова. Основное внимание в статье уделяется изменению оценок в историографии к творчеству Каткова, также рассматривается национальный вопрос в России и теория российской государственности для современной национальной политики. Автор исследует принципиальное влияние Каткова на политику российского правительства по национальному вопросу. В результате автор приходит к выводу, что основу современной национальной политики составляет катковская концепция национализма, поэтому в настоящее время творчество мыслителя чрезвычайно актуально.

Ключевые слова: М.Н. Катков, теория российской государственности, государственная нация, политический национализм, «единство в многообразии».

Автор

Ямамото Кенсо

Доктор наук, доцент факультета политических наук
Университета префектуры Симанэ
(Хамада, Япония)

В последние годы в России интерес к творчеству выдающегося публициста, крупного мыслителя консервативного направления XIX в. М.Н. Каткова (1817–1886) возрастает, что обусловлено, на наш взгляд, как научным, так и политическим интересом к русскому консерватизму. При этом идеи мыслителя актуальны и для современной политики в России. В частности, его так называемая теория российской государственности играет существенную роль в разработке государственной теории, необходимой для современного российского государства. Катковская теория российской государственности представляет способ решения проблемы совместимости укрепления государственного единства и обеспечения многонациональности в одном пространстве. Так как такое решение реализуется посредством

политической власти, мы определяем катковский принцип по национальному вопросу как «политический национализм».

Причиной, по которой надо размышлять о вышеуказанной проблеме, является то, что мы живем в глобализирующемся мире. При глобализации облик международного сообщества поспешно изменяется. Свободные передвижения капиталов и информации неоднозначно влияют на человечество и государства. Поэтому перед многими людьми встает вопрос о национальной принадлежности и идентичности.

При этих обстоятельствах мы вспоминаем принцип «единство в многообразии», который получает популярность в современном мире. Сначала он был известен как лозунг Европейского союза. Но надо сказать, что в России концепция данного девиза до сих пор

всегда актуальна, поскольку укрепление государственного единства и обеспечение многообразия народов с начала российской государственности представляются важнейшей задачей для реализации стабильного развития страны. Немало современных российских ученых возлагает надежду на данную концепцию для разработки понятия российской гражданской нации, которое соответствует постсоветскому обществу.

Одним из главных проповедников девиза «единство в многообразии» в России является этнолог В.А. Тишков. В первой половине 90-х гг. XX в. он заявил: «Россия — это национальное государство россиян, в состав которого входят представители всех этнических групп: русские, якуты, татары, чукчи, корейцы, украинцы и многие другие, кто проживает на ее территории и обладает гражданством» [28]. Кроме Тишкова еще ряд исследователей признает концепцию «единства в многообразии» как направленность национальной политики Российской Федерации. Например, А.И. Вдовин [7], А.В. Костина [14], В.В. Согрин [25], Ю.Д. Гранин [8], О.Ю. Малинова [18], А.Х. Даудов [9] и др. публикуют положительные отзывы от идеи «единства в многообразии».

Более того, Президент России В.В. Путин однажды выразил стремление к реализации данной концепции, сказав: «Гражданский мир и межнациональное согласие — это не один раз созданная и на века застывшая картина. Напротив, это постоянная динамика, диалог. Это кропотливая работа государства и общества, требующая очень тонких решений, взвешенной и мудрой политики, способной обеспечить «единство в многообразии» [10. — С. 5]. Значит, многонациональная концепция российского государства уже имеет официальный характер.

Россия как название государства, созданное на основе многообразия в Евразийском пространстве, вызывает у некоторых исследователей вопрос

из-за того, что этимология слова исходит от одного народа. Поэтому нам необходимо рассмотреть роль русского народа в государственной политике и в сохранении народного единства в России. А для этого надо остановиться на работах предшественников, которые оформили концепцию российского государства.

Поэтому мы обращаем внимание на работы Каткова. В настоящей статье рассматривается современная историография по Каткову и его теории российской государственности, которая, на наш взгляд, вызывает интерес у современных исследователей. Более того, анализируется его государственная теория, а также рассматривается дискурс о национальном вопросе в современной России и катковская теория российской государственности.

В настоящее время Катков является одной из наиболее популярных фигур XIX в. в научной литературе. В 2000-е гг. несколько антологий и собраний сочинений Каткова было опубликовано [1, 2, 3, 4, 5]. В связи с тем, что в советское время его работы не публиковались, отношение к мыслителю было крайне отрицательным, кроме нескольких исключений (например, монография В.А. Твардовской). В настоящее время произошла большая перемена в оценках наследия Каткова.

Относительно историографии, то необходимо отметить, что в последние годы опубликовано очень много научных работ по Каткову. Среди авторов монографических работ можно отметить следующих: А.Л. Брутяна [6], А.Э. Котова [15], О.В. Кулешову [16], Э.А. Попова и И.В. Велигонову [21], С.М. Санькову [23] и др.

Зарубежным исследователям трудно понять причины роста количества исследований, посвященных наследию мыслителя. Поскольку Катков не выглядит «великим» мыслителем. Мы считаем его журналистом, который писал очень много в газетах и журналах. Прежде всего примечательно, что у него

нет главных работ. Именно поэтому нам непонятно, почему современные российские исследователи увлекаются Катковым. На самом деле до сих пор Каткова недооценивали. Например, М.М. Карпович, профессор, основоположник россиеведения в Гарвардском университете, пишет: «Отчасти Катков был политическим оппортунистом, отчасти — очень умным, очень интеллигентным, хорошо образованным и одаренным защитником традиционного государственного национализма, опирающегося на силу. Но я не думаю, что он заслуживает звания мыслителя и что он был явлением в русской интеллектуальной истории. Он принадлежит к русской политической истории и к истории русской журналистики» [13. — С. 224].

Кроме того, Т.Г. Масарик, первый президент Чехословакии, знаменитый специалист по духовной истории России, отметил: «Катков часто менял свои мнения, ибо был всего лишь политиком с твердым характером и определенными собственными целями... Но сам Катков был не лучше. Ему недоставало тщательно разработанного консервативного мировоззрения» [20. — С. 235]. Таким образом, нередко Каткова считали просто политическим деятелем, а не мыслителем. Его даже оценивали как непоследовательного и неоднозначного человека.

Судя по всей историографии, общее направление изучения Каткова — изучение его как практика. Например, С.Г. Исаков рассматривает роль Каткова в «печатной войне» по остзейскому вопросу в своей монографии [11]. В.А. Твардовская определила его как влиятельного политика вне официальной власти [26]. Зарубежные исследователи тоже обращали внимание на его политическую деятельность.

Если это так? То что современные исследователи ищут в наследии Каткова? На наш взгляд, они стремятся раскрыть «жизненность» его политического национализма, в котором отображается

принцип «единство в многообразии». Очевидно, они находят полезные элементы в творчестве Каткова для решения современных вопросов. Такая тенденция характерна, например, в статье М.Ю. Манакова [19]. С его точки зрения, поражение в Крымской войне имело то же самое значение во второй половине XIX в., что распад СССР в настоящее время — утрата лидирующих геополитических позиций на мировой арене [19. — С. 18]. Более того, польское восстание 1863–1864 гг. и чеченская война оказали то же самое влияние на психологию российского общества в XIX и XX вв. [19. — С. 19]. Таким образом, Манаков пытается искать ответ для решения таких современных вопросов, как «кризис национальной идентичности», «шовинистическая тенденция» и т.д., в идейном наследии Каткова, который стал влиятельным журналистом во времена Крымской войны и польского восстания.

По мнению Манакова, публицистическая деятельность Каткова представляется борьбой против «антигосударственного нигилизма» и «национального самоунижения» за воспитание здорового патриотизма [19. — С. 20–22], в которых современный исследователь увидел актуальные проблемы для современного общества. К тому же С.М. Санькова указывает на «связь» между возрастанием интереса к Каткову и социально-политическими последствиями горбачевской перестройки. Таким образом, в современной России Каткова оценивают как «мыслителя кризисного времени».

Кстати, прежде всего политический национализм Каткова высоко оценили зарубежные исследователи, изучающие Российскую империю. Один из главных исследователей этого направления А. Каппелер подчеркнул важность роли Каткова для формирования понятия «русский национализм». По Каппелеру, против славянофильского «русского национализма» на основе

этнического понятия «русь» Катков представил концепцию «русского национализма» как идеологию объединения на основе «народа» [12. — С. 422–423]. Кроме того, по А. Реннеру, в отличие от того, что славянофильское понятие «Российская империя» является этническим на основе понятия «русь», Катков попытался использовать понятие «народность» для реформы империи [22. — С. 459]. Значит, Катков предложил более широкое имперское понятие, чем триада «православие, самодержавие, народность» С.С. Уварова, как интеграционное понятие империи, а не «русское». Таким образом, Катков является создателем идеологии российской нации, подходящей для имперской формы государства.

В России, в исследовательской литературе, в отношении к Каткову было несколько перемен. На закате Российской империи его рассматривали как либерального эстета консервативного направления. В советское время существовала крайне отрицательная оценка. После издания монографии Твардовской в 1978 г. мнение к творчеству Каткова поменялось. Во время перестройки на фоне демократизации и либерализации снова вернулась отрицательная оценка [23. — С. 88–89].

Однако в 2000-е гг. оценки имперского времени восстанавливаются [19. — С. 88]. Современные исследователи называют отношение Каткова к национальным вопросам «бюрократическим национализмом», «имперским национализмом», «государственным национализмом», «гражданским национализмом» и т.д. [15, 17, 24, 27, 30]. Коротко говоря, они определяют Каткова как теоретика, представившего проект многонационального государства на основе неэтнической государственной власти.

Такое определение основано на теории российской государственности, сформулированной Катковым в середине 1860-х гг. Получив широкое

распространение, она была усвоена не только представителями официальной науки и большинством русской прессы, но и правительством [30. — С. 511]. Сам Катков не систематически объяснял эту теорию. Вместо него исследователь определил ее следующим образом: «Согласно этой теории, основу государства составляет его целостность, которая базируется на единстве государственной национальности. Национальность, по Каткову, понятие исключительно государственное; племенное происхождение, язык, исторически сложившиеся особенности характера, нравов и обычаев, религия никакой роли не играют. Одно исторически выдвинувшееся племя закладывает основу государства, объединяет вокруг себя и подчиняет себе другие племена во имя государственного единства. Это племя получает значение государственной нации, и государство, собственно, держится на нем» [30. — С. 511].

Ядром этой теории является государственный (или политический, гражданский) характер понятия национальности. Вообще понятие «государство» связано с духовно-культурными элементами. Но Катков отделяет их от понятия нации или государства. Об этом он отмечает: «...признать какой-либо элемент в качестве особой нации не значит предоставить ему свободу, но дать ему власть, сообщить ему обязательную силу. В признании нации решается вопрос о власти, о правительстве, о государстве» [5. — Т. 2, С. 191–192]. Здесь Катков представляет государственное понятие нации или национальности, согласно которому нация должна быть племенем, способным создавать государство; только государственная нация может устанавливать порядок в какой-либо территории; племенам, неспособным создавать государство, приходится подчиняться государственной нации.

Надо подчеркнуть, что подчинение племен государственной нации, со-

гласно логике Каткова, не значит ни отрицание свободы, ни ассимиляцию. Нация — государственная, значит, ее господство тоже государственное или политическое, а не духовное или культурное. Если племя подчиняется господству государственной нации, то оно может пользоваться своей собственной духовностью и культурой. Только через эту логику можно понять осуждение поляков и остзейцев Катковым в 1860-е гг. Ему движения этих народов представлялись мятежами против господства российского государства. С другой стороны, он всегда поддерживал духовно-культурное разнообразие. Это тоже логический вывод его теории. Таким образом, Катков пытался реализовать обеспечение разнообразных духовно-культурных элементов (этнические группы, культуры, языки, религии и т.д.) и укрепление политического единства на основе господства государственной нации (русской).

Между тем в чем современность Каткова? Нам кажется, есть определенная близость между идеями Каткова и национальной политикой России. Историк А.Х. Даудов указывает на важнейшие цели современной национальной политики России: 1) совершенствование деятельности органов власти и управления всех уровней по реализации интересов и потребностей граждан всех национальностей; 2) создание условий для социально-экономического и культурного развития и сотрудничества народов; 3) предотвращение и мирное разрешение межнациональных конфликтов; 4) признание для Российского государства объединяющей роли русского народа, его языка и культуры; 5) поддержка соотечественников, проживающих за пределами РФ; 6) формирование культуры межнационального общения и толерантности во имя достижения мира и согласия в обществе и др. [2. — С. 14]. Среди них наиболее примечательный пункт четвертый, поскольку пункты 1, 3 и 6 относятся к це-

лям, связанным с сосуществованием и слиянием народов в России, напротив, пункт 4 — к цели, связанной с особым статусом русских. На первый взгляд, эти цели носят мультикультуралистический оттенок. Но в пункте 4 утверждается господствующая роль русских, тем самым показывается позиция России, отличающаяся от простого мультикультурализма.

На самом деле, в своей статье, указывая на «кризис модели национального государства» и «провал мультикультурного проекта» в Европе, президент Путин рассказывает о трудности сосуществования многих культур [10. — С. 3]. Затем, признав многонациональность России, он отмечает роль и миссию русского народа. По его выражению, «русский народ является государствообразующим — по факту существования России. Великая миссия русских — объединять, скреплять цивилизацию» [10. — С. 6]. Подчеркивая особенность и уникальность русского народа, он пытается показать открытость и внациональность русской идентичности с помощью такой универсальной концепции, как цивилизация. Таким образом, Путин утверждает: «Нам необходима стратегия национальной политики, основанная на гражданском патриотизме» [10. — С. 8].

Итак, в действующей национальной политике РФ отражаются два принципа: 1) Россия — многонациональное и многокультурное общество; 2) русский народ должен играть особую, отличительную от других народов в России роль. Как выше указано, в катковской теории российской государственности изложена логика совместимости культурного многообразия и государствообразующей роли в империи. Поэтому, на наш взгляд, основу современной национальной политики составляет катковская концепция национализма. И возрастание изучения творчества Каткова является отражением этой действительности.

Таким образом, наследие Каткова по-прежнему живо. Идеи, представленные им перед российским обществом второй половины XIX в., не теряют важности для современной России. Наверное, дискуссия о проекте «единство в многообразии» будет еще долгое время актуальной, как и наследие Каткова.

Литература

1. Катков М.Н. Имперское слово. — М.: Москва, 2002.
2. Катков М.Н. Империя и крамола. — М.: ФИВ, 2007.
3. Катков М.Н. Идеология охранительства. — М.: Институт русской цивилизации, 2009.
4. Катков М.Н. Избранные труды. — М.: РОССПЭН, 2010.
5. Катков М.Н. Собрание сочинений: В 6 т. — СПб.: ИНИОН РАН Росток, 2010–2012.
6. Брутян А.Л. М.Н. Катков: социально-политические взгляды. — М.: МАКС Пресс, 2001.
7. Вдовин А.И. Русский вопрос и русское государство на современном этапе // Русская идентичность на постсоветском пространстве. — М.: Инфорос, 2008. — С. 83–94.
8. Гранин Ю.Д. Формирование российской нации: об одном неосуществленном проекте // Свободная мысль. — 2012. — № 7/8 (1634). — С. 5–18.
9. Даудов А.Х. Сущность и особенности национальной политики России: история и современность // Труды Исторического факультета СПбГУ. — 2013. — Вып. 15. — С. 7–15.
10. Информационно-аналитический сборник по материалам круглого стола «Обсуждение статьи Председателя Правительства Российской Федерации В.В. Путина «Россия: Национальный вопрос» (01.02.2012). [Электронный ресурс]. — URL: <https://mdn.ru/download/Knigi/Informatsionno-analiticheskij-sbornik-po-materialam-kruglogo-stola-Obsuzhdenie-stati-Predsedatelya-Pravitelstva-Rossijskoj-Federatsii-V.V.-Putina-ROSSIYA-NATSIONALNYJ-VOPROS-.pdf> (дата обращения: 29.03.2018).
11. Исаков С.Г. Остзейский вопрос в русской печати в 1860-х гг. — Тарту: Тартуский государственный университет, 1961.
12. Каппелер А. Образование наций и национальные движения в Российской империи // Российская империя в зарубежной историографии. — М.: Новое издательство, 2005. — С. 395–435.
13. Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века). — М.: Русский путь, 2012.
14. Костина А.В. Россия как полиэтническое государство: особенности и проблемы современного развития // Знание. Понимание. Умение. — 2010. — № 2. — С. 107–116.
15. Котов А.Э. «Царский путь» Михаила Каткова: Идеология бюрократического национализма в политической публицистике 1860–1890-х годов. — СПб.: Владимир Даль, 2016.
16. Кулешова О.В. Наследие М. Н. Каткова в современной России. — М.: ИНИОН РАН, 2013.
17. Кудряшев В.Н. М.Н. Катков в российском имперском дискурсе второй половины XIX века // Вестник ТГУ. История. — 2012. — № 4 (20). — С. 40–42.
18. Малинова О.Ю. Символическое единство нации? Репрезентация макрополитического сообщества в предвыборной риторике Владимира Путина // Pro et Contra. — 2012. — Май-июнь. — С. 76–93.
19. Манаков М.Ю. Роль политической публицистики в защите государственной безопасности (система взглядов М.Н. Каткова в 1860-е годы) // Вестник ЧГУ. — № 22 (313). — Филология. Искусствоведение. — 2013. — Вып. 81. — С. 17–23.
20. Масарик Т. Г. Россия и Европа: Эссе о духовных течениях России. — Т. 2. — Кн. 2. — Ч. 2–5; Кн. 3. — Ч. 1. — СПб.: РХГИ, 2004.
21. Попов Э.А., Велигонова И.В. Когда Слово повелевает Империей. Периодические издания М.Н. Каткова и новые технологии общественно-государственной политики реформирующейся России (середина 1850-х — 1880-е гг.). — М.: РИСИ, 2014.
22. Реннер А. Изобретающее воспоминание: Русский этнос в российской национальной памяти // Российская империя в зарубежной историографии. — М.: Новое издательство, 2005. — С. 436–471.
23. Санькова С.М. Государственный деятель без должности. М.Н. Катков как идеолог государственного национализма. Историографический аспект. — СПб.: Нестор, 2007.

24. *Санькова С.М.* Либеральный консерватизм как неотъемлемая составляющая государственного национализма на примере политических воззрений М.Н. Каткова // Управление общественными и экономическими системами. — 2008. — № 1. — С. 1–19.
25. *Согрин В.В.* Что есть российская нация и российский народ (обобщающая работа В.А. Тишкова) // Общественные науки и современность. — 2011. — № 1. — С. 117–125.
26. *Твардовская В.А.* Идеология пореформенного самодержавия (М.Н. Катков и его издания). — М.: Наука, 1978.
27. *Тесля А.А.* «Польский вопрос» в передовицах М.Н. Каткова в «Московских ведомостях» в 1863 г. // Учебные заметки ТОГУ. — 2011. — Т. 2. — № 2. — С. 86–97.
28. *Тишков В.А.* Россия как национальное государство // Независимая газета. 1994. 26 янв.
29. *Ширинянц А.А.* Катков Михаил Никифорович // Ширинянц А.А. Нигилизм или консерватизм? (Русская интеллигенция в истории политики и мысли). — М.: Издательство Московского университета, 2011. — С. 508–514.

ЭСТЕТИКА И ПОЛИТИКА: В.В. РОЗАНОВ О РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Аннотация

В статье анализируется отношение отечественного философа XIX -начала XX в. В.В. Розанова к социально-политическим феноменам и явлениям. Не будучи политическим мыслителем в строгом смысле слова, Розанов тем не менее имел оригинальные взгляды на многие политические темы. Исследовательский интерес до сих пор представляет особая форма публицистики мыслителя — предельно откровенная, образная, почти дневниковая. В данной статье приводится пример розановских рассуждений о сущности и природе русского человека и государства, истории и политике в их взаимосвязи с проблемой индивидуального бытия, категориями эстетики и нравственности.

Ключевые слова: В.В. Розанов, публицистика, государство, эстетика, монархия.

Автор

Пучнина Ольга Евгеньевна

Кандидат политических наук,
старший научный сотрудник кафедры истории
социально-политических учений
факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

На сегодняшний день, к счастью, фигура В.В. Розанова (1856–1919) не нуждается в особом представлении. Творчество мыслителя столь самобытно, оригинально и глубоко, что и в XXI в. оно остается неизменно интересным и актуальным для исследования. Яркий и плодовитый мыслитель и публицист писал на самые разные темы: религия, семейный и национальный вопрос, литература, политика, философия и т.д. Сегодня проводятся конференции и издаются целые монографии, посвященные идейному наследию В.В. Розанова. Тем не менее, парадоксально, но «Розанов», поистине, неисчерпаем. Антиномичный, зачастую противоречащий сам себе, идущий вразрез с общепринятой точкой зрения и даже нормами приличия, Розанов как никто другой глубоко и оригинально анализирует самые острые (и, к сожалению, почти не имеющие срока давности) социальные, политические и нравственные проблемы.

Неослабевающий исследовательский интерес к личности и творчеству Розанова, конечно, в первую очередь, объясняется необычной манерой изложения своих взглядов, стилем письма. Часто розановские рассуждения о серьезных вещах выглядят почти как монологи с самим собой, как дружеский, почти интимный разговор, полунамеки, это яркие образы и непривычные сравнения. Это подкупает, иногда раздражает читателя, но такая непосредственность и привлекает, даже очаровывает.

Нередко мыслитель обращается к самым глубинным, потаенным уголкам человеческой души, не всегда благородным и приличествующим темам, и в этом для него есть особый смысл. «Наша душа, душа современного человека, какая-то резиновая, мертвая, загрязненная, которая “чувствует” только тогда, когда по ней обухом стучат» [4. — С. 34]. Розанов сам отмечал, что о хорошем, положительном даже

не пишется, а написанное выглядит скучным и неинтересным, в то время как плохое, насмешливое идет на ура и сразу вызывает реакцию. Поэтому в работах Розанова одновременно сочетаются «действительно глубокие проникновения, изящные сравнения, пронизывающие, остроумные намеки и грубые удары обуха топора, грубейшие сравнения, что-нибудь насильственное, плоское, смешно-задорное, вульгарное» [1. — С. 425].

Однако не только форма диалогизации в розановском творчестве вызывает интерес у исследователей сегодня. Это еще и удивительная прозорливость Розанова, точность в оценках, умение схватить самую суть явления — часто в нескольких словах и весьма неожиданным способом.

Чтобы проиллюстрировать это, можно привести некоторые рассуждения Розанова о, казалось бы, весьма далеких друг от друга вещах — политике, власти, государственном управлении и категориях «красота», «душа», «поэзия», личной судьбе конкретного человека.

Розанову вообще свойственно было внимание к приземленным, бытовым вещам, рассмотрение любого явления через призму его повседневного бытия. Он указывает на важность не только далекого и идеального, но и ближнего, может, и не совершенного, но родного и живого. И примечательно в этом плане рассуждение Розанова, когда после посещения Сарова с монастырем и, уже выехав из города, он писал: «Здесь лучше, с этими... веселее». Эстетика, уверяет Розанов, холодна, а теплота мира и содержится в этих грубых: «Моя зелененькая лошадь!», «Мои черноглазенькие дети», и все поименно, индивидуально, конкретно [11. — С. 310].

Такая «чувственная» публицистика Розанова — это его визитная карточка и стиль, в этом и его глубина. Мыслитель не разделяет полнокровную жизнь на формальность и интимную непо-

средственность, высокую литературу и бытовые наблюдения, все сплетается в его работах, создавая почти осязательный «мыслеобраз». Вот как Розанов пишет о своем отечестве: «Много есть прекрасного в России: 17-е октября, конституция, как спит Иван Палыч. Но лучше всего в чистый понедельник забирать соленья у Зайцева (угол Садовой и Невск.). Рыжики, грузди, какие-то вроде яблочков, брусника — разложена на тарелках (для пробы). И испанские громадные луковицы. И образцы капусты. И нити белых грибов на косяке двери. И над дверью большой образ Спаса, с горящею лампадой. Полное православие» [6. — С. 15]. Или еще — почти оскорбительное, но одновременно трогательное и ласковое: «Грибная лавка в чистый понедельник равняется лучшей странице Ключевского» [6. — С. 15–16].

Окружающая жизнь, социальные и политические события, даже семейные праздники для Розанова приобретают особый онтологический смысл и статус. Он оценивает их в совершенно нетрадиционном и непривычном для всех ключе. Мыслитель задается вопросом: «Почему выдумывать (повести, романы) — не “чепуха”, а действительность — “чепуха”? Мне же кажется “состриженный ноготок” с живого пальца важнее и интереснее “целого” выдуманного человека. Которого ведь — нет!!!» [7. — С. 43].

Современные исследователи считают, что тексты Розанова мало кого могут оставить равнодушными, потому что «розановщина» сидит в каждом из нас. Анализируя действительность, пытаясь быть объективными, рассуждать отвлеченно и абстрактно, логично и разумно, нередко получаем перекосяк как раз в обратную сторону — слишком отстраненное восприятие тоже не дает настоящей картины, нужна личность, индивидуальность, частность. Это важно и актуально как в отношении рассуждений об общественно-политическом устройстве, так и в отношении

судьбы и личности отдельного человека. А анализ субъективный, частный чреват соблазнами другого рода. Стараясь казаться лучше, чем мы есть на самом деле, силясь упрятать глубоко внутри себя все свои червоточины, мы уходим от прямого зеркала, говорящего нелицеприятную правду, и все же не можем не оглянуться назад [5. — С. 23]. А там стоит невысокий рыжеватый человек, не стесняющийся сказать о себе: «С выпученными глазами и облизывающийся — вот я. Некрасиво? Что делать» [6. — С. 155]. Розанову определенно близок именно второй — эстетический, чувственный, персоналистичный подход к восприятию и анализу действительности, но обязательно максимально честный и правдивый.

При этом удивительно, что «душевное самообнажение» Розанова, как иногда называют его творчество, не имеет цели кого-либо в чем-то убедить. А.Д. Синявский отмечал тонкость розановской стилистики: «Розанову не надо было, чтобы люди, читая его книги, меняли бы свои взгляды на его жизнь. Но он хочет изменений как бы в самом составе, в структуре души читателей... У читательской души вырастет ухо и появятся ноздри в том случае, если на нее подействовать именно в этом направлении» [10. — С. 475].

О сильном мировоззренческо-формирующем воздействии работ Розанова говорит и современный исследователь творчества писателя Е.А. Ермолин. Последний сравнивает «Опавшие листья» и «Уединенное» с «Так говорил Заратустра» Ф. Ницше, считая, что эти книги нельзя и невозможно читать сплошняком. Они не усваиваются последовательно, в них, как молнии, вспыхивают то и дело ослепительно-неопровержимые интуиции, откровения, имеющие значимость для читателя, ищущего смысл бытия, и каждый раз находя его в новом [4. — С. 33].

Вот, например, как размышлял Розанов о сущности народной жизни в

России, указывая, что для русского человека общественное и политическое практически не пересекается. В сборнике «О писательстве и писателях» он говорит об особом отношении русских людей к началам государственности и власти. Это отношение является, по Розанову, практически «родовым» отличием нашего народа — отсюда все его беды и в этом его особая прелесть. Этой чертой русских писатель считал глубокую и органическую аполитичность. «Мы аполитичны, внегосударственны... Такого глубочайше анархического явления, как “русское общество” или вообще “русский человек”, я думаю, никогда еще не появлялось на земле. Это что-то... божественное или адское, и не разберешь» [8. — С. 558]. Причину такого положения писатель видит в том, что «все на Руси “музыканят” и, кроме “музыки”, ничем в сущности и не занимаются. Т.е. все занимаются вещами сладкими, личными, душевными» [8. — С. 558]. Возможно, и пресловутый «аполитизм» самого Розанова, в котором его неоднократно обвиняли в истории, лишь доказывает его глубочайшую и органическую связь и единство со своим народом.

В свойственной ему образной манере Розанов государство сравнивает с солдатом, а общество, нацию, народность — с поэтом, и «обняться» они не могут никогда. Кроме редких случаев и то ненадолго, как например, Отечественная война.

«Чувственное», эстетическое восприятие мира Розановым простирается и на политическую сферу: «государство — это механика, общество — это поэзия. Первое можно сравнить с фабрикою, громадную, страшную, нужную, но... не уютною. “Уютность” — особенное понятие, может быть, присущее только русскому лексикону, — присущее обществу, которое можно сравнить с деревней, селом, и как они ни мало видны и бесшумны сравнительно с фабрикою, однако сама фабрика суще-

ствуется для села, сельчан, выделявая ситцы или земледельческие орудия для их работы, жизни, обихода. Душа не видна, однако тело существует для нее» [9. — С. 68–69].

И эта «душа» диктует свои критерии оценки действительности, того, что «хорошо» и «правильно», хотя это, может быть, не всегда поддается осмыслению в категориях утилитарности и даже целесообразности. «И нужны <...> красивые зрелища эстетической истории, но ясно — не революционной, ибо для чего же такая судорога, à la Достоевский? Можно потише, поглаже, но пусть тоже — процессия, картины, что-нибудь трогательное, воспоминательное. А то по чему детей учить? Не все по книгам. Нужно, чтоб они видели, осязали, плакали, возгорались» [9. — С. 79–80].

Для Розанова, чьи идеологические симпатии определить можно было не всегда однозначно, тем не менее именно монархия была наилучшей и единственно возможной формой правления для нашей страны. Писатель объясняет это опять же не только объективными обстоятельствами природных условий, но и «субъективным фактором» — душевными склонностями русского народа. Оценивая монархию, как и все другие общественные и политические явления, эстетически, Розанов считает, что для нее нужны специальные способности. Например, по его мнению, французы не способны к такой форме правления. «У них нет ... нормальных монархических чувств. Они не способны к любви, привязанности, доверию, обожанию. Какая же может быть тогда монархия?» [6. — С. 60–61]. «Любить Царя» — есть действительно существо дела в монархии и «первый долг гражданина»: не по лести и коленапреклонению, а потому что иначе портится все дело» [6. — С. 36].

Если для русского человека «государство» не выступает персонифицированно как «государь», то оно чужое, внешнее, мертвое. Любовь к царю, по Розанову, должна идти от сердца, из-

нутри самого человека. Такое чувство, включает философ, не может родиться в России из разума, и в этом его сила.

Для Розанова это очевидно, потому что «общество <...> являет вдохновение, гений, талант и, наконец, прямо — небесное: по крайней мере являет какое-то электричество, которое “черт знает, что значит”, тогда как слои чиновников, или точнее благоустроенные “классы” их именно изъяты от всякого электричества, магнетизма, от всех этих “неведомых, темных сил” и являют просто клетку, составленную из железных прутьев, в которой сидит птичка» [9. — С. 70].

Интересно, что в таком эстетическом отношении к политическим феноменам Розанов был близок идеям своего в определенном смысле учителя К.Н. Леонтьева о необходимости признания красоты всеобщим критерием оценки явлений окружающего мира. Логика рассуждений очень похожа, по Леонтьеву, чем больше залогов жизненности и силы, тем ближе к красоте и истине бытия, а значит, истина в естественности и разнообразии. В биологическом и гилозоистическом отношении к миру проявились интерес и восприимчивость философа и к идейному наследию Н.Я. Данилевского [3. — С. 185–197].

Э.Ф. Голлербах отмечал, что Розанов любил Россию страстной, ненасытной, преданной любовью, но это была не слепая любовь или зоологический патриотизм, а вера и безмерная нежность к стране и народу. Не имеет смысла давать сухую академическую оценку отношению Розанова к России, оно становится очевидным из его письма к Голлербаху, где он давал такое напутствие русскому человеку: «До какого предела мы должны любить Россию: до истязания, до истязания самой души своей. Мы должны любить ее до “наоборот нашему мнению”, убеждению, голове. Сердце, сердце, вот оно» [2. — С. 11].

Таким образом, несмотря на то, что Розанов не оставил какой-нибудь стройной политической теории и даже

не написал в строгом смысле сугубо политического труда, его многогранная публицистика являет собой яркий образец глубокого, внимательного, неравнодушного анализа сущности и природы русского человека, государства, истории и политики. Пытаясь сочетать несочетаемое — оценивать политические феномены, явления, события сквозь призму индивидуального

бытия, красоты, «душевности» и нравственности, Розанов чутко улавливает и указывает самую суть вещей, показывает их в новом непривычном ракурсе, заставляет по-новому взглянуть на них и задуматься. При кажущейся простоте и даже наивности суждений Розанова, это один из самых оригинальных и проницательных авторов в истории общественно-политической мысли России.

Литература

1. *Волжский А.* Мистический пантеизм Розанова // В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Изд. подгот. В.А. Фатеев. — СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 1.
2. *Голлербах Э.Ф.* В.В. Розанов: жизнь и творчество. Вступит. статья. Розанов В.В. Уединенное. Опавшие листья. Апокалипсис нашего времени. Статьи о русских писателях / Сост. и коммент. В.Г. Сукач. — М., 2001.
3. *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. Взгляд на культурные и политические отношения Славянского мира к германо-романскому. — М., 2010.
4. *Ермолин Е.А.* Семя и слово // Энтелехия. — Кострома, 2000. — № 1.
5. *Налепин А.Л., Померанская Т.В.* Розанов@etc.ru. — М., 2011.
6. *Розанов В.В.* Опавшие листья. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.
7. *Розанов В.В.* Сахарна. — М., 1998.
8. *Розанов В.В.* Собрание сочинений. Легенда о Великом инквизиторе Ф.М. Достоевского: Лит. очерки. О писательстве и писателях / Под общ. ред. А.Н. Николюкина. — М.: Республика, 1996.
9. *Розанов В.В.* Государство и общество // Когда начальство ушло...: 1905–1906 гг. СПб., 1910.
10. *Синявский А.Д.* С носовым платком в Царствие Небесное // В.В. Розанов: Pro et contra: Личность и творчество В. Розанова в оценке русских мыслителей и исследователей: Антология / Изд. подгот. В.А. Фатеев. — СПб.: РХГИ, 1995. Кн. 2.
11. *Фатеев В.А.* С русской бездной в душе: Жизнеописание Василия Розанова. — ГУИПП «Кострома», 2002.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ С.Ф. ШАРАПОВА

Аннотация

В статье рассматриваются основные принципы идейно-политической концепции видного публициста и общественного деятеля конца XIX — начала XX в. С.Ф. Шарапова. Автор анализирует ведущие аспекты политических убеждений С.Ф. Шарапова, отстаиваемых им в своих статьях: приверженность к самодержавию, поддержка развития местного самоуправления, последовательная критика социализма.

Ключевые слова: С.Ф. Шарапов, православие, русский консерватизм, самодержавие, земское самоуправление.

Автор

Ананьев Никита Александрович

Аспирант факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Сергей Фёдорович Шарапов (1855–1911) проявил себя в отечественной истории не только как плодовитый публицист и общественный деятель консервативного идейного направления, но и как экономист, создавший собственную концепцию оптимального экономического устройства Российского государства.

Выходец из древнего дворянского рода, С.Ф. Шарапов первоначально планировал заняться профессиональной военной карьерой, что было распространенным явлением в дворянской среде. В 1872 г. он с отличием окончил Московскую военную гимназию и поступил в престижное Николаевское инженерное училище, однако болезнь матери вынудила его покинуть стены alma mater в 1874 г. в офицерском чине подпоручика [3 — С. 8]. Довольно продолжительное время С.Ф. Шарапов состоял на государственной службе — сначала в канцелярии Варшавского генерал-губернатора, затем в Министерстве финансов и Министерстве государственных имуществ. Однако наибольших достижений он добился

на общественном и публицистическом поприще.

С.Ф. Шарапов в своем родном имении Сосновка показал пример того, как следует организовать оптимально функционирующее хозяйство. В течение долгого времени он занимался обустройством имения и окружающих его территорий. Неоднократно он выигрывал различные призы на многочисленных сельскохозяйственных выставках [3. — С. 13]. В качестве публициста с 1880-х гг. он активно печатался в таких газетах и журналах, как: «Русское слово», «Русское обозрение», «Русская жизнь», «Гражданин», «Славянские известия», «Свет», «Вече» и «Пахарь». В 1897 г. он основал газету «Русский труд», которая была до 1902 г. главной трибуной для распространения его политических воззрений. С.Ф. Шарапов написал несколько книг: «По черноморскому побережью», «Бумажный рубль. Его теория и практика», «Через полвека».

В начале 1900-х гг. он принимал участие и в деятельности консервативных политических организаций, став одним

из основателей «Союза русских людей» и был активным членом «Русского собрания» [3. — С. 29]. Являлся С.Ф. Шарапов и основателем Аксаковского литературно-художественного общества, которое было призвано сохранить и упрочить обширное публицистическое наследие славянофилов в целом и братьев Аксаковых в частности. По некоторым данным, он также состоял в «Союзе русского народа» [1. — С. 403]. Его участие в консервативных политических организациях было закономерным явлением, поскольку позволяло ему более эффективно артикулировать и распространять консервативные политические убеждения, а также, вместе с другими консервативными деятелями, обсуждать различные консервативные проекты преобразования Российского государства.

С.Ф. Шарапова отличала близкая к славянофильской концепции позиция по отношению к самодержавной монархии в России. «Государь-самодержец — полный хозяин всей Русской земли» [3. — С. 46], — такими словами он кратко характеризовал сущность российской монархии. В своем художественном романе «Россия будущего» С.Ф. Шарапов устами одного из своих литературных персонажей высказал свое монархическое кредо: «Иной, кроме Царской и Самодержавной, верховной власти в России быть не может» [3. — С. 390].

При всем этом С.Ф. Шарапов являлся сторонником концепции монархического устройства, основанного на двух «уровнях»: уровне власти самодержца и уровне земского самоуправления [1. — С. 428]. В упадке земского самоуправления в XVIII–XIX столетиях он видел корень многих социально-политических проблем Российского государства. С.Ф. Шарапов резко критиковал столичную бюрократию за косность, противодействие развитию местного самоуправления, попытки препятствовать реформам. «Бюрократия отжила свой век, опозорила и разорила Россию и вызвала к себе такую ненависть, с ко-

Сергей Фёдорович Шарапов (1855–1911)

торой нам с вами не справиться» [3. — С. 390], — так он описал негативную, по его мнению, роль бюрократического аппарата, развившегося при императоре Петре I, в истории России. Учитывая, что он сам некоторое время был ее органичной частью (когда состоял на гражданской службе), можно констатировать, что на С.Ф. Шарапова повлиял, в том числе, и его личный опыт.

С.Ф. Шарапов являлся убежденным сторонником повсеместного укрепления и развития органов местного самоуправления. Его взгляды по этому вопросу выражались в одной лаконичной фразе: «Все будущее России — в земстве, поставленном как первооснова государственного здания» [3. — С. 390]. Он подчеркивал долговечность отечественных земских традиций: «Мы уже имели случай остановиться над разъяснением как исторических основ преемственности и непрерывности земского начала на Руси, так и тех ближайших усовершенствований, которые могли бы сразу улучшить даже наш существующий земский механизм» [3. — С. 40].

Социализм (как марксистский, так и «народнический») С.Ф. Шарапов отвергал однозначно: «Социализм, ратующий против исключительных прав капитала ради таких же исключительных прав труда, то есть желающий заменить деспотизм капитала деспотизмом труда, логически не может кончить ничем иным, кроме разрушения всего государственно-общественного строя» [2. — С. 617]. По его мнению, претворение социалистических программ в жизнь разрушит социальные институты, на которых зиждется жизнь русского крестьянства, что приведет к его обнищанию и, как следствие, к крушению Российской государственности.

Впрочем, он предлагал и конструктивную программу преобразований, которая должна «распасться на три части: переустройство денежной системы, переустройство государственного хозяйства, переустройство органов хозяйственного управления» [1. — С. 448].

С.Ф. Шарапов писал: «Чтобы выйти из нынешнего печального экономического положения, ведущего Россию к разорению и гибели, необходимы три условия: во-первых, отменить нынешнюю золотую денежную систему, не отвечающую ни внутренним, ни международным потребностям России, и перейти к такого рода деньгам, которые как в качественном, так и в количественном отношении соответствовали бы нашим экономическим условиям, т.е. давали бы возможность правильно обставить народный труд и широко развить кредит, способствовали бы накоплению национальных капиталов и избавили бы Россию от кабалы у международной биржи. Такими деньгами может быть или наша старая испытанная серебряная валюта, или бумажные деньги. Во-вторых,

переустроить в полной между собой гармонии правящие экономической жизнью народа и государства органы. В-третьих, начать совершенно иную экономическую и, в частности, финансовую политику» [3. — С. 236, 237].

С.Ф. Шарапов представлял в амальгаме русских консервативных мыслителей и публицистов «неославянофильскую» традицию, являясь видным представителем этого направления в начале XX в. и отстаивая идеи возрождения института Земских соборов как всенародного органа с совещательными полномочиями. Данная традиция не являлась доминирующей в среде русских консерваторов конца XIX — начала XX в., однако вместе с тем в числе ее наиболее видных представителей были князь А.Г. Щербатов (первый председатель «Союза русских людей») и Д.А. Хомяков — сын знаменитого славянофила А.С. Хомякова.

Таким образом, можно сделать определенные выводы об идейно-политических взглядах С.Ф. Шарапова. Во-первых, он, как и все русские консерваторы, являлся последовательным монархистом — приверженцем самодержавной монархии. Во-вторых, С.Ф. Шарапов, продолжая традиции славянофилов, выступал за повсеместное расширение и укрепление органов местного самоуправления, которые, с его точки зрения, представляли «народную власть». Наконец, как экономист, он являлся создателем собственной экономической теории, многие компоненты которой (автаркия, приверженность частной собственности, критика золотого стандарта, опора на крестьянские общины и рабочие артели) «вошли» в идеологический «арсенал» многих русских консервативных мыслителей начала XX в.

Литература

1. Катасонов В. Русская социологическая мысль на рубеже XIX–XX веков. К. Леонтьев, Л. Тихомиров, В. Соловьев, С. Булгаков, С. Шарапов. Отв. ред. Н.Н. Бойко — М.: Родная страна, 2015. — 464 с.
2. Платонов О.А. Русская экономика без глобализма. — М.: Алгоритм, 2006. — 800 с.
3. Шарапов С.Ф. Россия будущего. — М.: Институт русской цивилизации, 2011. — 720 с.

РОБЕРТ ОУЭН И ЗАРОЖДЕНИЕ ДОКТРИН КООПЕРАТИВИЗМА

Аннотация

В статье дан краткий обзор истории зарождения кооперативистской идеологии и влияния на этот процесс социалистической доктрины Роберта Оуэна.

Ключевые слова: кооперация, Роберт Оуэн, Уильям Кинг, рабочее движение, доктрины социализма, кооперативные эксперименты в Британии.

Автор

Андерсон Кирилл Михайлович

Доцент кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук (Москва, Россия)

История кооперации относится к сюжетам, подверженным эпизодическим всплескам интереса и долгим периодам полузабвения. Первая волна исследований¹, зародившаяся в конце 1860-х гг. в Британии и вскоре перекинувшаяся на континент, улеглась в конце 1880-х гг. [1, 2, 3]. Вновь кооперация овладела вниманием ученого сообщества в 1910–1920-е гг., причем на этот раз центром «кооперативоведения» стала Россия [4, 5, 6, 7, 8]. На протяжении следующих десятилетий историография кооперации существовала как периферийное направление, представленное редкими публикациями разного достоинства [9, 10].

Некоторое пренебрежение к истории кооперации может вызывать недоумение, поскольку само это явление и связанные с ним экономические институты и общественные организации отнюдь не отмерли, а напротив, стали неперенным, зачастую весьма заметным элементом политической жизни многих стран. Вероятно, причины следует искать не в самой при-

роде кооперации, а в особенностях ее историографии.

Ее подъемы приходятся на годы наиболее оживленных дебатов о сущности и социальном предназначении кооперации, которые вели между собой политические партии и организации различной, но в подавляющем большинстве случаев социалистической ориентации. Кооперация, развивавшаяся быстрыми темпами с 1820-х гг., была сугубо «рабочим делом» и кооперативные товарищества представляли собой объединения, поддержка которых могла серьезно укрепить позиции того или иного политического течения в рабочем движении. Полемика революционно настроенного Эрнста Джонса с чартистами умеренного толка, которую он вел не без помощи Маркса [11]; споры между марксистами, принадлежавшими к разным полюсам социал-демократии Германии, Британии и Франции; между эсерами, трудовиками, эсдеками и иными левыми партиями России — все эти дискуссии о кооперации, в той или иной мере затрагивали прошлое. Политическая интерпретация «истинных» целей и задач современной кооперации неизменно окрашивала в

¹ Значительное число работ выходило в виде памфлетов, журнальных и газетных статей.

соответствующие партийные цвета ее историю, которая оказывалась своего рода довеском к публицистике. Даже работы, внешне способные претендовать на «академизм» и фундаментальность (например, двухтомная «История кооперации» Дж. Холиока [12], охватывающая период от античности до конца XIX в.), скорее, похожи на исторические комментарии к наиновейшим политическим доктринам.

Собственно, нечто подобное свойственно традиционной историографии рабочего движения в целом. На протяжении десятилетий, начиная с середины XIX в., рабочей историей занимались преимущественно активисты или деятельные сторонники массовых рабочих движений (С. и Б. Уэббы, Дж. Коул, Э. Доллеан, Ф. Меринг, К. Каутский и др.). Чрезмерная политизация исследований, равнение на партийные догматы неизбежно вели к предопределенности оценок и суждений, что, в свою очередь, влекло за собой если не подтасовку фактов, то, по крайней мере, предвзятый отбор источников. Этому недугу была подвержена и западная, и отечественная, особенно послереволюционная историография (последняя в весьма тяжелой форме).

Симптомы «предвзятости» зримо различимы в истории изучения кооперации. Так, в работах авторов, не слишком симпатизирующих радикальным политическим устремлениям, социалисты, сыгравшие значительную роль в становлении кооперативных организаций минувшего века (Оуэн, Фурье и т.д.), предстают, скорее, злыми гениями, вопреки проискам которых развивалась кооперация. В исследованиях «прогрессивных» историков они же предстают родоначальниками или покровителями кооперации. Одни и те же кооперативные эксперименты и начинания истолковываются то как явно антисоциалистические, то как предсоциалистические, то как истинно социалистические и т.д., в зависимости от идеологической принадлежности

историка¹. Вероятно, не без оснований можно утверждать, что литература, посвященная истории кооперации (за очень редкими исключениями) относится, скорее, не к историографии, а к источникам по истории кооперативных теорий². Но тем не менее столь солидные разночтения одной истории, обилие взаимоисключающих суждений об одном и том же предмете наводят на мысль о том, что, быть может, само его существо позволяет трактовать его почти произвольно?

Как бы не именовали профессиональные союзы — тред-юнионами, синдикатами или иначе, каждому ясно, о чем идет речь. Иное дело — «кооперация», понятие, наделенное широчайшим диапазоном значений, от «сотрудничества» в самом общем смысле этого слова до конкретных форм потребительских, производственных, жилищных, садовых и прочих товариществ. Переступить грань между абстрактной «кооперацией-сотрудничеством» и кооперацией «овеществленной», обнаружить в кооперативных обществах отражение почти вселенского императива можно легко и даже произвольно. Подобное смешение

¹ К примеру, ортодоксальные советские историки-марксисты (В. Волгин, Е. Застенкер и др.), ссылаясь на самого Маркса, относили Оуэна к «предшественникам научного коммунизма», а фабианцы (Б. Уэбб) причисляли его к «основоположникам» английской версии социализма, противоположной марксизму и опирающейся на тред-юнионы и кооперацию (см.: Уэбб Б. Кооперативное движение в Англии. — М., 1908).

² Спад интереса к прошлому кооперации, о котором говорилось выше, связан с наступившим затишьем в борьбе за политическое влияние на нее. Кооперативные товарищества стали неотъемлемой частью инфраструктуры современного общества, отстаивающей свои интересы, скорее, методами, используемыми промышленными компаниями, нежели при помощи массовых движений рабочих, которые и сами пошли на убыль. Интеграция рабочих организаций в политическую и экономическую систему капитализма, тоже претерпевшего изменения по сравнению с XIX — началом XX в., повлияла и на общую направленность и методологию рабочей и социальной истории в целом.

философской и, по сути, экономической категорий характерно не только для партийных идеологий кооперации и историографии, но и для самого процесса развития кооперативных объединений и сопутствующих ему теорий. Постараюсь показать это на примере концепций «кооперативного труда», имевших хождение в XIX в. Но для этого придется обратиться ко времени, когда слово «кооперация» перешло из языка обывочного в политический лексикон.

Этим событием мы обязаны Роберту Оуэну, английскому социалисту позапрошлого века, за которым утвердилась слава «родоначальника кооперации» [13, 14], оспариваемая, впрочем, многими [15, 16]. Жизнь и учение Оуэна были темой немало числа весьма добротных исследований¹, что позволяет лишь вкратце напомнить о сути его доктрины.

«Характер человека формируется не им самим», — таково исходное и важнейшее положение оуэновской теории, которую сам он именовал «новой наукой о человеке» [17 — С. 133]. Этот тезис, по духу близкий к просветительскому постулату «человек — продукт обстоятельств», позволял возложить всю вину за царящее в мире невежество, пороки, злобу и несчастье на окружающую среду, которая у Оуэна предстает, скорее, социальной и экономической, а не политической, как у просветителей. Совершенные люди, а следовательно, идеальный или близкий к нему миропорядок могут появиться только в том случае, если существующий строй, повсеместно доказавший свою негодность², будет заменен иным,

отвечающим природе и подлинным интересам человека, которых он, к сожалению, пока не понимает. Люди ошибочно считают, будто в их бедах и напастях повинны их собратья, а потому они чувствуют себя окруженными недругами, от победы над которыми зависит их благополучие. Индивидуализм в самых худших его проявлениях и соперничество с себе подобными, доходящее до кровопролития, — это и есть образ жизни, навязанный безнравственным строем разобщенности, конкуренции и взаимной вражды. Разумный, справедливый и нравственный порядок должен основываться на принципах «единения и сотрудничества» [co-operation].

Убеждение в пагубности разобщения и противостояния социальных групп, во вреде ничем не ограниченной, свободной конкуренции во всех сферах жизни, в полной мере разделялось и Сен-Симоном, и Фурье, хотя, несомненно, они пришли к этому выводу совершенно независимо друг от друга, и от Оуэна, и их системы аргументации тоже отличались от оуэновской³. Тем не менее все трое выдвигали по сути одну и ту же альтернативу существующим порядкам: организацию социальных и экономических отношений на принципах, исключающих противоборство как индивидов, так и классов и утверждающих объединение их интересов и усилий в качестве первоосновы общества. «Ассоциация», «порядок согласованности», «социетарный мир» — эти термины из лексикона фурьеристов и сенсимонистов практически были синонимами оуэновского «строя сотрудничества» [co-operation].

¹ К новейшим и лучшим работам можно отнести: *Harrison J.F.C. Robert Owen and the Owenites in Britain and America. Ld., 1969* (книга содержит самую полную библиографию оуэнизма); а также статьи И.Н. Неманова.

² Как и его современники — Сен-Симон и Фурье — Оуэн пренебрегал национальными особенностями, поскольку различия между странами, с его точки зрения, касались лишь политических институтов, а они не принимались им в расчет. Кроме того, для всех трех мыслителей мир, по

существу, ограничивался Европой и универсализм их программ был европоцентристским. Эта черта передалась и более поздним концепциям кооперации, большинство из которых в той или иной степени произошло из учений упомянутых «патриархов».

³ Если Оуэн опирался в основном на постулаты Просвещения, то Сен-Симон и Фурье создали собственные концепции философии истории, по своему духу более близкие к постпросветительским школам философии.

«Кооперация», т.е. «сотрудничество», таким образом, превращалась прежде всего в философскую категорию, всемирный закон, который должен неукоснительно соблюдаться в человеческом общежитии: и в повседневном межличностном общении, и в системе правления, и в хозяйственной жизни (не случайно и Оуэн, и Фурье, и Сен-Симон почти обожествляли Ньютона, а из закона всемирного тяготения выводили закон тяготения социального). Отдавая приоритет совокупным или совместным, усилиям и действиям всех социальных слоев и групп, он предполагал верховенство интересов и прав общества над частными амбициями и своекорыстной волей индивида. Разрозненная, не согласованная деятельность людей всегда чревата пагубными последствиями, но с воцарением машинного производства она, по убеждению и Оуэна, и Сен-Симона, и Фурье, могла обернуться вселенской катастрофой. Промышленная революция, современниками которой они были, наделила человечество дотоле немислимыми, поражавшими воображение силами¹. Беда, с их точки зрения, заключалась в том, что неразумно устроенное общество было способно скорее нанести себе тяжелейшие увечья, невежественно и бездумно обращаясь с вновь обретенными орудиями, нежели употребить их себе во благо. Ничем не ограниченное право индивида использовать эти мощнейшие инструменты по своему собственному усмотрению является прямой и реальной угрозой праву общества на существование. Чтобы выжить, оно обязано покончить с принципом *«laissez-faire»*, прямым ведущим к анархии, и подчинить хозяйственную жизнь своему контролю и управлению. Разумеется,

¹ Психологический шок, вызванный появлением на свет таких детищ промышленной революции, как паровой двигатель, паровоз, локомобиль и т.д., прекрасно отражен не только в публицистике начала XIX в., но и в городском фольклоре: балладах, карикатурах и т.д.

для этого само общество должно быть преобразовано так, чтобы оно стало способно осуществить эту функцию. На смену системе индивидуализма и конкуренции должна прийти система социальной кооперации².

Идея упорядоченного производства, отвечающего как частным, так и общим «правильно понятым интересам», производства в буквальном смысле общественного, поскольку все без исключения индивиды выполняют в нем определенные «полезные» функции, родила доктрины Сен-Симона, Фурье и Оуэна. Их часто объединяли, и не без оснований, в одно направление мысли, именовавшееся «коллективистским», или вслед за введенным Оуэном словом — «социалистическим», но к ним же нередко применяли и название «кооперативные» (в первую очередь, к учению Оуэна, который именовал свою программу «системой кооперации»).

В работах Оуэна (равно как Сен-Симона и Фурье) четко различимы разные уровни толкования слова «кооперация». *Философско-этическое прочтение*, утверждающее «природосообразность» и абсолютную, высшую моральную ценность социального сотрудничества в противоположность безнравственности и противоестественности розни и соперничества внутри рода человеческого. *Политэкономическое истолкование*, настаивавшее на социализации производства первоначально в масштабах одной или нескольких стран³, но со временем должной распространиться на весь

² В 1820-е гг. Оуэн именовал свою модель идеального общества «системой кооперации», в 1830-е гг. это название было постепенно вытеснено словом «социальная система», или «социализм», но суть оуэновской программы осталась по сути неизменной. Понятие «социализм» в первой половине прошлого века означал скорее антитезу индивидуализму, нежели конкретные «антикапиталистические» доктрины. См.: Андерсон К.М. Закабаление свободой, или Парадоксы XIX века // Наука и фантастика. М., 1993.

³ Если у Сен-Симона и отчасти Фурье речь шла преимущественно об общественном регу-

мир. И наконец, *конкретно-прикладное истолкование*, т.е. программа практического воплощения общетеоретических принципов. У Оуэна она воплотилась в проект «сельскохозяйственных и промышленных поселков единения и кооперации», или «общин», у Фурье — в модель «промышленных и сельскохозяйственных ассоциаций», иначе — «фаланг»¹. Первый уровень теоретизирования как бы устанавливал конечную цель преобразований, второй — определял стратегию ее достижения, а третий — тактические средства. С точки зрения основателей этих систем, ни один основной элемент их программ не мог существовать обособленно от других. «Каждая ее часть, — писал, к примеру Оуэн, — была спроектирована на основе простого общего принципа ... существует связь между отдельными частями, которую нельзя нарушить, не разрушив ценности этой новой духовной и физической комбинации»². Тем не менее, принадлежа к разным сферам знания, каждая из трех составных частей могла, при желании, восприниматься как вполне законченная и самодостаточная. К примеру, некоторые из причислявших себя к последователям Оуэна осуждали противоборство классов и ставили своей задачей содействие (сугубо педагогическими методами) достижению межклассового мира и партнерства, не касаясь ни политэкономических, ни тем более «общинных»

лировании хозяйственной деятельности, то Оуэн склонялся к жесткому ее обобществлению.

¹ Сен-Симон был одним из первых и немногих проповедников кардинального реформирования капиталистического общества, порвавших с «общинно-строительскими» традициями, дотоле господствовавшими в конструировании идеальных моделей общественного устройства.

² Оуэн Р. Доклад графству Лэнарк // Оуэн Р. Избр. соч. — Т. 1. — С. 271. В этом отношении Фурье и Сен-Симон были чуть гибче Оуэна, однако и они не жаловали вольного толкования их учений, что было вполне естественно для людей, считавших себя первооткрывателями абсолютной и потому непрерываемой истины. Впрочем, на практике и Оуэн был не столь уж неуступчив к разночтениям.

разделов программы своего учителя³. Другие, напротив, памятуя о философских началах социальной кооперации, все же отдавали предпочтение практическим рекомендациям Оуэна. Иными словами, «кооперация» легко могла превратиться в хозяйственное начинание, не связанное ни с этическими, ни с политэкономическими доктринами, но столь же легко прозаическая, чисто производственная деятельность могла быть «офилософствована» и возведена в ранг героического деяния.

Разработанный Оуэном план практического переустройства общества сочетал все три уровня кооперации. Будущая Британия (а за ней и весь мир) представлялась ему конфедерацией автономных «поселков кооперации», основанных на принципах «объединения труда, расходов и собственности» [18. — С. 216]. Общинники обитали бы в своего рода усадьбах, оборудованных в соответствии с новейшими достижениями городской бытовой техники; они чередовали бы занятия умственным, промышленно-ремесленным и земледельческим трудом (к чему они были бы подготовлены системой воспитания и обучения); произведенные продукты распределялись бы между ними сообразно трудовому вкладу каждого или обменивались на продукцию других общин. Схема управления поселком, предложенная Оуэном, была довольно сложной⁴, но тем не менее она основывалась на свободном самоуправлении. Производство должно

³ Всегда были и неминуемо будут различия между идеями основоположников философских или социально-экономических учений, как, впрочем, и религий, и последующими их интерпретациями даже самыми ортодоксальными учениками. К примеру, теория Маркса имеет мало общего со многими течениями марксизма, равно как и учение Христа по-своему истолковывается многочисленными и зачастую враждующими христианскими конфессиями.

⁴ Чтобы избежать соперничества, неизбежно связанного с выборами, Оуэн предлагал распределить управленческие обязанности между разными возрастными группами.

было обеспечить полное удовлетворение «разумных потребностей» и, хотя излишек непременно образовывался бы (благодаря новейшей технике, прекрасной профессиональной подготовке, а главное — заинтересованности общинников в продуктивности своего труда), расширенное воспроизводство не являлось самоцелью. Поселок должен был быть прежде всего «самообеспечивающимся», а потому неподвластным любым экономическим катаклизмам, приключаящимся за его стенами.

Совместное производство и потребление, организация труда, исключаящая его жесткое и потому дисгармоничное разделение, совместное владение и распоряжение общей собственностью должны были, по мысли Оуэна, произвести величайшую революцию в умах и душах людей. «Сердце человека, — писал Оуэн, — будет открыто всем другим людям, а рука будет готова оказать им помощь, независимо от их секты, класса, партии, страны или расы ... не будет пищи для злых чувств, и взаимное сотрудничество будет легко и просто осуществляться всеми» [19. — С. 151].

Хотя столь возвышенные устремления не были чужды и первым последователям Оуэна, все же идея совместного производства и потребления была воспринята ими более приземленно. В 1821 г. в Лондоне образовалось экономическое и кооперативное общество, первое из известных объединений оуэнистов, учрежденных не по инициативе Оуэна. Его создатели Джордж Мьюди и Генри Гетерингтон были связаны с издательским делом, а потому общество состояло в основном из типографских рабочих. Привлекательность оуэновской модели «поселка сотрудничества» бесспорно вдохновляла их. В отличие от Оуэна, в ту пору энергично искавшего богатых меценатов, готовых пожертвовать на создание образцовой общины, участники лондонского общества пришли к выводу,

что «все лица, имеющие работу, могут незамедлительно начать восхождение [к «системе кооперации». — К.А.], не прося протянуть руку помощи тех, кто стоит над ними» [20]. Однако община, соответствующая оуэновскому плану и требовавшая весьма значительных первоначальных инвестиций, была идеалом сколь желанным, столь и недостижимым. Если Оуэн надеялся, оперевшись на состоятельных покровителей, перепрыгнуть из «неразумного и безнравственного строя» в «Новый Нравственный мир», то его приверженцы из числа рабочих вынуждены были ступенька за ступенькой выстраивать лестницу, ведущую к заветной цели. «Вспомним, — писал Мьюди, — что рабочие классы создатели богатств. Давайте посмотрим, не можем ли мы... на законных основаниях и в пределах наших возможностей создать новое богатство для себя и так вести дела, чтобы даже в пору младенчества наших ассоциаций получать больше средств к существованию за те же самые деньги» [21]. Собственно, ответ был подсказан Оуэном, считавшим одним из достоинств своего плана экономию, получаемую от совместного ведения домашнего хозяйства. Именно за эту мысль и ухватились члены кооперативного общества. «Денежные выгоды, — говорилось в их уставе, — будут проистекать из двух источников — экономии на совместных расходах и нового богатства, создаваемого нами» [22]. Программа общества предусматривала совместный наем жилья, совместную закупку продуктов питания и приготовление пищи, совместное обучение детей и собственное производство части предметов первой необходимости. Община упоминалась как конечная, но пока еще далекая цель.

В ноябре 1821 г., арендовав дома в Спа-Филдс, несколько семейств участников общества переселилось в них. Деньги, необходимые для аренды, были накоплены способом, впослед-

ствии ставшим классическим принципом потребительской кооперации: оптовая закупка продуктов, продававшихся затем участникам по розничным ценам, давала доход, шедший в общий фонд. Кроме того, взимались и членские взносы, которые тоже откладывались в общую казну.

Лондонские оуэнисты, именовавшие себя «кооператорами», в соответствии с названием оуэновской системы, ощущали себя первопроходцами, пролагающими дорогу своим собратьям. «Пример, который мы подаем, — говорилось в резолюции их собрания, — скоро получит широкое признание; подобные общества будут процветать, несмотря на все беспорядки и бедствия, которые могут твориться вокруг. В недалеком будущем они помогут вывести страну из ее тяжелого положения. Где бы они не возникли, они будут содействовать сокращению и уничтожению налогов на бедных, а если общественность будет облегчать их быстрое распространение, они смогут устранить нависшую угрозу гражданской войны» [22].

В определенной мере эти предсказания сбылись, хотя и не полностью, и не сразу. Лондонское общество, как и несколько других подобных обществ, появившихся вскоре, просуществовало около года. Лишь в конце 1820-х гг. начинается бурный рост «кооперативных обществ», речь о которых пойдет чуть позже. Хотя история Лондонского общества была короткой, она знаменовала существенный поворот в истолковании «кооперации». Преднамеренно или неосознанно Мьюди и его сподвижники отошли от идеи социального, межклассового сотрудничества, игравшей важнейшую роль в оуэновской концепции кооперации. Оставаясь, как и Оуэн, противниками революционного насилия, и ратуя, как видно из вышеприведенного заявления, за гражданский мир, говоря о «кооперации», они все же подразумевали сотрудничество рабочих классов, которые могут из-

менить свое положение, несколько обособившись (как спафилдские семьи) или полностью отделившись (общины) от существующего общества. Таким образом, «практическая кооперация» (как чуть позднее стали именовать деятельность, подобную спафилдской ассоциации, отличая ее от кооперации «теоретической») предполагала возможность существования внутри капиталистической системы альтернативной системы общежития, или производственных отношений, которая может при благоприятных условиях полностью вытеснить первую или в крайнем случае сосуществовать с ней. Соответственно, представления о предназначении «практической кооперации» зависели целиком от суждений о негодности либо терпимости нынешнего строя. (Отсюда столь заметный разброс политических симпатий вождей последующего кооперативного движения.)

Хотя гордость спафилдцев, основавших первую в Англии городскую «коммуну», вполне понятна, все же их нельзя безоговорочно назвать первооткрывателями кооперативных объединений. Они существовали задолго до XIX в. в форме разнообразных по своим задачам обществ взаимопомощи: больничных, похоронных, ссудных касс, прочих совместных фондов. Если подобные товарищества были, как правило, связаны с объединениями ремесленников (капеллами, компаньонажами и т.д.), то в сельской местности чаще встречались хозяйственные объединения (совместное владение мельницей, маслобойней и т.п.) [23]. Совместный или артельный труд тоже не был особой редкостью как в Британии, так и других европейских странах (в конце XVIII в. в Англии его удельный вес заметно возрос в связи с интенсивным строительством каналов). Более того, по крайней мере в Британии, товарищества взаимопомощи были узаконены в самом начале XIX в. специальным парламентским актом (Friendly Societies Act, на осно-

вании которого регистрировались и «кооперативные» общества оуэнистов), а артельный труд санкционировался как традициями, так и статутами некоторых гильдий (например, каменщиков, углежогов). Несмотря на явное родство (пусть отдаленное) обществ взаимопомощи и трудовых артелей с оуэнистскими «кооперативными» объединениями, участники последних крайне редко и лишь мельком упоминали своих «сородичей». Несомненно, оуэнисты считали свои «кооперативы» институтами совершенно иного рода. В чем же, с их точки зрения, состояло коренное отличие?

Программы и уставы британских «кооперативных» обществ 1820–1830-х гг.¹, как не странно, уделяли больше внимания не финансовым или чисто «производственным» вопросам, а интеллектуальной и духовной деятельности объединений. Практически все уставы предусматривали создание библиотеки, проведение лекций, «социальных вечеров»² и тому подобных культурно-просветительских мероприятий. Во многих случаях членам общества предписывалось соблюдение «благопристойных манер», а сквернословие и прочие дурные привычки (к числу коих относились потребление спиртного, табака, в двух уставах и кофе) карались либо штрафом, либо запретом посещать общие собрания на некоторое время. Было бы неверно полагать, будто тяга к просвещению отличала лишь оуэнистов. Всевозможные образовательные ассоциации рабочих, нередко финансировавшиеся благотворительными фондами или состоятельными меценатами (например,

Mechanics Institutions в Англии), получили невероятное распространение в Британии 1810–1820-х гг. С одной стороны, появление подобных институтов было связано с растущей потребностью промышленных предприятий в квалифицированных работниках. С другой стороны, в рабочей среде бытовало устойчивое убеждение в том, что именно необразованность, отсутствие надлежащего воспитания обрекают труженика на зависимость от высших, «просвещенных», классов.

Девиз одного из наиболее авторитетных оуэнистских изданий 1820-х гг. — журнала «Co-operator»: «Знание — сила» — отражал эти настроения. Тем не менее оуэнисты-«кооператоры» стремились не просто к образованию, но к иному, «просвещенному», образу жизни, который может установиться только с воцарением «строга сотрудничества», представления о коем развивались скорее в духе спафилдской интерпретации, нежели оуэновской.

Упомянутый журнал был, пожалуй, первым изданием наиболее последовательно и обстоятельно разбиравшим проблемы труда, как первоосновы любой социальной системы, в том числе и «кооперативной». «Co-operator», выходящий в 1828–1829 гг. представлял собой серию эссе, или лекций, автором которых (а также издателем журнала) был врач Уильям Кинг. Труд и положение тех, кто живет им, были главной темой «Кооператора». По словам Кинга, труд является «основой и краеугольным камнем здания, корнем дерева, неиссякаемым истоком могучей реки, сущностью бытия» [24 — Р. 1]. Испокон веков труд окружался почетом, «было время, когда законодатель, военачальник и монарх не считали зазорным идти за плугом, более того, величайшие из людей, когда-либо жившие в этом мире, освящали и возвеличивали труд... Лишь нынешнему цивилизованному и христианскому веку предоставлено было открыть, что труд позорен, а ра-

¹ В 1829 г. в Британии насчитывалось около 200 «кооперативных» обществ, в последующие два года их число возросло до 400–500.

² Что-то наподобие семейных вечеров, с чаепитием, совместным пением «социальных гимнов», концертной программой, которой порой предшествовала лекция на философско-социальные, но чаще естественнонаучные темы.

ботник не заслуживает платы за свой труд!» [24. — Р. 3].

Нелепость системы, при которой в самом бедственном положении оказываются те, кто своим трудом «производит весь хлеб, всю одежду и все дома земли» [25. — Р. 2], была очевидной не только для Кинга, но и всех, подобно ему, увлекшихся учением Оуэна. Надежд на межклассовое сотрудничество, в отличие от Оуэна, Кинг не питал. «Принципы капитала и труда, — писал он, — хозяина и слуги диаметрально противоположны. Вопрос между трудом и капиталом — это вопрос прибыли. Труд неминуемо должен покупаться как можно дешевле, а машины снижают цену на него до минимума» [26. — Р. 4].

Широко распространенное в оуэнистской литературе представление о труде как товаре, продажа которого — единственный источник существования рабочего, равно как и «трудовая теория стоимости» являлись исходными посылками кооперативной программы Кинга. «Бедствия рабочих, — заключал он, — неизбежное следствие того, что они работают на других, а не на себя» [27. — Р. 3]. Разумеется, они делают это не по доброй воле. Трудом, как и всем прочим, распоряжается капитал. «Капитал есть власть, кто имеет капитал, имеет власть» [26. — Р. 4], но собственность — это именно то, чего лишены рабочие. Как и другие оуэнисты, Кинг убежденный противник революций и насилия вообще. Отбирать собственность, пусть даже несправедливо нажитую, значит усугублять зло. «Собственность священна, — поучал Кинг, — и любое покушение на нее есть величайшее попрание всех законов человеческих и божеских» [28. — Р. 3]. Но кроме нравственных резонансов против силы, есть еще и политэкономические. Если труд — источник всех богатств, а трудящиеся — единственные люди, владеющие трудом, то они могут создать себе новые богатства, не требуя и части тех, что были добыты прежде.

Им достаточно лишь объединить свой труд. Конечно, это потребует времени и усилий. Начать следует с совместной торговли. «Рабочие классы имеют самые веские основания открывать собственные магазины. Сумма, которую рабочие расходуют в течение года, огромна. Она достигает многих миллионов» [29. — Р. 4]. Покупая оптом и продавая в розницу, можно получить прибыль. Затем часть прибыли можно использовать для развития собственного производства, в котором рабочие будут одновременно и владельцами, и работниками. Разговоры о том, что без хозяина не обойтись, Кинг считал досужими. Управление производством, по его мнению, не требует особых талантов.

Задача гораздо более важная, но не столь уж и сложная — добиться сотрудничества между рабочими классами. «До тех пор, пока рабочие разъединены, — подчеркивал Кинг, — и действуют поодиночке, они будут катиться вниз. Они будут становиться все беднее и беднее, в то время как все остальные — богатеть. Но если трудящиеся начнут создавать свои [кооперативные] союзы, роли поменяются. Рабочие, получая весь продукт своего труда, будут становиться все богаче и богаче, чтобы ни случилось с нетрудящимися классами» [30. — Р. 3–4].

Кооперация, таким образом, есть дело исключительно рабочих классов, поскольку она подразумевает прежде всего объединение труда [31. — Р. 4]. Она не может воцариться в одиночестве (как уверял Оуэн). «Установление кооперации, — писал Кинг, — не есть немедленное и всеобщее принятие нового порядка вещей, чуждое идеям и привычкам рода человеческого, законом бытия коего служит обычай, но неторопливое и постепенное учреждение небольших обществ наиболее просвещенных рабочих ... объединивших свой труд ради общего блага» [32. — Р. 3].

Хотя Кинг, подобно Мьюди, конечной целью объединения считал «кооперативное поселение» [co-operative colony], он не вдавался в детали, как это делал Оуэн. Кинг откровенный противник равенства, коему так привержен Оуэн. «Если бы человечество оставалось равным, — считал Кинг, — оно навеки осталось бы невежественным и варварским. Хваленое равенство было бы равенством деградации» [33. — Р. 2]. Неравенство людей предопределено неравенством их умственных, физических способностей. Однако имущественное неравенство может принимать чрезмерные, уродливые формы. В существующей системе «наблюдается тенденция к скоплению власти, богатства и даже наук и знания в руках немногих, в то время как человечество в целом слабо, бедно, невежественно, одним словом пребывает в варварском состоянии» [33. — Р. 1]. «Индивидуальная система» [individual system] негодна, но, к счастью, рабочие могут отгородиться от нее системой кооперации.

Таким образом, совместный труд, «овеществленный» в производственных товариществах рабочих, представлял не только средством избавления от бедности, безработицы и прочих неприглядных сторон капиталистической системы, но и ее альтернативой, установление которой не нуждается в революционных мерах. Хотя у Кинга речь шла о «кооперативных» вкраплениях в существующий строй, он тем не менее полагал, что на этих островках «сотрудничества» будет господствовать совершенно иной дух, здравые нравственные и религиозные принципы, полезное знание, доброжелательность по отношению друг к другу.

Даже беглый обзор истории зарождения кооперации свидетельствует, что идеология кооперативизма уходит корнями в разнородные истоки: идею социализма, рабочую самопомощь, опыт артельных объединений, что неизбежно приводило к расхождению оценок сущности и задач кооперации.

Литература

1. Booth A. Robert Owen, the Founder of Socialism in England. — Ld., 1869.
2. Holyoake G.J. Growth of Co-operation in England. — Manchester, 1887.
3. Assailly Ch. d' Le pauperisme et les associations ouvriers en Europe. — Paris, 1869.
4. Фромметт Б. Социализм и кооперация на Западе. — Пг., 1918.
5. Томмианц В.Ф. Двадцать апостолов кооперации. — М., 1913.
6. Зассен И. Развитие кооперативной мысли в век капитализма. — Киев, 1919.
7. Кильчевский В. Р. Оуэн и основы потребительской кооперации. — М., 1917.
8. Корнев Д. Кооперация. — Тифлис, 1925.
9. Кооперация. Страницы истории. — Вып.1–4. — М., 1993, 1994. (Отв. ред. Н.К. Фигуровская. Издание осуществляется Институтом экономики РАН).
10. Андерсон К.М. Оуэнисты в Британии. — М., 1989.
11. Джонс Э. Статьи и письма о чартистской программе. — М., 1970.
12. Holyoake G.J. History of Co-operation in England. — Vol. 1–2. — Ld.; Manchester, 1875–1877.
13. Jones L. The Life, Times and Labours of Robert Owen. — Vol. 1–2. — Ld., 1889–1890.
14. Holyoake G.J. Life and last Days of R. Owen. — Ld., 1850.
15. Mercer W.T. Dr. William King and the Co-operator. — Manchester, 1922.
16. Мюллер Г. У. Кинг и его место в истории кооперации. — М., 1919.
17. Оуэн Р. Дальнейшее развитие плана... // Оуэн Р. Избранные сочинения. — Т. 1–2. — М., 1950; т. 1.
18. Оуэн Р. Доклад графству Лэнарк // Оуэн Р. Избр. соч. — Т. 1.
19. Оуэн Р. Описание ряда заблуждений и бед // Оуэн Р. Избр. соч. — Т. 1.
20. Economist. Prospectus, 1821.
21. Economist. 3 March 1821.

22. Economist. 27 January 1821.

23. См.: *Gosden R.* Friendly Societies in England. — Publisher: University of Manchester. England, 1961.

24. Co-operator. № 8.

25. Co-operator. № 3.

26. Co-operator. № 17.

27. Co-operator. № 2.

28. Co-operator. № 9.

29. Co-operator. № 14.

30. Co-operator. № 5.

31. Co-operator. № 23.

32. Co-operator. № 18.

33. Co-operator. № 19.

КОНЦЕПЦИЯ ХАННЫ АРЕНДТ В СОВРЕМЕННОМ ДИСКУРСЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению места концепции Ханны Арендт в современной палитре политических теорий власти. В ней анализируется отношение выстраиваемой мыслителем трактовки власти к важнейшим кратологическим антиномиям, которые конституируют современный дискурс политической власти, — реляционизму и холизму, с одной стороны, агонизму и солидаризму, с другой. При спецификации концепции Х. Арендт показывается, как сочетание демаркационного и этимологического подходов к анализу власти используется для разработки и утверждения оригинальной исследовательской стратегии, в которой концепты «власть» и «насилие» выступают как принципиальные антагонисты. Прослеживаются линии влияния на современную политическую философию стратегии, нацеленной на дифференциацию и структуризацию семантического поля концепта «власть», на разграничение составляющих его смысловых пластов и выявление их соотношения.

Ключевые слова: власть, теории власти, авторитет, влияние, насилие, господство, политическая философия, политическое знание.

Автор

Бойцова Ольга Юрьевна

Профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

Проблематика власти относится к числу тех «вечных вопросов», злободневность которых не утрачивается с течением времени. В истории политической мысли были разработаны различные способы объяснения сущности этого феномена. При этом циркулирующие в политическом дискурсе аксиоматические наборы, ценностные идеи, линии доказательств и теоретические модели зачастую складываются в настолько сложные комбинации, что в них с трудом можно распознать исходные, «донорские», схемы аргументации. Варианты сочетания смысловых оттенков базовых концептов — таких как «политика», «насилие», «влияние», «авторитет» и собственно «власть» — в каждой отдельной версии зависят от оптики исследования и потому приводят к удручающей для строгой науки разноголосице в понимании

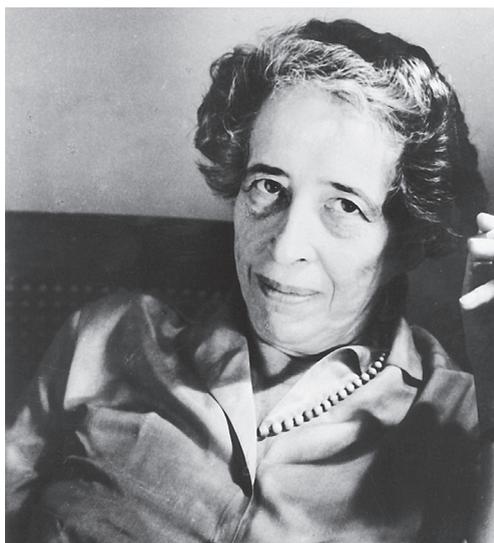
сущности власти и различии типов ее проявления, в трактовке ее социальных функций и классификации механизмов ее реализации.

В двадцатом столетии было разработано несколько концепций, сыгравших роль парадигмы в понимании политической власти. К их числу принадлежит и теория немецко-американского философа Ханны Арендт. Конечно, Арендт в большей мере известна как автор книг, вскрывающих логику тоталитарных режимов, — «Истоки тоталитаризма» и «Банальность зла. Эйхман в Иерусалиме». Но не менее пристального внимания заслуживает ее концепция власти, занимающая особое место в политической мысли XX в. Подход Ханны Арендт уникален тем, что служит примером сочетания нескольких традиционных оптик, которые она использует для разработки и утверждения

дения оригинального, по сути «маргинального» варианта трактовки власти. Для того чтобы показать это, нужно прежде всего определить ее место в палитре кратологических теорий, не вникая при этом в аргументацию участников дискуссии о том, может ли власть быть несоциальной и неполитической¹; отвлекаясь от обширной, поистине неохватной темы конфликта интерпретаций власти и оценки вытекающих из такого столкновения следствий для политической науки; не ввязываясь в затаянной и безмерно трудоемкий процесс детального сопоставления различных вариантов дефиниции власти. Оставляя в стороне все эти, несомненно, важные аспекты проблемы, следует определить ее отношение к наиболее известным и влиятельным кратологическим моделям и исследовательским стратегиям. И прежде всего, необходимо обратиться к реляционистской и холистской парадигмам, которые представляют собой антиномичные подходы и, по сути, задают основные рамки дискурса власти в современной политической философии.

Как известно, *реляционизм* определяет власть через взаимодействие, подчеркивая ее коммуникативную природу и активный, направленный характер. Стороны, вступающие в подобное взаимодействие, наделены волей, позволяющей им ставить цели и выстраивать стратегии их достижения. Их отношения принципиально несимметричны, поскольку предполагают доминирование субъекта над объектом,

¹ К примеру, вопросы о том, корректно ли говорить о власти вожака в волчьей стае и следует ли считать «власть над природой» или «власть над собой» всего лишь метафорами, а не видами отдельной, несоциальной власти; тождественна ли политика борьбе за власть и каковы критерии «политического», в соответствии с которыми можно разграничить политическую и неполитическую власть etc. Эти дискуссии заслуживают самого пристального внимания как при исследовании истории политической мысли, так в рамках политико-философского анализа, но в данном случае могут быть «вынесены за скобки».

Ханна Арендт (1906–1975)

повелевающего над подчиняющимся. В этой оптике выстроена большая часть классических теорий власти, но парадигмальный характер данная исследовательская стратегия приобрела в учении М. Вебера. В его трактовке власть определяется как «любая вероятность реализации своей воли в данном социальном отношении даже вопреки сопротивлению, на чем бы эта вероятность ни основывалась» [10. — С. 109]. Во второй половине двадцатого столетия этот подход к власти был уточнен Р. Далем в формуле: «А обладает властью над Б до такой степени, которая заставляет Б сделать нечто, что Б в противном случае делать бы не стал» [17. — С. 202–203]. Взаимодействие выступает в качестве стержневого пункта и в концепции А. Кожева, в которой власть трактуется как проявляемое в деятельности субъект-объектное отношение, характеризующее свободой, сознательностью и активностью: «Власть имеется только там, где есть движение, изменение, действие (действительное или хотя бы возможное)» [12. — С. 15]; «Наделенное властью существо ... по необходимости является деятелем, а властное действие всегда есть истинное действие (сознательное и свободное)» [12. — С. 16].

Противоположная трактовка представлена в концепциях *холистского* типа. В данной парадигме власть понимается как свойство интегрированной общности — социальной системы/подсистемы или социальной группы, — которое проявляется в способности данной общности ставить и реализовывать общезначимые цели. Такая способность не принадлежит никому из индивидов — она проявляется в возможности эффективно распределять функции входящих в систему элементов, обеспечивать ресурсами необходимые меры по достижению целей, координировать и направлять усилия входящих в группу людей для решения поставленной задачи. Таким образом, по отношению к конкретным людям власть носит «внешний» характер: индивиды выполняют соответствующие функции в силу того, что занимают определенные социальные позиции, которые не только определяют возможность приказывать, но и фиксируют пределы полномочий. В этой парадигме определяющим является не воление, а статус, не личность, а функционал, не действие, а структурная позиция. В XX в. холистская линия концептуализации власти также была представлена различными направлениями социальной мысли, среди которых главенствующее место принадлежит структурно-функциональному анализу. В теории Т. Парсонса политическая власть предстает в качестве интегрирующей силы, консолидирующей все структурные элементы социальной системы. Будучи инструментом мобилизации, она является реализацией обобщенной способности системы добиваться от индивидов и групп выполнения определенных требований. Эти требования лежат в основе обязательств, легитимированных общезначимостью и потому подлежащих неукоснительному исполнению [16]. К. Дойч предлагал несколько иной ракурс холистской трактовки власти, определяя ее как способность системы

в ходе интеракции с другими агентами сохранять собственную структуру и минимизировать изменения, детерминированные внешними факторами [18].

Задавая общетеоретические рамки анализа власти, эти парадигмы не содержат инструментов спецификации политической власти, определения ее соотношения с концептом «власть» в целом. Кроме того, в обеих парадигмах оказалось немало уязвимых положений, которые стали мишенью критики. В реляционизме это затронуло, в первую очередь, идею однонаправленности властного взаимодействия, предполагающую активность повелевающего и пассивность повинующегося. Холизм, в свою очередь, оказался под ударом за идею жесткой нормативности, которая минимизирует роль личности и значение воли. Его основные «болевы точки» — сведение власти к надсубъективной структуре, сложность, а то и невозможность объяснения индивидуального решения. Развитие теории коммуникации потребовало существенной корректировки обеих парадигм — к примеру, введения в концептуальную схему реляционизма таких параметров, как мультинаправленность взаимодействия и коммуникативная среда, или изменения трактовки структурных позиций в холистских теориях, понимание их как стабильно воспроизводимых образцов взаимодействий.

Важно, что именно Арендт относится к числу мыслителей, которые разрабатывали философские основы теории коммуникации, поставившие перед рассмотренными парадигмами задачу переосмысления базовых оснований. Ее учение, по сути, выходит за рамки дискурса власти, задаваемые данной антиномией, поскольку предлагает трактовку, сочетающую в себе как реляционный, так и холистский подходы к трактовке власти. В политической философии Арендт власть предстает в качестве способности консолидированного действия, которая реализуется в процессе коммуникации. Таким

образом, с одной стороны, власть неразрывно связана с интеракцией, а с другой, порождается в результате социальной интеграции. Рассмотрение власти как особой коммуникативной среды позволило избежать «болевых точек» каждой из сторон антиномии: одновекторности властного действия в реляционизме и невозможности объяснения индивидуального решения в рамках холизма.

Не меньшее значение при определении места политической концепции Х. Арендт имеет рассмотрение ее отношения к противостоянию агонистского и консенсусного подходов к трактовке власти.

Как известно, *вайолентно-агонистический* подход исходит из наличия в обществе фундаментального, неустранимого конфликта, порождаемого антагонизмом интересов. Власть в данном случае понимается как способность индивида или группы, выигравших в борьбе за доминирование, навязать собственную волю побежденным и принудить всех к реализации интересов победителя.

Примечательно, что трактовка власти как насильственного принуждения (личного и/или опирающегося на соответствующие социальные институты) настолько распространена, что ее разделяют мыслители, выступающие как непримиримые противники во многих других вопросах: только в XX в. агонизм нашел проявление и в децизионизме К. Шмитта, и в анархизме (Б. Такер, А. Нок, М. Ротбарт), и в экзистенциализме (Ж.П. Сартр, А. Камю), и в политическом реализме (Г. Моргантау, Дж. Кеннан, К. Уолц). Нельзя не вспомнить в этой связи и марксистскую традицию, к примеру, фрейдомарксизм (Г. Маркузе, В. Райх) или постмарксизм (Э. Лаклау, Ш. Муфф).

Солидарны в вайолентном подходе к пониманию власти и теоретики, которые находятся по разные стороны баррикад по проблеме первой антиномии, о которой шла речь выше. Так, М. Вебер

писал: «...“политический” характер союза можно определить *только* через *средство*, в определенных обстоятельствах становящееся самоцелью, которое свойственно не ему одному, но для него специфично, а для его существа *необходимо*: насилие» [10. — С. 407]. Такой же точки зрения придерживается и Г. Лассуэлл: «В человеческих отношениях, — писал он, — стремление к насилию — это феномен, с которым мы имеем дело как профессиональные ученые-политологи. Это отличительная характеристика той социальной ценности, которую мы называем властью» [13. — С. 272]. В этом реляционистская трактовка власти вполне сочетается с точкой зрения Т. Парсонса, выступающего с холистских теоретико-методологических позиций: «Власть... является реализацией обобщенной способности, состоящей в том, чтобы добиваться от членов коллектива выполнения их обязательств... и допускающей возможность принуждения строптивых посредством применения к ним негативных санкций, кем бы ни являлись действующие лица этой операции» [16. — С. 242].

Арендт отдает предпочтение противоположной позиции — консенсусно-солидаристской, в рамках которой источником власти признается способность социума к самоорганизации, к осознанному упорядочению и воспроизводству образцов взаимодействия, к определению общих целей, значимых для сохранения его идентичности и целостности. Опираясь на аристотелевские традиции политико-философского солидаризма, эта позиция нашла выражение, к примеру, в теориях этического социализма неокантианства (Г. Коген, П. Наторп), либеральной демократии (Ч. Мерриам и Чикагская школа политической науки), социального государства (Дж. Дьюи, Дж. Кейнс), делиберативной демократии (Ю. Хабермас). Такая позиция допускает возможность и даже неизбежность межгрупповых противоречий, как и борьбы за доминирование,

однако роль конфликта здесь оценивается как существенно менее значимая по сравнению с консолидацией. Вайолентный характер управления, как правило, связывается с неразвитостью властных практик: насилие признается крайней мерой, применяемой в чрезвычайных случаях, а на первый план выходят проблемы публичной сферы как места политического диалога и практик управления, обеспечивающих реализацию консенсусных стратегий.

Подобная аксиоматическая установка и лежит в основе теории власти Х. Арендт. При этом она предстает в предельно радикализованном виде, когда власть не только трактуется как основа совместного действия, но и прямо противопоставляется силовому принуждению: «Власть и насилие противоположны, — утверждает она, — абсолютное владычество одного из членов этой пары означает отсутствие другого» [3. — С. 66].

Это ведет к кажущемуся парадоксальным — особенно в контексте политической практики — выводу, что террор возникает при отсутствии власти. Логика аргументации такова: власть — основа совместного действия, средство стабилизации отношений в социальной системе; насилие — средство достижения цели в условиях, когда нет готовности к совместному действию (т.е. при недостатке власти); террор — крайняя форма жесткого принуждения, когда насилие из средства превращается в цель; соответственно, террор возможен только в том случае, когда власть полностью разрушена.

Позиция Арендт, не просто подчиняющая, а прямо противопоставляющая власть насилию, безусловно, является маргинальной для истории политической мысли: столь радикальную трактовку вряд ли удастся найти даже среди консенсусных концепций. Пожалуй, исключение, хотя и лишь как аналогичный вывод при совсем другой аксиоматике и схеме аргументации, составляет

теория Александра Кожева. (К слову, он, как и Арендт, был учеником К. Ясперса и испытал серьезное воздействие философии М. Хайдеггера). «Употребление власти, — писал Кожев, — не только не тождественно использованию силы (насилия), эти два феномена взаимно исключают друг друга ... Обязанность вмешиваться посредством силы (насилия) указывает на то, что Власть отсутствует» [12. — С. 19].

При очень незначительной идейной опоре, которую может предоставить историко-философская традиция, Х. Арендт для решения основной задачи — обоснования данной позиции, прибегает к соединению двух исследовательских стратегий¹.

Прежде всего, это — *этимологический подход*, который отталкивается от того, что социальные практики во всем их многообразии отражаются в языке. В языковых единицах и лексических конструкциях, используемых для обозначения объективных и субъективных сторон данных практик, в том числе опыта властвования и подчинения, фиксируются особенности реальных взаимодействий. Поэтому данная стратегия предполагает анализ значений слова «власть» в том или ином естественном языке, фиксацию его смысловых нюансов и сравнение его с аналогами в других языках. Это позволяет вычленить ядро семантического поля концепта и определить, какой из

¹ Кроме указанных, в политическом дискурсе широко распространены и иные подходы к анализу власти: так, историческая стратегия хронологически упорядочивает опыт употребления концепта «власть», детально описывая и анализируя способы его интерпретации в ходе развития политической мысли. К ней примыкает генетическая, которая нацелена на выявление зависимости смыслового наполнения концепта от специфики культурного контекста [8; 11; 14; 15]. Особое место занимает логико-конструктивная стратегия, стремящаяся сформировать строгое понятие власти путем выделения и фиксации универсального, общезначимого набора признаков, на основании которых можно однозначно специфицировать власть [19; 20].

его элементов акцентируется в той или иной интерпретации.

Вторая стратегия — *демаркационная*. Она нацелена на выявление специфики концепта «власть» путем его содержательного разграничения с другими терминами [19; 1; 9; 12 etc.].

Указанные стратегии нужны Арендт для выявления семантических различий и противопоставления сходных слов, используемых для обозначения власти. «Мне кажется довольно прискорбной характеристикой текущего состояния политологии, — заявляет она в работе «О насилии», — то, что наша терминология не проводит различия между такими ключевыми словами, как «власть» (*power*), «мощь» (*strength*), «сила» (*force*), «авторитет» (*authority*) и, наконец, «насилие» (*violence*), которые обозначают несовпадающие, различные феномены и в ином случае вряд ли существовали бы... Их употребление в качестве синонимов не только обличает некоторую глухоту к языковым смыслам, что само по себе уже было бы достаточно серьезно, но и приводит к определенной слепоте по отношению к стоящим за этими словами реалиям» [3. — С. 50–51].

Действительно, в истории политической мысли для обозначения власти служили различные слова, которые то выступали как синонимы, то использовались для демаркации определенных смысловых нюансов. В европейских языках основополагающую роль сыграло латинское слово «*potestas*» (к нему, собственно, и восходит английское «*power*», используемое Арендт для обозначения власти), которое, в свою очередь, происходит от глагола «*potere*», имеющего значение «быть способным сделать что-то» и связанного с «*potentia*» — «возможностью» и одновременно «мощью». Именно в «*potestas*» наиболее полно представлено семантическое ядро концепта «власть»: способность произвести желаемое действие, которая обусловлена

наличием мощи, возможностей и ресурсов, позволяющих реализовать волю властвующего. Примечательно, что в современных языках производные слова («*power*» (англ.), «*el poder*» (исп.), «*le pouvoir*» (франц.) etc.) означают не только «власть», но и «могущество», «силу», «возможность», «полномочия», а в определенных случаях — «правление» и «органы власти».

Арендт дает собственную интерпретацию, высвечивая только один из смыслов концепта «власть», зафиксированных в «*potestas*» (и «*power*» как его производном), а именно: «быть способным сделать что-то». При этом она отсекает такие важные значения, как «мощь» и «сила», и уж тем более «правление». Выдвинутый на первый план смысл она обогащает рядом важнейших оттенков, привнося социальную составляющую и минимизируя личностный аспект. «Власть, — пишет Арендт, — соответствует человеческой способности не просто действовать, но действовать согласованно. Власть никогда не бывает принадлежностью индивида; она принадлежит группе и существует лишь до тех пор, пока эта группа держится вместе» [3. — С. 52]. Такая способность, несомненно, не может возникнуть без наличия в обществе базового консенсуса. Да и реализоваться она может только в коммуникации, основанной на солидарности.

Поэтому неудивительно, что, проводя демаркацию между «властью», с одной стороны, и «мощью», «силой» и «насилием», с другой, Арендт значительно сближает власть и авторитет. Действительно, у слов «власть» и «авторитет» есть общий семантический сегмент, который делает возможным не только сближение, но и их синонимизацию [11; 14; 15], это — «способность вызывать желаемое действие». Примечательно, что в современном языке слова, производные от латинского «*auctoritas*» (английское «*authority*»,

французское «l'autorité», испанское «la autoridad», немецкое «die Autorität» etc.), используются и как «авторитет», и как «власть», и как «руководство» в смысле инстанций, облеченных особыми полномочиями. Арендт отсекает все эти значения, оставляя за авторитетом лишь влияние, обусловленное легитимностью: «Отличительный признак авторитета, — пишет она, — безусловное признание со стороны тех, от кого требуют повиновения, — ни принуждение, ни убеждение тут не требуются» [3. — С. 53]. Как и власть, «авторитет исключает применение внешних сил принуждения; где применяется сила, авторитет пал» [4. — С. 140]. В то же время он не тождественен власти, поскольку отношение повелевающего и повинующегося не покоится «на власти того, кто повелевает; что у них общего, так это сама иерархия, которую оба признают правильной и легитимной, и в которой у обоих заранее установленное фиксированное место» [4. — С. 140].

Таким образом, результатом применения этимологической и демаркационной оптик является смещение акцентов и иное высвечивание смыслов, содержащихся в семантическом поле концепта «власть». Арендт добивается этого путем вытеснения вайолентных элементов (таких как «могущество», «сила», «принуждение») и насыщения его новыми оттенками значений.

Предложенная Х. Арендт концепция имеет значение не только сама по себе, как вариант философской рефлексии, противопоставившей власть и насилие. Исследовательская стратегия, направленная на дифференциацию и структуризацию семантического поля концепта «власть», на разграничение составляющих его смысловых пластов и выявление их соотношения, на актуализацию смыслов, традиционно отодвигаемых на второй план, стала матричной для современной политической философии. Ориентация на «пересборку концепта» стимулировала выявление новых граней смыслов и создание новых вариантов их комбинаций, вызвав к жизни такие версии, как концепция метавласти У. Бека, демаркацию «социального» и «политического» З. Баумана, противопоставление государства и политики А. Бадью etc. [5; 6; 7].

Даже в тех случаях, когда философы выступают оппонентами Х. Арендт и не готовы отказаться от вайолентного подхода, предложенный ею путь политико-философской концептуализации власти остается востребованным. При этом множественность смыслов, заключенных в концепте «власть», и разнообразие релевантных оптик по-прежнему остаются мощнейшим вызовом, стимулирующим разработку данной проблематики.

Литература

1. Агамбен Дж. Ното sacer. Суверенная власть и голая жизнь. — М.: Европа, 2011. — 257 с.
2. Аласания К.Ю. Теоретические и методологические основания анализа политической власти во французском постмодернизме (вторая половина XX — начало XXI века) — М.: Современные тетради, 2010. — 120 с.
3. Арендт Х. О насилии. — М.: Новое издательство, 2014. — 148 с.
4. Арендт Х. Между прошлым и будущим. Восемь упражнений в политической мысли. — М.: Изд-во Института Гайдара, 2014. — 416 с.
5. Бадью А. Краткий курс метаполитики. — М.: Логос, 2005. — 240 с.
6. Бауман З. Текучая современность. — СПб.: Питер, 2008. — 240 с.
7. Бек У. Власть и ее оппоненты в эпоху глобализма. Новая всемирно-политическая экономика. — М.: Прогресс-Традиция; Издательский дом «Территория будущего», 2007. — 464 с.
8. Бенвенист Э. Словарь индоевропейских социальных терминов. — М.: Прогресс-Универс, 1995. — 456 с.
9. Жижек С. О насилии. — М.: Европа, 2010. — 184 с.

10. Вебер М. Хозяйство и общество: очерки понимающей социологии: В 4 т. — Т. 1. Социология. — М.: Издательский дом ВШЭ, 2016. — 445 с.
11. Ильин М.В. Слова и смыслы. Опыт описания ключевых политических понятий. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 1997. — 432 с.
12. Кожев А. Понятие Власти. — М.: Праксис, 2006. — 192 с.
13. Лассуэлл Г. Психопатология и политика. — М.: Издательство РАГС, 2005. — 352 с.
14. Ледяев В.Г. Власть: концептуальный анализ / В.Г. Ледяев. — М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2001. — 384 с.; 2005. — 352 с.
15. Марей А.В. Авторитет, или Подчинение без насилия. — СПб.: Издательство Европейского ун-та в Санкт-Петербурге, 2017. — 148 с.
16. Парсонс Т. О понятии «политическая власть» // Антология мировой политической мысли: В 4 т. — М.: Мысль, 1997. — Т. II. — С. 479–486.
17. Dahl R. The Concept of Power // Behavioral Science. — 1957. — № 2. — P. 201–215.
18. Deutsch K. The Nerves of Government: Models of Political Communication and Control. — N.Y.: Free Press, 1966. — 361 p.
19. Stewart A. Theories of power and domination: the politics of empowerment in late modernity. — L.: Thousand Oaks, California: SAGE, 2001. — 270 p.
20. Uphoff N. Distinguishing among power, authority and legitimacy: Taking Max Weber at his word using resource — exchange analysis // Polity. — 1989. — № 22(2). — P. 295–322.
21. Perspectives on power: an inter-disciplinary approach / Ed. by H.M. Morgan, J.L. Černič, L. Milligan. Newcastle upon Tyne: Cambridge Scholars Pub., 2010. — 397 p.

ПОЛИТИЧЕСКИЙ ПЕРСОНАЛИЗМ В КОНТЕКСТЕ ФИЛОСОФИИ РЕВОЛЮЦИИ

Аннотация

В статье рассматриваются идеи основоположников персонализма, их генезис и взаимовлияние на иные философские концепции, идеологии революционного антропо- и социогенеза. Отражены аспекты противостояния «классического» империализма и постимпериализма «советского типа». Дана характеристика особенностям западного и российского имперского самосознания, повлиявшего на развитие русской общественно-политической мысли, а также повлекшего революционную трансформацию общецивилизационного масштаба, которая потрясла до основания фундаментальные основы устройства общества.

Ключевые слова: персонализм, политическая персоналистика, идеология революции, неоимпериализм, имперское самосознание.

Автор

Бобылев Владимир Владимирович

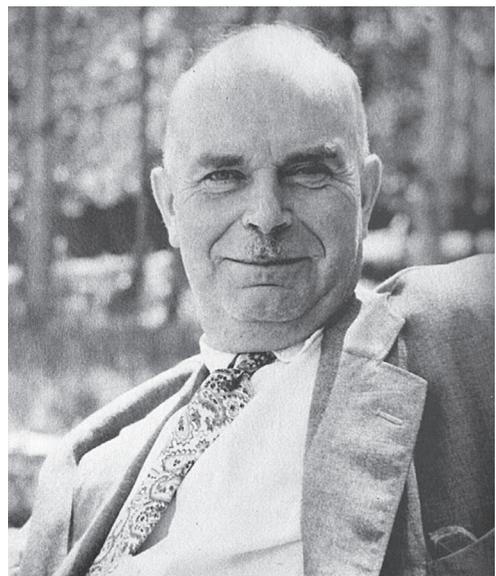
Кандидат политических наук,
доцент кафедры всеобщей истории
Сочинского института (филиала)
Российского университета дружбы народов
(Россия, Сочи)

Одним из ведущих философских религиозно-идеалистических течений, в котором соединились идеи социально-политических, этических, эстетических и других идей, стал французский персонализм. Представители французского персонализма: Жан Лакруа, Поль Рикёр, Э. Мунье — обращались в своих трудах к проблемам личности (персоны) сквозь призму историко-культурной и философской антропологии и особое внимание обращали на проблему человеческой деятельности в революционную эпоху.

Жан Лакруа, французский философ и видный мыслитель, рассматривал персонализм в качестве некоего базиса, фундамента подлинно философского анализа. Персонализм, согласно Лакруа, это духовная ориентация, «некое вдохновение, интенция, его предмет — человечество в целом, универсальное в человеке и человечестве» [11]. По его мнению, значимыми современными антропологическими концепциями являются персонализм, экзистенциализм

и марксизм. Лакруа полагал, что для развития философской антропологии как науки о человеке абсолютно необходим синтез и всех этих позиций и их реконструкция с позиций персонали-

Жан Лакруа (1900–1986)

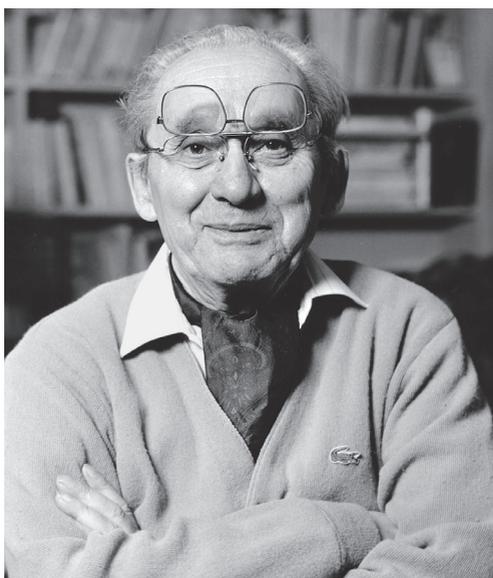
стики. Философ считал персонализм концепцией, восходящей еще к философии Декарта и идеям Канта о сверхзначимости личности, о том, что личность и есть не средство, а цель. Персонализму посвящены следующие основные работы Ж. Лакруа: «Персонализм: истоки — основания — актуальность», «Персонализм как антиидеология», в том числе книга об идейных истоках революции — идеологии марксизма: «Марксизм, экзистенциализм, персонализм» и др.

Поль Рикёр — известный мыслитель и ученый, французский философ и участник проекта персоналистического журнала «Дух» («Esprit») [15. — С. 455–456], также разделял идеи о личности как о месте рождения значений, дающих начало и смысл миру человеческой культуры. Большое впечатление на него произвела концепция «вовлечения» — «присутствие» человека в его в земных делах, активная деятельность по революционному переустройству мира [19]. П. Рикёр поставил перед собой глобальную задачу: разработать своего рода обобщающую концепцию человека XX в. и его способностей; принципы совместного бытия людей; челове-

ская память и история; человеческая цивилизация и пути ее гуманизации и др. [16]. Необходимо заметить, что П. Рикёр подробно изучал традиции русской философии, в частности концепции С. Булгакова и Н. Бердяева с позиции персоналистики.

Основоположителем и основным теоретиком персоналистики и персонализма во французской философской школе считается *Эммануэль Мунье* (1905–1950), философ, мыслитель, религиозный католический деятель [6]. Основатель научно-публицистического журнала «Дух» (Эспри, Esprit), посвятил исследованиям персонализма в различных аспектах ряд публикаций: философские размышления «Манифест персонализма» (1936), «Что такое персонализм?» (1947), «Персонализм» (1949) и др. В работах ученого затрагиваются основополагающие темы персоналистической философии, проблемы личности и ее отношения к природе и культуре, личность и ее духовный мир, свобода и необходимость, вера и знание, выбор и ответственность [14].

С позиций личностного существования Мунье рассматриваются и проблемы национальных отношений, госу-

Поль Рикёр (1913–2005)

Эммануэль Мунье (1905–1950)

дарства, власти, демократии [13]. Как отмечает И.С. Вдовина, своей философской концепцией персонализма Мунье «намеревался обновить христианскую концепцию человека путем ассимиляции наиболее влиятельных в современном ему мире философских антропологических позиций, и прежде всего экзистенциализма и марксизма» [7], и оказал несомненное влияние на идеологию Ватикана и различные концепции современного левого католицизма [8].

Особого внимания в контексте политической персоналистики заслуживает работа Эммануэля Мунье, посвященная идеологическим основам революции, которая называется «Персоналистская и коммунитарная революция» (1935). В ней автор рассматривал революцию в исключительно лично-центрированном ключе, полагая, что персоналистская революция коммунитарного типа необходима для того, чтобы разрешить кризис XX века, и писал, что персонализм есть «интегральное усилие, призванное понять и преодолеть тотальный кризис человека, что станет возможным, когда в центре теоретических дискуссий и практических действий окажется личность. В этом идеология Мунье созвучна идеям итальянского мыслителя Джузеппе Феррари, который полагал, что революция «должна пройти до конца свой путь, когда победит, наконец, философия, призванная воплотить человечность» [10. — С. 118].

Адекватным типом общества Мунье представлялось персоналистско-коммунитарное общество, при этом коллективистски воспитанная личность ставилась им в основу данного общества. Дж. Реале и Д. Антисери называют подобное понимание истории Мунье «трагическим оптимизмом», и поясняют: «оптимизмом, поскольку он был уверен в конечном триумфе истины. Оптимизмом трагическим, ибо нельзя не видеть тотального кризиса» [10. — С. 268].

Полагая, что наибольшим злом в капиталистическом обществе являются деньги, Мунье считает, что при всей привлекательности и марксизм не является спасительной идеологией, и отвергает марксизм по следующим причинам:

- марксизм — непокорный сын капитализма, ибо и капитализм, и марксизм исходят из материи;
- один капитализм марксизм меняет на другой — государственный капитализм;
- коллективистский оптимизм сочетается в марксизме с пессимизмом относительно личности, что неприемлемо для персонализма (в этой связи можно вспомнить слова М. Бакунина: «Я не хочу быть Я, я хочу быть Мы» [2], как нельзя лучше иллюстрирующие главенство коллективного над личностным);
- в историческом плане марксизм привел к тоталитарным режимам;
- на смену капиталистическому империализму пришел социалистический империализм [10. — С. 267].

Последний тезис Мунье заслуживает особого внимания, так как, по сути, отражает сущность российского имперского самосознания в контексте персоналистического подхода. Истоки российского империализма лежат за пределами рамок только лишь капиталистической, социалистической теории. Фундамент национального самосознания русского человека (под которым понимается человек любой нации, существующий в культурной плоскости «русского мира») обусловлен идеями «соборности», понимаемой как «общинность», «коллективность», «собираемость».

Понятие социалистического империализма Мунье получило развитие в трудах американского футуролога Элвина Тоффлера, который в книге «Третья волна» посвятил целую главу данному понятию, названную «Социалистический империализм» [18]. Ученый рассматривает капиталистический и социалистический империализм как некую дихотомию, различную лишь

природой общественного строя. Э. Тоффлер замечает, что, несмотря на то, что В.И. Ленин в своем труде «Империализм как высшая стадия капитализма» критиковал капиталистические страны за их агрессивную колониальную имперскую политику и полагал, что только социализм является избавлением от этого, на самом деле провозглашал лозунг о необходимости «не только сплочения, но и объединения наций» [12. — Т. 27. — С. 387] (в этой связи можно вспомнить революционный лозунг «Пролетарии всех стран, объединяйтесь!»). Мыслитель приводит примеры социалистического «полуколониального» сотрудничества СССР со странами СЭВ (Совет экономической взаимопомощи) и другими странами, обуславливая его как экономическими, так и социалистическими интересами России, фактически ставя знак равенства между капиталистическим и социалистическим империализмом.

Вместе с тем российская имперская культура имеет кардинальные отличия от классической англосаксонской имперской культуры, особенно в части взаимоотношений между «метрополией» и «колониями». Суть процесса «колонизации» по-русски — интеграция «покоренных» народов в общеимперское пространство, в отличие от европоцентристской колониальной модели, использующей ресурсный потенциал колоний на основе дискриминации и эксплуатации аборигенов, либо, исходя из «имперских интересов», не брезгует расчисткой жизненного пространства даже путем физического уничтожения аборигенов.

Э. Тоффлер пишет, что империализм как капиталистический, так и социалистический был более чем экономической, политической или общественной системой и катализатором промышленного развития. Он стал также способом жизни и способом мышления и породил менталитет, который можно назвать «менталитетом второй волны», считая его главным препятствием на

пути «третьей волны», цивилизации нового типа [18].

Идеи об уникальной цивилизационной сущности России весьма популярны и в настоящее время (Россия — цивилизационный проект (Ю. Громыко) [9]; Россия как государство-цивилизация (М. Ремизов) [17] и др.). Осознание особой миссии в рамках этой концепции определяет мировоззренческие и поведенческие паттерны охранительного и собирательного типа. В этой связи абсолютно справедливыми кажутся слова профессора В.Э. Багдасаряна о том, что «нациестроительство является для современных условий ошибочной стратегией. Вопрос должен стоять не о нациестроительстве, а об империестроительстве. Мировой буржуазной унификации могут противостоять только государства-империи. Другое их определение — государства-цивилизации. Политически эти государства — имперские, идентификационно-цивилизационные. Актором воссоздания цивилизационно-имперских государств могут выступить нынешние национальные государства. В рамках буржуазного проекта они обречены. Единственный для них путь выживания — консолидация вокруг цивилизационнообразующего ядра. Применительно к российской цивилизации таким ядром является Россия» [1].

По-видимому, постулат о российской цивилизации как о цивилизации особого типа, о российском соборном менталитете и ее имперском самосознании как о сознании принципиально иного типа, нежели иные, стал краеугольным камнем в понимании природы русской революции и, в некотором роде, отвечает на вопрос, почему же именно в России произошла великая революция, потрясшая до основания фундаментальное устройство общества во всем мире. Идея мировой революции вполне органично вписалась в мессианскую парадигму Российского имперского самосознания — нести культуру и благо в мировую цивилизацию. Вместо экспор-

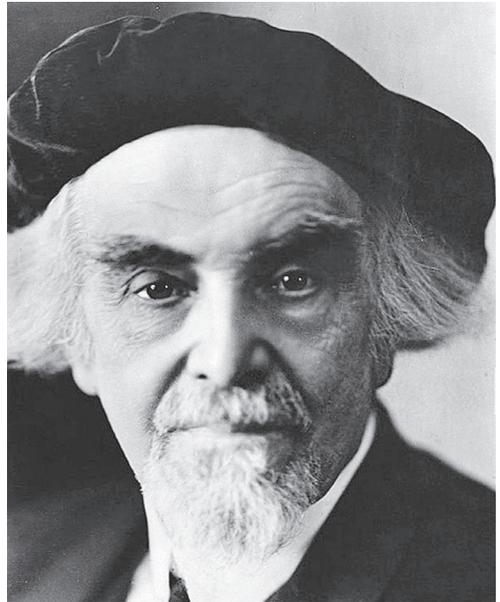
та ресурсов и капитала — экспорт идеи: мировой пролетарской революции. Античная демократическая парадигма власти народа трансформировалась в революционной идеологии марксизма в парадигму диктатуры пролетариата — власти человека труда. Однако это же имперское мышление парадоксальным образом приводит и к «социалистическому империализму», пришедшему на смену «капиталистическому».

Как пишет А.В. Шубин, «когда большевики возьмут власть в свои руки, выяснится, что тактические противоречия ведут к системным конфликтам, и коммунистам придется снова и снова делать выбор между продвижением к своей модели коммунистического общества и уступкам среде, в которой развивается их «постимпериалистический» проект. Они сами станут центром, которому придется бороться не только с империализмом в союзе с периферией, но и с самой этой периферией в интересах новой красной «империи» [20].

В период существования СССР — нового, не существовавшего ранее типа империи — «империи пролетариата», «социалистического империализма» (по Э. Мунье), мессианский концептуализм российского имперского самосознания нашел воплощение в форме поддержки национально-освободительного движения по всему миру, завершившегося не только распадом старой колониальной системы мироустройства, но и распадом самого СССР.

Русский философ *Н.А. Бердяев*, глубоко исследовавший духовную природу человека, в некотором роде проповедовал идеи «русского персонализма», писал о расколе, произошедшем после революции в России: «...идея класса убила в России идею человека» [3]. Бердяев считал, что русская политика должна быть империалистической, однако вкладывал в понятие «имперский» нечто иное, отличное по сути от капиталистического понятия «империализма»; нечто схожее с персоналистической концепцией Э. Мунье — «персоналистско-ком-

мунитарное общество», где личность не противопоставляется коллективу, а коллектив — личности, а сосуществуют в гармонии, где существует «свободное подчинение личности целому» [4]. Бердяев считал, что российский империализм «...должен быть щедро-дарящим, а не хищнически-отнимающим». Великая империя, по мнению мыслителя, должна быть «великой объединительницей, ее универсализм должен одаряюще обнимать каждую индивидуальность» [5], в этом, по Н.А. Бердяеву, заключается особенность Российской цивилизации, ее сила, и мощь.

Николай Александрович Бердяев
(1874–1948)

Развивая концепцию «мощь страны», представители не только различных научных школ, но разных «цивилизационных миров» (П. Кузнецов, Г. Моргентхау) [21] неоспоримо доказывают, что персоналистический ресурс (человеческий капитал) является одним из значимых нематериальных ресурсов. Игнорирование этого ресурса уже приводило к краху СССР, в связи с чем учет данного фактора является определяющим при реализации нового цивилизационного проекта современной России.

Литература

1. Багдасарян В.Э. Нациестроительство или империестроительство: развилка подходов. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/natsiestroitelstvo-ili-imperie-stroitelstvo-razvilka-podhodov> (дата обращения: 31.01.2018).
2. Бакунин М. Государственность и анархия. Собрание сочинений. — М.: Юрайт, 2017.
3. Бердяев Н.А. «Народоправство», N 18–19. — С. 6–9, 25 декабря 1917 г. — URL: http://krotov.info/lib_sec/14_n/nar/1917naro.html (дата обращения: 31.01.2018); URL: <http://www.magister.msk.ru/library/philos/berdyaev/berdn033.htm> (дата обращения: 31.01.2018).
4. Бердяев Н.А. Духовные основы русской революции. — URL: <http://berdyaev.filosoff.org/tvorchestvo/duxovnye-osnovy-russkoj-revoljucii/pagen/7/> (дата обращения: 31.01.2018).
5. Бердяев Н.А. Судьба России. — М.: Азбука, 2016.
6. Вдовина И.С. Французский персонализм: Критический очерк философского учения. — М.: Наука, 1977.
7. Вдовина И.С. Эстетика французского персонализма. — М.: Искусство, 1981.
8. Вдовина И.С. Французский персонализм. — М.: Высшая школа, 1990.
9. Громько Ю. Русские как планетарная сила. — URL: <http://klass-razvitiya.livejournal.com/1583.html> (дата обращения: 31.01.2018).
10. Джузеппе Феррари. Философия революции. Цит. по: Дж. Реале и Д. Антисери. Западная философия от истоков до наших дней. От романтизма до наших дней (4) / Пер. с ит. и под ред. С.А. Мальцевой. — СПб.: Пневма, 2003.
11. Лакруа Жан. Персонализм. Избранное. — М.: Российская политическая энциклопедия, 2004.
12. Ленин В.И. Империализм как высшая стадия капитализма. Полн. собр. соч. — Т. 27. — С. 387.
13. Мунье Эммануэль. Манифест персонализма. — М.: Республика, 1999.
14. Мунье Эммануэль. Персонализм. — М.: Искусство, 1992.
15. Новая философская энциклопедия: В 4 т. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. — М.: Мысль, 2010. — Т. III, Н–С.
16. Ремизов М. Проект «Государство-цивилизация». — URL: <http://www.apn.ru/publications/article1280.htm> (дата обращения: 31.01.2018)
17. Поль Рикер. Человек-общество-цивилизация. — М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2015.
18. Тоффлер Элвин. Третья волна. — М.: АСТ, 2010.
19. Философы 20 века. Поль Рикер. И.С. Вдовина. — М.: Искусство XXI век, 2004.
20. Шубин А.В. Социализм. Золотой век теории. — М.: Новое литературное обозрение, 2007.
21. URL: <http://www.rypravlenie.ru/wp-content/uploads/2014/08/04Pudenko.pdf> (дата обращения: 31.01.2018).

АНДЖЕЙ ВАЛИЦКИЙ: «ВСЯ МОЯ ЖИЗНЬ БЫЛА ЭМОЦИОНАЛЬНО СВЯЗАНА С РОССИЕЙ»

Аннотация

Распространение подлинных, неискаженных сведений о России становится исключительно важным в качестве «мягкой силы» для борьбы с тотальной русофобией, получившей небывалое распространение в сегодняшнем мире. Особенное значение приобретает внимание к русской мысли со стороны высококвалифицированных и благорасположенных к ней иностранных ученых, посвятивших исследованию истории русской мысли всю свою жизнь. Среди них выдающееся место принадлежит всемирно известному польскому ученому Анджею Валицкому, взгляды которого на интеллектуальную историю России кратко представлены в настоящей статье. Это дань уважения академику Анджею Валицкому за его глубокие исследования, получившие академическое признание в современной России. Основной корпус трудов Валицкого опубликован на английском и польском языках и все еще недостаточно известен русскому читателю. Автор этих строк использовал в настоящей статье материалы дружеской научной переписки с Анджеем Валицким.

Ключевые слова: Анджей Валицкий, русская интеллектуальная история, русские исследования, Варшавская школа истории идей, Сергей Гессен, Исайя Берлин.

Автор

Маслин Михаил Александрович

Доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой истории русской философии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

В качестве названия настоящей статьи использована цитата из письма Анджея Валицкого от 24.09.2017 к автору этих строк. Эта цитата продолжается следующими словами: «...а теперь как раз мои работы о русской мысли начали входить в оборот русской культуры, что меня очень радует. В наше время особенно нужны положительные русско-польские связи, именно потому, что теперь политическая атмосфера (давно уже плохая, по моему мнению, без вины России) невероятно и опасно ухудшилась». Подтверждением вхождения в научный оборот работ Валицкого в России является настоящая статья, основанная на эмпатии и глубоком уважении автора к трудам польского ученого.

Анджей Валицкий (Andrzej Walicki) родился 15 мая 1930 г. в Варшаве. Он

является всемирно известным историком русской философии, автором более двадцати книг на польском и английском языках. Ряд его монографий переведен на русский, итальянский, японский, испанский, украинский языки. Валицкий — гражданин Польши и США. Окончил Варшавский университет (1953). Заслуженный профессор Польской Академии наук и университета Нотр Дам (Индиана, США). Действительный член Польской Академии наук (1998). Работал на факультете социологии Варшавского университета (1958–1960), в Институте философии и социологии Польской Академии наук (1960–1981). В качестве приглашенного профессора работал в университетах Англии, США, Австралии, Австрии, Дании, Японии, Швейцарии. Анджей Валицкий — лауреат престиж-

ной международной премии Бальцана (1998). Этой премии удостоены такие философы, как Рикёр (1999) и Левинас (1989). Премия Бальцана — международная премия за высшие достижения в науке и культуре, учрежденная дочерью итальянца Эудженио Бальцана (итал. Eugenio Balzan; 1874–1953), совладельца газеты «Коррьере делла Сера».

Отец Валицкого, искусствовед, был в ПНР подвергнут репрессиям за сотрудничество во время Второй мировой войны с польским эмигрантским правительством в Лондоне. На изучение России Валицкого натолкнули, по его собственному признанию, два обстоятельства: знакомство с русским эмигрантом С.И. Гессеном, близким другом его семьи, и обстановка польской «оттепели» 1955–1956 гг. С.И. Гессен с 1935 г. жил и работал в Польше, дружил с родителями Валицкого и оказал существенное интеллектуальное влияние на Валицкого-гимназиста своим глубоким знанием русской культуры и философии. Поэтому Валицкий охотно поступил на обучение по специальности «русская филология» в Лодзинский университет (затем он перевелся в Варшавский университет). Формально обучение по специальности «философия» было ему запрещено, ввиду отцовской «неблагонадежности». Благодаря филологической выучке Валицкий превосходно говорит по-русски; можно сказать, что его русский язык выглядит несколько старомодно, настолько он правилен, что сегодня не так уж часто встречается, особенно среди молодежи. В письме к автору статьи от 24.03.2016 Валицкий пишет, что «первым учителем ... был для меня, к моему большому счастью, замечательный русский мыслитель, философ и теоретик правового государства, глубокий знаток идей Достоевского и Владимира Соловьёва, Сергей Гессен. Его отец, Иосиф Гессен, был в дореволюционной России (вместе с Августом Каминкой) редактором влиятельного еженедельника «Право», провозгласив-

Анджей Валицкий

шего борьбу за справедливое право. После революции Иосиф Гессен тесно сотрудничал с Павлом Ивановичем Новгородцевым в издаваемой в Германии кадетской газете «Руль», а его сын Сергей развивал идеи Новгородцева в своей критике марксизма и в концепции развития правового государства, провозглашавшей (вслед за Новгородцевым) незыблемость права человека на «достойное существование». Право это, ставшее фундаментом эволюции либерализма в сторону «welfare state», провозгласил также английский «новый либерализм» начала XX в. (который нельзя смешивать с современным нам «неолиберализмом», вернувшимся к апологии так называемого «свободного рынка»). Новгородцев и Сергей Гессен прекрасно знали об этом, но справедливо указывали, что в России неотъемлемое право человека на «достойное существование» провозгласил уже Владимир Соловьёв.

В университетские годы Валицкий приходит, по его собственным словам, к пониманию «глубоких различий

между официальным марксизмом-ленинизмом и подлинной марксистской традицией». Валицкий в те молодые годы даже полагал, что Польша «могла бы быть катализатором внутренней трансформации в России». В отличие от идеологизированных «русских исследований» того времени Валицкий по-настоящему вдохновлялся изучением наследия Достоевского и русской поэзии Серебряного века. В 1959 г. в Польше выходит его книга «Личность и история в русской мысли девятнадцатого века», центральной темой которой становится рассмотрение на русском материале «конфликта между свободой и исторической необходимостью». Валицкий примыкает к группе ревизионистов марксизма во главе с известным философом Лешек Колаковским, автором нашумевшей книги «Главные направления марксизма» (в советское время она была в спецхране). Правда, в отличие от других членов этой группы Валицкий не был в прошлом коммунистом, но разделял общие методологические установки ее членов. Впоследствии эта группа стала называться Варшавской школой истории идей.

В 1960 г. Валицкий получил исследовательский грант фонда Форда для работы в США и Англии. Важное значение для всей его последующей научной судьбы имела встреча во время этой стажировки с известным английским философом русско-еврейского происхождения Исайей Берлином. Переписка и воспоминания о Берлине были опубликованы Валицким в отдельной книге «Встречи с Исайей Берлином. История интеллектуальной дружбы» [1]. Берлин родился в Риге, но высшее образование получил в Англии и, будучи мыслителем либерального и рационалистического склада, не испытывал особого интереса к русской религиозной философии. Самым любимым его русским мыслителем был А.И. Герцен, которого он считал одним из трех «главных пророков» России, наряду с Л.Н. Толстым и Ф.М. Достоев-

ским. Берлин — блестящий стилист и его книга «Русские мыслители» — одно из лучших в литературном отношении авторских произведений западной русистики. С.И. Гессен, которого Валицкий называет своим первым учителем, был носителем иного стиля, он воспитывался в России в атмосфере Серебряного века и сформировался как мыслитель, глубоко ценивший традиции русского философского идеализма. И это отношение к русской мысли было в равной мере усвоено Валицким.

В 1964 г. Валицкий защитил докторскую диссертацию, посвященную славянофильству и славянофильско-западническим спорам. Английское издание: *The Slavophile Controversy* (1973, 1975), итальянское издание: *Una Utopia Conservatrice. Storia degli Slavofili* (1973). Данная работа Валицкого получила также определенную известность в СССР среди историков русской философии — профессионалов. Выбор славянофильства для историко-философского исследования Валицкий объяснял тем, что славянофилы, как и другие представители русского консерватизма, почти полностью игнорировались советскими авторами. Тогда как взгляды западников, если и рассматривались, то в искаженном виде, в духе известной борьбы против космополитизма. Таким образом, монография Валицкого объективно восполняла пробел в исследовании философии славянофилов, существовавший в историко-философской науке. Современные историко-философские исследования о славянофильстве на русском языке тогда отсутствовали, а немногие западные работы принадлежали славистам или историкам, слабо знакомым с историко-философской проблематикой.

Книга Валицкого не была основана на марксистской методологии и потому в СССР не пропагандировалась, скорее стала широко известной в узких кругах. Настоящую известность в России работа Валицкого о славянофилах, вместе с другими работами польского ученого,

получила с опозданием, уже в постсоветское время, когда был впервые осуществлен перевод его монографии [2]. Новым в трактовке Валицким теоретического наследия славянофилов являлось соотношение славянофильского антитезиса «Россия — Европа» с обоснованным немецким социологом Фердинандом Тённисом противопоставлением *Gemeinschaft* и *Gessellschaft* (община и общество). Валицкий также опирался на методологию Макса Вебера и Карла Мангейма, рассматривая славянофильство в качестве специфической разновидности европейского консервативного романтизма.

Другим объектом историко-филологического исследования Валицкого становится русское народничество. Начавшиеся в СССР в 20–30-х гг. XX в. исследования идеологии революционного народничества, как известно, были прекращены по прямому указанию Сталина после выхода в свет в 1937 г. «Краткого курса истории ВКП(б)». Там народничество без всяких на то оснований было объявлено злейшим врагом марксизма. В действительности именно народники начали распространение идей марксизма, переведя I том «Капитала» на русский язык (1872). Поэтому, согласно Валицкому, следует говорить не о неприятии, но, наоборот, о «народнической рецепции марксизма», прежде всего социально-экономического учения Маркса. Даже такой личный враг Маркса, как М.А. Бакунин, будучи анархистом, разделял идеи «Капитала» и принимался за его перевод на русский язык. В СССР исследования о народничестве возобновились только в 1960-х гг., а в постсоветское время, к сожалению, были свернуты, за очень редкими исключениями, поскольку установилось всеобщее увлечение историей религиозной философии. В 1965 г. на польском языке была опубликована двухтомная антология русского народничества с большим предисловием Валицкого. Он выступил в Оксфорде с курсом лекций о народни-

честве в качестве участника семинара Исаяи Берлина. Итогом этих лекций стала его вышедшая на английском языке монография «Спор о капитализме. Исследования социальной философии русских народников» [3]. Впоследствии эта книга была переведена на испанский, итальянский и японский языки.

В отличие от советских авторов, исследовавших преимущественно идеологию революционного народничества, Валицкий не проводит резких различий между революционным и легальным народничеством, делая акцент не на степени политической оппозиционности народничества по отношению к царизму, а на его теоретическом содержании в качестве специфического идейно-философского течения. Народничество рассматривается им в качестве первой серьезной попытки теоретического осмысления социально-экономической проблематики «периферии капитализма». Специальное внимание при этом уделяется анализу теоретического спора между народничеством и марксизмом, в особенности народнической критике того, что Валицкий называет «историческим детерминизмом» марксизма. обстоятельное изучение Валицким наследия народников свидетельствовало о его отнюдь не конъюнктурном, но целостном подходе к освещению русской интеллектуальной истории, поскольку польский ученый равным образом внимательно изучал различные мировоззренческие варианты русской мысли.

Следующей крупной работой Валицкого, наряду с многочисленными статьями, посвященными русской мысли XIX в., в польских журналах, явилось упомянутое выше обобщающее исследование истории русской мысли от Просвещения до Владимира Соловьёва и раннего марксизма. По-польски это исследование было опубликовано в 1973 г. По-английски оно публиковалось в США и Великобритании неоднократно, в 1977, 1979 и 1980 гг. [8]. О популярности этой книги на Западе

свидетельствует то, что Стэнфордский университет переиздавал ее в бумажном переплете ежегодно, начиная с 1981 до 2005 г. Имеется также британское аналогичное издание (rareback) 1988 года. Фактически это означает, что именно эта книга является за рубежом главным руководством по изучению русской интеллектуальной истории.

В 1981 г. Валицкий принял приглашение Австралийского национального университета в Канберре, где работал в течение пяти лет, а затем, с 1986 г., преподавал русскую интеллектуальную историю в течение ряда лет в университете Нотр Дам (Индиана, США). Итогом его работы в отделе истории идей Австралийского национального университета стало опубликование монографии «Философия права русского либерализма», дважды вышедшей в свет на английском языке [5].

Недавно опубликован русский перевод этой книги [4]. В предисловии Анджей Валицкий пишет: «Представленные в этой книге идеи русских либеральных философов права могут быть соотнесены с проблемами современной России. Они заслуживают серьезного внимания в текущей дискуссии о будущем России» [4. — С. 11]. Ее основные положения были изложены в России польским философом еще в 1991 г., в докладе, сделанном в Институте философии РАН. Ко времени написания данной книги Валицкий, по его собственным словам, пришел к убеждению, что общество «реального социализма» ожидает неминуемый крах, не только в Польше, но и в Советском Союзе. Отсюда его обращение к тем философско-правовым идеям, которые могли бы стать основой политического и социального возрождения России на основе главенства права. В качестве представителей этой философско-правовой линии Валицкий представил Б.Н. Чичерина, В.С. Соловьёва, С.И. Петражицкого, П.И. Новгородцева, Б.А. Кистяковского и своего первого учителя С.И. Гессена.

Книга основана на оригинальной методологии, развивающей ранее использованную А. Валицким в применении к анализу философии славянофилов концепцию Ф. Тённиса о *Gemeinschaft* и *Gessellschaft* (общине и обществе). В области философии права это означает, что, с известным приближением, все многообразие философско-правовых концепций можно разделить на три парадигмы. При этом парадигма «*Gemeinschaft*» представляется как общинно-семейная (олицетворение правового консерватизма), «*Gesellschaft*» — как индивидуалистическая и, кроме того, выделяется третья, особая, парадигма — административно-бюрократическая. Либеральные концепции права в такой типологии в целом тяготеют к построениям типа «*Gesellschaft*», основанным на примате личности и ее свободы и защищающим ее автономию на основе закона. Эти построения в рамках русской традиции философии права созвучны аналогичным европейским идеям и не содержат «ничего специфически русского».

В этом плане, как и в своей общей оценке национального своеобразия русской философии, Анджей Валицкий сохраняет верность своей общей методологической установке, согласно которой русская философия является органической частью общеевропейской философской мысли и потому может и должна рассматриваться в сравнении с ней, а не в противопоставлении. Вместе с тем, несмотря на достаточную развитость философских обоснований права в рамках русского либерализма, эти обоснования были слабо укоренены в реальной жизни, которая имела свою логику и управлялась на основе административно-бюрократической парадигмы права. Рассмотренные Валицким русские концепции философии права объединяло общее непринятие позитивизма, что составляло своеобразие русской школы «возрожденного естественного права». К этому надо добавить то, что

высокий теоретический уровень философско-правовых построений русских либералов вовсе не был гарантией их реализации. Оторванные от жизни интеллигентские представления на протяжении многих поколений не учитывали того, что у народа своя правда. Это глубокое противоречие и стало одной из причин русской смуты в XX в., разлива бунтарски настроенной народной стихии и Гражданской войны.

Другую весьма ценную особенность философии права русского либерализма, в том числе интересную и в современном контексте, Валицкий усматривает в том, что по мысли русских философов власть закона вполне мыслима без полной политической свободы, но не наоборот. Чичерин и Соловьёв, а вслед за ними и другие русские философы права стремились к тому, чтобы политическая борьба велась в строгих рамках права. Иначе говоря, они исповедовали принцип, согласно которому правовые установления не могут определяться «политической целесообразностью», ибо закон диктует правила для политики, а не наоборот. Именно на этом принципе, как представляется, основывается убеждение Валицкого в том, что сегодня существует «реальная возможность творчески использовать наследие этих мыслителей в деле превращения России в правовое государство» [4. — С. 23].

Последним по времени и самым крупным проектом, осуществленным Валицким, стало издание в 2005 г. в Кракове, в издательстве Ягеллонского университета, монографии «Очерк русской мысли. От Просвещения до религиозно-философского ренессанса» [6]. Эта большая книга (862 с.) является продолжением «Истории русской мысли от Просвещения до марксизма» [8], она охватывает историю русской мысли от XVIII в. и до эпохи религиозно-философского возрождения, включая таких его представителей, как Н.А. Бердяев, Е.Н. Трубецкой, П.А. Флоренский, С.Л. Франк и Л.П. Карсавин. Книга

снабжена именным указателем и подробнейшим списком литературы на русском и иностранных языках.

Есть все основания считать, что опубликование новейшей монографии Анджея Валицкого является событием для истории русской мысли. Эта книга не может быть незамеченной, она заставляет по-новому оценить и переоценить результаты исследований в этой области за последние более чем 30 лет, в том числе позволяет отбросить некоторые укоренившиеся штампы и стереотипы. Особенно важно подчеркнуть, что работа Валицкого является основой для реального диалога не только между российским и польским, но и, в целом, зарубежным руссиеведением. В 2015 г. вышел в свет английский перевод польского издания монографии Валицкого 2005 года [7]. Этот новейший вариант книги содержит 23 главы, разбитые на 5 разделов, выделенных по хронологическому и предметному принципу. I раздел «От Просвещения к Романтизму» состоит из глав: «Направления и тенденции просветительской мысли» (1); «Кульминация Просвещения в России: Александр Радищев» (2); «Политическая философия в эпоху Александра I» (3); «Антипросветительские течения начала XIX в.» (4); II раздел посвящен эпохе царствования Николая I и включает главы: «Пётр Чаадаев и религиозное западничество» (5); «Славянофильство и другие версии антизападничества» (6); «Русские гегельянцы: от «примирения с действительностью» к «философии действия» (7); «Белинский и различные варианты западничества» (8); «Петрашевцы» (9); «Истоки «русского социализма»» (10); III раздел «Социальные и политические идеологии в период Реформы и Контрреформы» включает главы: «Николай Чернышевский и «просветители шестидесятники» (11); «Консервативные идеологии после Крестьянской реформы» (12); «Народнические идеологии» (13); «Анархизм» (14); «Борис Чичерин и консервативный

либерализм» (15); «Между народничеством и марксизмом» (16); IV раздел «Философская и религиозная мысль в пореформенной России» включает главы: «Писатели-пророки» (17); «Владимир Соловьёв и метафизический идеализм» (18); «Варианты позитивизма» (19); «Метафизический идеализм» (20); V заключительный раздел «От рубежа столетий к последствиям Первой революции» состоит из глав: «Три варианта марксизма на рубеже столетий» (21); «Кризис марксизма и интеллектуальное становление религиозно-философского Ренессанса» (22); «Религиозно-философский Ренессанс и рефлексия опыта Первой революции» (23).

Достоинства этого большого монографического исследования отнюдь не исчерпываются его историографической полнотой, логичностью построения, широтой и фундаментальностью охвата материала, ясностью научного языка. Это научное издание, основанное на самостоятельном авторском анализе русских первоисточников, а не на переводах и чужих стереотипных мнениях, что нередко свойственно зарубежному «взгляду со стороны». Разумеется, автор отдает дань уважения своим предшественникам, польским, британским и американским историкам русской мысли, а также многим мыслителям русского происхождения, с которыми он общался во время своей работы за рубежом. В числе последних — Георгий Флоровский, Питирим Сорокин, Евгений Ламперт, Сергей Утехин, Николай Зёрнов.

Андрею Валицкому в силу счастливого стечения жизненных обстоятельств удалось лично общаться и с учеными-эмигрантами, и с представителями первого послевоенного поколения британских и американских специалистов в области русской интеллектуальной истории. Вот почему монографию «Поток идей» можно считать сочинением последнего из

могикан, творчески транслирующим для нас драгоценный опыт и традиции предшественников, пока еще слабо усвоенные в России в полном объеме. В ответ на эту мою характеристику Валицкий ответил следующее (письмо от 18.03.2016): «Вы убедили меня, что в каком-то смысле я действительно могу считаться «последним из могикан» важного периода развития «Russian studies», в котором оформилась идея «русской интеллектуальной истории». Кстати, отцами этой идеи следует назвать британских ученых (по происхождению русских евреев): Леонарда Шапиро из London School of Economics, автора авторитетной истории советского коммунизма (1960), и, конечно, Исайю Берлина: эти два человека, хорошо мне известные, были учителями главных пионеров американских Russian studies, таких как Malia, Kline, Pipes, Riasanovsky, Billington (среди которых только Пайпс дистанцировался потом от этих своих учителей). Я был близок ко всем этим людям, включая Шапиро (который был очень заинтересован моими взглядами на народничество в связи с марксизмом и обратил мое внимание на Чисерина), дружил с Малиа, а для Берлина я был ближе всех, из-за интереса к философским идеям; а также из-за моей симпатии к нравственным установкам и умственным традициям русской интеллигенции. Важно добавить, что все эти люди (исключая Пайпса) были русофилами, мечтавшими об освобождении России от коммунизма, иногда даже (напр. Биллингтон) связывающими с этой мечтой преувеличенные надежды».

Близкое представление о том что такое жанр интеллектуальной истории можно получить в недавно опубликованном в русском переводе курсе лекций эмигранта первой волны, профессора М.М. Карповича, прочитанном в Гарвардском университете. Карпович определял интеллектуальную историю как промежуточную сферу между от-

влеченностью философии и конкретностью политики. Отсюда следует, что данная сфера «может называться прикладной философией, то есть философией, понятой прагматически — не как набор абстрактных положений о человеке и вселенной, но как теория, приложимая к проблемам человеческой жизни, индивидуальной и социальной» [9. — С. 30]. Валицкий прямо не ссылается на Карповича, но нередко упоминает сходные по интонации подходы Мартина Малиа, Ричарда Пайпса, Лесли Чемберлен, Николая Рязановского, Марка Раева, Сергея Утехина и др. В жанре интеллектуальной истории исполнены также высоко оцениваемые Валицким остроумные, стилистически яркие и скорее публицистические, чем собственно научные, статьи о русских мыслителях Исаяи Берлина. Без всякого сомнения, Валицкий стал самым выдающимся на сегодня среди зарубежных россиеведов продолжателем жанра интеллектуальной истории России.

Эту статью уместно завершить словами Анджея Валицкого из его письма от 16.09.2017: «Для меня лично оживление интереса к моим работам и признание Вами их значения (а также возникновение какой-то личной связи между нами) важно также как доказательство того, что политика, к счастью, неспособна полностью овладеть научно-культурной сферой и личными отношениями порядочных людей. Я не был одинок в многолетних попытках противодействовать антирусским настроениям в Польше (часто очень искусственно раздуваемым), продолжаю делать это, но делу польско-русского взаимопонимания наносятся удары — совсем напрасные, но реальные. Но в таких условиях даже индивидуальные попытки «перебрасывания мостов» приобретают особое значение. В Польше такую роль играет, между прочим, замечательный и свободный от русофобии интерес к русской философской и политической мысли».

Литература

1. *Walicki A. Encounters with Isaiah Berlin. Story of an Intellectual Friendship.* — Frankfurt am Main, 2011.
2. Славянофильство и западничество. Консервативная и либеральная утопия в работах Анджея Валицкого / Пер. И.В. Душенко. — Вып. 1–2. — М.: ИНИОН, 1992.
3. *Walicki A. The Controversy over Capitalism. Studies in the Social Philodophy of the Russian Populists.* — Clarendon Press, 1969; 2-nd ed. — University of Notre Dame Press, 1989.
4. *Валицкий А. Философия права русского либерализма.* — М.: Мысль, 2012.
5. *Walicki A. Legal Philosophies of Russian Liberalism.* — Clarendon Press, 1987; Notre Dame University Press, 1992.
6. *Walicki A. Zarys Mysli Rosyjskiej od Oswiecenia do Renesansu Religijno-Filozoficznego.* — Krakow: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellonskiego, 2005.
7. *Walicki A. The Flow of Ideas. Russian Thought from the Enlightenment to the Religious-Philosophical Renaissance.* — Frankfurt am Main: Peter Lang GmbH, 2015. — 877 p.
8. *Walicki A. A History of Russian Thought from the Enlightenment to Marxism / Transl. Hilda Andrews-Rusiecka.* — Stanford University Press, 1979. — 456 p.
9. *Карпович М.М. Лекции по интеллектуальной истории России (XVIII — начало XX века).* — М.: Русский путь, 2012.

«ПОЭТЫ СЛАВЯНСТВА»: А.С. ХОМЯКОВ И Ф.И. ТЮТЧЕВ О СЛАВЯНСКОЙ ВЗАИМНОСТИ

Аннотация

В 1840-е гг. славянофилы впервые попытались обосновать своеобразие российской культуры и начали разработку философских оснований идеи славянского единства. Исходным пунктом для формирования славянофильской концепции славянства были представления о суверенности «народных начал», о необратимом разделении и противостоянии между романо-германским и греко-славянским «мирами». Похожих позиций в тот период придерживались и русские консерваторы. Однако представления о путях решения славянского вопроса у славянофилов и консерваторов отличались. Задача статьи — показать это различие на примере поэзии А.С. Хомякова и Ф.И. Тютчева.

Ключевые слова: славянофильство, консерватизм, панславизм, А.С. Хомяков, Ф.И. Тютчев.

Авторы

Мырикова Анна Валериевна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры истории социально-политических
учений факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Прокудин Борис Александрович

Кандидат политических наук,
доцент кафедры истории
социально-политических учений факультета политологии
Московского государственного университета
имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Как указывает известный отечественный историк-славяновед Л.П. Лаптева, истоки идеи славянской взаимности восходят к XVII в., когда хорват Юрий Крижанич изобрел грамматику и лексический состав общеславянского языка, который объявил средством объединения всех славян. Однако концептуальные формы эта идея приобрела лишь в XIX в., первоначально предполагая «возможность объединения всех славян на основе родства языков, происходящих из общего корня; близости отдельных элементов быта, нравов и обычаев в древности; родственности фольклора и народной культуры, а также схожести

некоторых черт литературы в раннехристианский период» [4. — С. 5]. Имея исключительно литературный характер в начале генезиса, затем она дополнялась политическими и религиозными аргументами, приобретая характер политический и идеологический, расширялась, становясь основой различных видов и разновидностей славянской националистической идеологии.

Среди факторов, оказавших определяющее воздействие на рост самосознания славян и оформление идеи их взаимности, обычно в ряду многих выделяют, во-первых, революцию 1789 г. во Франции и наполеоновские войны в Европе, стимулировавшие вызревание

идеи национальной свободы в сознании «австрийских», «турецких» и других славянских народов, испытывавших национальный гнет. Во-вторых, возвышение России, ее военные победы в конце XVIII и первые пятнадцать лет XIX в., особенно над Наполеоном, показавшие, что эта единственно свободная и могущественная славянская держава может способствовать освобождению угнетенных славян. В-третьих, начавшееся после разгрома Наполеона движение за объединение Германии, возникновение политической идеологии пангерманизма, предполагавшей немецкую гегемонию в Европе, которым и были противопоставлены различные доктрины политического и культурного объединения славян, получившие название «панславизм» [подробней см.: 1. — С. 190–197].

Парадоксально, но первым «теоретиком» славянского освобождения и переосмысления их всемирно-исторической роли стал немец. Иоганн Готфрид Гердер — глава протестантской церкви в Веймаре и один из основателей философии истории, в своем главном труде «Идеи к философии истории человечества» (1784–1891, русский перевод в 1829) с симпатией характеризовал славян и предсказал им большое историческое будущее.

Первым же славянским деятелем, более или менее четко сформулировавшим теорию славянской взаимности, был Ян Коллар — священник протестантской церкви, поэт и ученый, словак по происхождению, почти всю жизнь проживший в Пеште и умерший в Вене. В публицистических статьях «О литературной взаимности между племенами и наречиями славянскими» (1836, русский перевод в 1840), «Голоса о необходимости единого литературного языка для чехов, моравов и словаков» (1846) и других произведениях выдвинул программу культурного сближения славян, не имевшую политического характера. Коллар и его последователи в целях свободного общения славян

между собой предлагали целый ряд мер — от создания славянских книжных лавок, библиотек, кафедр славянских языков в учебных заведениях, созыва съездов ученых-славистов до создания единого славянского языка — «литературного», не бытового, а книжного и политического. Нужно подчеркнуть, что «культурные панслависты» были выразителями идеи всеславянства, а не национальных устремлений какого-то отдельного славянского народа.

Новая концепция славянского объединения, в которой основное внимание обращено уже не на всеславянство, а на отдельные славянские народы, и в которой не было даже намека на русофильство, — австрославизм — возникла в середине 1840-х гг. благодаря усилиям чехов — Карела Гавличека-Боровского, неудавшегося семинариста, воспитателя детей в семье профессора С.П. Шевырёва, а затем известного публициста Австрии, а также друга многих русских славянских деятелей Франтишека Палацкого. Австрославизм, в лице различных идеологов, выступавших или за равноправие всех народов Австрии в ее рамках, за союз свободных славянских народов Австрии, т.е., по большому счету, создание австрийской славянской империи, или же за преобразование австрийской монархии в конституционное союзное государство равноправных народов, не предполагал создание самостоятельных славянских государств, так как его адепты считали, что чехам не под силу преодолеть превосходство немецкой армии, полякам — армии России, а хорваты едва ли устояли бы против мадьяр, турок и немцев. Таким образом, первая политическая концепция славянского объединения ограничивалась проблемами федерализма австрийских славян, усматривала в России угрозу для национальной и культурной независимости малых славянских народов. Нужно заметить, что многие чешские сторонники австрославизма после 1867 г., когда был решен вопрос о соз-

дании дуалистической Австро-Венгрии, решили продемонстрировать свой протест Вене и перешли на позиции русофильства. Однако, если русские панслависты того времени исключали самостоятельность славянских народов, то зарубежные славянские политики подчиняли русофильскую ориентацию исключительно национальным целям.

Третья разновидность концепции славянской взаимности возникла и оформилась в России в 40-х гг. XIX в. в рамках славянофильства. Две крупные идеи обусловили специфику славянофильской концепции: идея православия и идея цивилизационных различий [см.: 9. — С. 21; 15. — С. 85–110]. Славянофильская историософия, как и западная идея всеславянства, исходила из гегелевского учения о том, что каждому народу априорно присуще некое «начало», раскрытие содержания которого и составляет его историю. В отношении славян такое «начало» славянофилы видели в православии, которое нередко отождествлялось ими с ранним христианством. Всю европейскую историю и культуру они делили на два самостоятельных «мира» — западный латинский, католический, романо-германский и восточный греко-славянский, православный. Между этими мирами славянофилы видели глубокое, коренное различие. Характерными признаками западного мира были для них римско-католическая религия, латинская образованность, рассудочность мышления и рационалистичность и действия, стремление к насилию. Католицизм славянофилы считали «искажением» христианства, да и протестантство казалось им естественным продолжением и развитием рассудочного начала и стремления к насилию. Проявление «западных начал» славянофилы находили и в государственной жизни романо-германского мира, раздираемого политической борьбой, государственными переворотами и революциями.

«Восточный мир» представлялся славянофилам наследником и истинным хранителем раннего христианства, а православие — единственной формой религии, сохранившей в чистоте христианские начала. Этика греко-православной стихии основывалась, по их мнению, не на мертвой логике и рассудочности, а на искренней и даже мистической вере, на пылом и бескорыстном чувстве. Ввиду декларируемой славянофилами «кротости» славян и отвращения их к насилию — государственность славянских народов отличалась от прочих, основывалась на свободном выборе власти, а не на насилии завоевателей. Отсутствием рационализма и «земных» побуждений объяснялось и отсутствие у славян сословий, и широкое развитие общественной собственности на землю, и мирные отношения между светской и духовной властью.

Именно на славянофильской основе формировались русские панславистские концепции [см.: 11. — С. 203–208; 10. — С. 32–36]. В рамках русского панславизма, в котором четко выделяются «культурное» и «политическое» направления, развивались идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский; проекты политического объединения славян, в которых России отводилась роль не только объединителя, но и гегемона.

Анализ работ 1840–1850-х гг. позволяет выявить главные различия между системами воззрений славянофилов и русских консерваторов, например, М.П. Погодина, Ф.И. Тютчева, которые сопрягали решение славянского вопроса, прежде всего, с политической проблемой стабильности и равновесия в Центральной Европе. Логика их рассуждений сводилась к следующему: Восточная Европа еще не достигла

высот своего развития, славяне слабы, разрознены и несвободны; миссия России состоит в том, чтобы «призвать Восточную Европу к жизни» посредством объединения под своим верховенством. А это возможно только после распада «лоскутной империи» Габсбургов. Следствием же распада Австрийской, а потом и Османской империи, должно было стать создание, по мысли Погодина, «Всеславянского союза» [см.: 13. — С. 18–31] или, по мысли Тютчева, «Славянской империи» [см.: 8. — С. 98–109; 7. — 71–89; 14. — 129–140] под покровительством России.

Таким образом, панславизм с ярко выраженной политической составляющей сформировался в консервативной среде, хотя предпосылки к этому были заложены славянофилами. Разницу подходов можно почувствовать, сравнив «славянские» стихотворения славянофила А.С. Хомякова и консерватора Ф.И. Тютчева.

Изучить динамику изменений панславистских взглядов А.С. Хомякова по его стихотворениям попытался еще в XIX в. О.Ф. Миллер, опубликовавший в 1869 г. статью под названием: «Хомяков — поэт славянства». Пафос статьи Миллера состоял в доказательстве отсутствия у Хомякова антидемократизма по отношению к славянским странам. Миллер приводит хомяковское стихотворение «Киев» (1839), относящееся ко времени зарождения славянофильских теорий: «Слава, Киев многовечный, / Русской славы колыбель. / Слава, Днепр быстротечный, / Руси чистая купель <...> / Мы вокруг твоей святыни / Все с любовью собраны. / Братцы, где ж сыны Волыни? / Галич, где твои сыны? / Горе, горе! Их сманили / Польши дикие костры, / Их сманили, их пленили / Польши шумные пиры. / Пробудися, Киев, снова! / Падших чад своих зови! / Сладок глас отца родного, / Зов моления и любви».

«Нужно ли говорить, что зов Хомякова был действительно зов, а не

притягивание на аркане? — пишет Миллер. — Всякая тень союза с принудительной *внешней* силой оставалась ему постоянно противной. Он ценил только *свободные связи*» [6. — С. 123–124]. В стихотворении «Киев» речь идет о богомолье у «Киевской святыни», которая собирает вокруг себя русских и зарубежных славян, но автор скорбит по поводу отпадения от православия униатских областей Западной Украины. «Здесь Польша выступает врагом, так что панславизм сокращается до профессиональных границ православия, — резонно замечает Б.Ф. Егоров, — католические славянские регионы как бы выносятся за скобки» [3. — С. 93].

К 1847 г., к которому относится стихотворение «Не гордись перед Белградом», виденье Хомяковым славянства несколько меняется, он «уравнивает всех славянских братьев, вплоть до католической Чехии, и надеется на свободное содружество: «Все велики, все свободны, / На врагов — победный строй, / Полны мыслью благородной, / Крепки верою одной!» [3. — С. 94].

Миллер опровергает обвинения Хомякова в русификаторстве, «превознесении» России и национальном самодовольстве, приводя стихотворение, написанное в самом начале Крымской войны (1853–1856). Когда «целыми потоками самохвальства залились наши журналы и всякого рода патриотические книжонки, и подмостки наших театров. И вдруг, посреди подобного хора, — вспоминает Миллер, — одиноко раздался опять увещающий зов Хомякова, в котором слышится во всей силе — и сознание великой задачи, представшей тогда перед нами, и сознание всей нашей... — неподготовленности: <...> “Вставай, страна моя родная, / За братьев! Бог тебя зовет / Чрез волны гневного Дуная — / Туда, где землю огибая, / Шумят струи Эгейских вод <...> / В судах черна неправдой черной, / И игом рабства клеймена; / Безбожной лести, лжи тлетворной, /

И лени мертвой и позорной / И всякой мерзости полна! / О, недостойная избранья, / Ты избрана! Скорей омой / Себя водою покаянья — / Да гром двойного наказания / Не грянет над твоей главой» [6. — С. 126–127]. Таков панславизм Хомякова.

Впервые об идее славянского единения у Ф.И. Тютчева можно говорить применительно к его стихотворению «Альпы», датированному 1830 г. (как и Хомяков, Тютчев нередко использовал иносказательные поэтические формы в разработке славянской проблематики): «Сквозь лазурный сумрак ночи / Альпы снежные глядят; / Помертвелые их очи / Лыдистым ужасом разят. <...> / Но Восток лишь заалеет, / Чарам гибельным конец — / Первый в небе просветлеет / Брата старшего венец. / И с главы большого брата / На меньших бежит струя, / И блесит в венцах из злата / Вся воскресшая семья!» [12. — С. 112].

В этом стихотворении мы можем отчетливо проследить мысль о родстве славянских народов («вся воскресшая семья») и мысль об освобождении этой семьи от «гибельных чар». Причем освободительный импульс, по убеждению автора, будет исходить от «старшего из братьев». В следующем, 1831 г., Тютчев пишет стихотворение «Как дочь родную на закланье...», посвященное взятию Варшавы. Помимо того, что поэт объявляет подавление мятежной Польши борьбой за сохранение целостности славянской державы, он не оставляет сомнений в том, кто должен стать «собирателем земель славянских»: «Другая мысль, другая вера / У русских билася в груди! / Грозой спасительной примера / Державы целость соблюсти, / Славян родные поколенья / Под знамя русское собрать / И весть на подвиг просвещения / Единомысленных, как рать» [12. — С. 120].

В 1841 г. Тютчев отправился в Прагу, где состоялось его знакомство с одним из самых видных деятелей чешского национального возрождения Вацлавом Ганкой, приверженцем литературной и

культурной «взаимности» славянских народов. В стихотворении, посвященном этому знакомству («К Ганке»), звучит грусть по исторической разрозненности славянских народов и призыв к культурному сближению. «Иноверец, иноземец / Нас раздвинул, разломил: / Тех — обезьязычил немец, / Этих — турок осрамил. / Вот среди сей ночи темной, / Здесь, на пражских высотах, / Доблий муж рукою скромной / Засветил маяк впотьмах. <...> / И наречий братских звуки / Вновь понятны стали нам, — / Наяву увидят внуки / То, что снилося отцам!» [12. — С. 148].

Примерно та же мысль развивается в стихотворении следующего, 1842 г., «Послание к апостолу», где Тютчев призывает славян стать одним народом, а Адама Мицкевича, польского поэта, называет «апостолом» славянства: «Мы чужем свет — уж близко время — / Последний сокрушен оплот, — / Воспрянь разрозненное племя, / Своюпись в один народ, — / Воспрянь — не Польша, не Россия — / Воспрянь, Славянская семья! — / И отряхнувши сон, впервые — / Промолви слово: “Это я!”» [12. — С. 149].

«Имперский идеал» Тютчева и его конкретизированные представления о путях славянского объединения мы находим в его публицистике конца 1840-х гг. В работе «Россия и революция» (1848), написанной под впечатлением от западноевропейских революционных событий, излагается идея создания славяно-православной «державы» под эгидой России [см.: 5. — С. 233–235]. Основная мысль статьи сводится к тому, что в современном Тютчеву мире существует только две силы: революционная Европа и консервативная Россия, а миссия России состоит в том, чтобы призвать славянство к жизни посредством объединения под своим верховенством. Как утверждают исследователи творчества Тютчева, границы «Великой Греко-Российской Восточной Державы» он определил в стихотворении «Русская география»

(1848) [см.: 2. — С. 58]: «Москва и град Петров, и Константинов град — / Вот царства русского заветные столицы... / Но где предел ему? И где его границы — / На север, на восток, на юг и на закат? / Грядущим временам судьбы их обличат... / Семь внутренних морей и семь великих рек... / От Нила до Невы, от Эльбы до Китая, / От Волги по Евфрат, от Ганга до Дуная... / Вот царство русское... и не преидет вовек, / Как то предвидел Дух и Даниил предрек» [12. — С. 152]. Столицей этого грандиозного государственного образования должен был стать, по мысли Тютчева, город Константинополь.

Именно к политической разнovidности русского панславизма можно отнести консервативный тютчевский идеал всеславянской империи, который занимает центральное место в обосновании Тютчевым идеи славянского единства.

Ненависть угнетенных славян к немцам, считавшим свое господство (над славянами, венграми, латышами, эстонцами и многими другими народами) естественным правом; солидарность славян по отношению к немцам; тезис о Венгрии, которая будет довольна

подчиненным местом в славянской империи — все это панславистские тезисы. И даже особо важное включение в «проблему славян» венгров в контексте русского панславизма не вызывает никакого удивления. Составы будущих всеславянских союзов, проектируемых различными мыслителями России (П.И. Борисов, Н.И. Костомаров, М.П. Погодин, Н.Я. Данилевский, В.И. Ламанский и др.), которых историко-политологическая традиция относит к панславизму, неизменно включали, наряду со «славянскими племенами», и тех же мадьяр, и греков, и румын.

Итак, славянофилы в 1840-е гг. впервые попытались обосновать своеобразие российской культуры и начали разработку философских оснований идеи славянского единства. Казалось бы, на схожих основаниях строили свои социально-политические концепции представители русского консерватизма, однако решение славянского вопроса они сопрягали, прежде всего, с политической проблемой стабильности и равновесия в Центральной Европе, тогда как славянофилы в большей степени тяготели к «культурному» панславизму.

Литература

1. Болдин В.А. Политико-текстологический анализ статьи А.С. Будиловича «Пангерманизм и панславизм» (1870) // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 190–197.
2. Джонг Х.-С. Идея славянского единства в мировоззрении Ф.И. Тютчева // Славянский вопрос: Вехи истории. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1997. — С. 55–70.
3. Егоров Б.Ф. О национализме и панславизме славянофилов // Егоров Б.Ф. От Хомякова до Лотмана. — М.: Языки славянской культуры, 2003. — С. 89–102.
4. Лаптева Л.П. Идея славянской взаимности и славянские съезды XIX в. // Славянские съезды XIX–XX вв. — М.: Институт славяноведения и балканистики РАН, 1994. — С. 5–21.
5. Лэйн Р. Публицистика Тютчева в оценке западноевропейской печати конца 1840-х — начала 1850-х г. // Литературное наследство. Т. 97. Федор Иванович Тютчев. Кн. первая. — М.: Наука, 1988. — С. 231–252.
6. Миллер О.Ф. Хомяков — поэт славянства // Миллер О.Ф. Славянство и Европа. Статьи и речи Ореста Миллера 1865–1877 гг. — СПб.: Типография Р.Е. Благосветова, 1877. — С. 114–130.
7. Мырикова А.В. Политические идеи Ф.И. Тютчева. — М.: Современные тетради, 2004. — 135 с.
8. Мырикова А.В. Тютчевский идеал славянского единства // Вестник Московского университета. — Серия 12: Политические науки. — 2006. — № 4. — С. 98–109.

9. *Мыркова А.В. Шириняц А.А.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / Под ред. А.А. Шириняца. — М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2010. — С. 5–37.
10. *Прокудин Б.А.* Идея славянского единства в политической мысли России XIX века / Под ред. А.А. Шириняца. — М.: Социально-политическая мысль, 2007. — 132 с.
11. *Прокудин Б.А.* Славянофильство и формирование русского панславизма // SCHOLA-2006: Сборник научных статей философского факультета МГУ / Под ред. Е.Н. Моцелкова; сост. А.В. Воробьёв. — М.: Социально-политическая мысль, 2006. — С. 203–208.
12. *Тютчев Ф.И.* Полное собрание стихотворений / Сост., подгот. текста и примеч. А.А. Николаева. — Л.: Сов. писатель, 1987. — 448 с. (Б-ка поэта. Большая серия).
13. *Шириняц А.А.* М.П. Погодин и поиски русской национальной идеи 1830–1840-е гг. // Вестник Московского университета. — Серия 12. Политические науки. — 2007. — № 1. — С. 18–31.
14. *Шириняц А.А., Мыркова А.В.* Ф.И. Тютчев и М.П. Погодин о русофобии и «польском вопросе» // SCHOLA-2014: Сборник научных статей факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова / Под ред. А.Ю. Шутова и А.А. Шириняца; сост. А.И. Волошин. — М.: Центр стратегической конъюнктуры, 2014. — С. 129–140.
15. *Шириняц А., Мыркова А.* Русофобский миф на «панславизма» / Политически исследование. Българска асоциация за политически науки. — София. Брой 1–2. 2010. — С. 85–110. (На болгарском языке.)

ПАНСЛАВИСТСКИЕ ИДЕИ А.С. БУДИЛОВИЧА

Аннотация

В статье предпринята попытка рассмотреть общественно-политическую и педагогическую деятельность известного слависта Антона Семёновича Будиловича (1846–1908) через призму его панславистских взглядов. В актуальных исследованиях, посвященных творчеству А.С. Будиловича, наблюдается две тенденции — творческое наследие и общественная деятельность известного слависта осмысливается либо в контексте «славянофильства», либо через призму «русификаторской» политики, проводником которой, по мнению исследователей, был Будилович. В данной же статье идеи Будиловича комплексно рассматриваются исходя из его «панславистских» убеждений, что помогает снять противоречия в осмыслении взглядов русского слависта.

Ключевые слова: А.С. Будилович, панславизм, славянофильство, В.И. Ламанский.

Автор

Болдин Владимир Алексеевич

Аспирант кафедры истории
социально-политических учений
факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Антон Семёнович Будилович — ученый, общественный деятель и педагог

Антон Семёнович Будилович родился в западнобелорусском селе Комотово Гродненского уезда в семье униатского священнослужителя, перешедшего в православие. По замечанию Е.Ф. Карского, близко знавшего Будиловича, уже с детства в родном селе будущий ученый «был поставлен на рубеже народностей», где его окружали поляки, литовцы, малороссы, евреи¹.

Интересен тот факт, что в годы польского восстания 1863–1864 гг. восставшие прислали отцу Будиловича уведомление, что он «как слишком русский присужден к смертной казни» [10. — С. 104], о чем пишет товарищ

¹ «Впечатлительному и наблюдательному лицу сразу бросалось в глаза различие языков, религий, нравов и обычаев, что со временем немало способствовало пониманию взаимных отношений этих племен, а также других славянских и неславянских народностей, находящихся в сходных отношениях», — пишет Карский [8. — С.151].

Будиловича славист П.А. Кулаковский. С учетом известных случаев казни православных священников в годы восстания, подобные угрозы не казались чем-то фантастическим². Наверняка данный факт биографии сказался на формировании личности будущего слависта. После восстания семья меняет фамилию со звучащей по-польски «Будзиллович», на более русифицированный вариант — «Будилович».

² Как отмечает известный отечественный славяновед Л.П. Лаптева: «Православные жители страдали от религиозного фанатизма поляков, вынуждены были терпеть унижения и высокомерное отношение, а также и страх перед кровавыми ужасами состоявшегося в эти годы польского восстания, что накладывало отпечаток на характер украинского и русского населения этих областей. Не случайно многие наиболее непримиримые в отношении поляков русские деятели, такие как А.С. Будилович, О.А. Коялович, П.А. Кулаковский и ряд других, были уроженцами именно западных губерний тогдашней России; неприязненные воспоминания детства и юности способствовали выработке у этих людей определенных, подчас крайне негативных взглядов на поляков» [11. — С. 728].

Антон Семёнович Будилович (1846–1908)

Тем не менее, проявляя недюжинную тягу к знаниям и способности к языкам, уже в 1863 г. Будилович экстерном сдал выпускной гимназический экзамен в Вильне и поступил на историко-филологический факультет Санкт-Петербургского университета. Этот период — важнейший в становлении взглядов и личности Будиловича, ведь именно в Санкт-Петербургском университете будущий славист обучался под руководством таких известных профессоров, «основателей и учителей славяноведения в российских университетах», как И.И. Срезневский, М.И. Сухомлинов и, конечно же, В.И. Ламанский [10. — С. 100]. Именно академик Ламанского до конца своей жизни Будилович считал своим главным учителем в славистике, посвятив ему свое выпускное сочинение «О литературной деятельности Ломоносова» (1867 г.), за которое был удостоен золотой медали и степени кандидата наук. Кроме того, Будилович полностью перенял и панславистскую концепцию Ламанского¹,

¹ О панславистских взглядах В.И. Ламанского см.: [22. — С. 94–119; 20. — С. 315–316 [14. — С. 70–82; 15. — С. 117–127].

что коренным образом отразилось на его собственных политических взглядах.

В 1875–1881 гг. Будилович занял должность ординарного профессора Историко-филологического института кн. Безбородко в Нежине. В 1878 г. в Санкт-Петербургском университете защитил докторскую диссертацию «Первобытные славяне в их языке, быте и понятиях», получив степень доктора славянской филологии. Особенно известна деятельность Будиловича в качестве профессора кафедры русского и церковнославянского языков Варшавского Императорского университета (1881–1892 гг.) и ректора и профессора кафедры сравнительной грамматики славянских наречий Императорского Юрьевского университета (1892–1901 гг.). Именно с ней связано наибольшее количество споров о «русификаторских» шагах Будиловича.

Построив блестящую академическую карьеру, Будилович в то же время был выдающимся публицистом и общественным деятелем своего времени, активно принимал участие в деятельности Санкт-Петербургского Славянского общества, Русского окраинного общества, Прибалтийского православного братства, различных зарубежных славянских обществ. Скоропостижная кончина Будиловича в 1908 г. прервала творческий путь этого самобытного ученого и мыслителя, тем не менее вклад, внесенный им в развитие не только отечественной славистики, но и филологии, истории, журналистики, остается поистине неопределимым².

В современных исследованиях, посвященных политическому творчеству известного отечественного слависта, общественного деятеля и активного участника славянского движения А.С. Будиловича, все чаще прослеживаются две основные тенденции

² Подробную биографию А.С. Будиловича см.: [9. — С. 5–27].

освещения его работ. Первая группа исследований в основном посвящена «славянофильским» взглядам Будиловича, причем большинство авторов почему-то видят в славянофильстве сугубо «консервативные» начала, что влияет и на интерпретацию взглядов Будиловича. В этих работах Будилович предстает как убежденный консерватор, «славянофил» и националист [7. — С. 71–73; 18. — С. 106].

Вторая группа работ сосредоточена на исследованиях общественно-политической и преподавательской деятельности Будиловича в Варшавском и Юрьевском университетах, а также работе членом Совета министра народного просвещения и председателем Особого совещания по вопросам об образовании инородцев. В данных исследованиях особо подчеркивается последовательная русификаторская политика Будиловича на занимаемых им административных и академических постах [18. — С. 65–87; 12. — С. 90–93; 13. — С. 90–97].

Однако представляется не совсем уместным рассматривать взгляды Будиловича лишь в свете одной из упомянутых тенденций. Не отрицая тот факт, что на него огромное влияние оказала славянофильская концепция, а также то, что по своим политическим убеждениям Антон Семёнович был убежденным монархистом, комплексное рассмотрение его взглядов следует осуществлять только через призму его панславистских убеждений, усвоенных им от своего учителя, академика Владимира Ивановича Ламанского (1833–1914). Проследив эту логическую взаимосвязь, легко можно вычлениить и объяснить причины как политических высказываний Будиловича, так и его реальных политических шагов на занимаемых им административных должностях. Свою деятельность Будилович считал отнюдь не «русификаторской», а логичным развертыванием и продолжением в реальной политике своей панславистской программы.

Владимир Иванович Ламанский
(1833–1914)

Сформировать представление о панславистской программе Будиловича, предопределившей его политическую и административную деятельность, поможет политико-текстологический анализ работ Будиловича «Пангерманизм и панславизм» (1870), «Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства» (1871) и лекции «Культурная отдельность народов греко-славянского мира», прочитанной им в Юрьевском университете (1891).

Пангерманизм и панславизм — два великих знамени эпохи

Статья «Пангерманизм и панславизм» впервые анонимно была опубликована в 1870 г. в журнале «Биржевые ведомости», в самый разгар франко-прусской войны (1870–1871), став реакцией на возрастающие тенденции пангерманизма и выход на мировую арену новой великой силы — объединенного немецкого государства. Уже в самом начале статьи Будилович высказывает одну из важнейших мыслей — события последнего времени неоспоримо доказали, что «центральной осью политических движений XIX века»,

«главным двигателем политических событий века» стало «начало народностей» [5. — С. 130]. Столкновение Востока и Запада, борьба католицизма с православием, реформация — все это лишь проявление соперничества рас и племен в их борьбе за существование.

Другая важная мысль Будиловича связана со значением, которое ученый отводит образованию и литературе в деле формирования национального самосознания: «...с успехами народного образования, с развитием общественного смысла в народах стало вырабатываться сознание, что им одним принадлежит право устраивать свое политическое положение, точно так, как и отношения социальные и экономические» [5. — С. 132].

В данной цитате хорошо видна преемственность Будиловича принципам культурного панславизма своего учителя Ламанского. Как отмечает А.А. Ширинянц: «"Культурный панславизм" развивал идеи о полезности для всех славян введения в их письменность славянской азбуки (кириллицы), о необходимости принятия всеми славянами единого литературного языка, которым должен был бы стать русский язык» [23. — С. 60–81; 24. — С. 75]. Исходя из принципов культурного панславизма, процесс формирования национального самосознания, а затем и общеславянской идентичности неминуемо связан с распространением всеобщего образования в среде славянских народов, и, прежде всего, все более широкого внедрения преподавания в школах и высших учебных заведениях на родных языках.

Будилович не обходит стороной и другой важный фактор, повлиявший на возрастание национального самосознания в странах Европы, — Французскую революцию. «Французская революция и наполеоновские войны имели в этом отношении влияние столь же решительное на новую Европу, как крестовые походы на среднюю. Самыми ранними произведениями этого движения

были освобождение Сербии и Греции от Турции и Голландии от Австрии», — пишет он [5. — С. 131]. Данный тезис подтверждается и современными исследованиями, посвященными генезису панславизма [25. — С. 13; 16. — С. 100–101; 2. — С. 256–263; 26. — Р. 5].

Тем не менее, по Будиловичу, все процессы национального возрождения в странах Европы должны померкнуть перед лицом двух «великих знамен» — пангерманизма и панславизма. Будилович отмечает, что рождение этих идеологий приходится на один и тот же период — время правления Иосифа II (1765–1790), эрцгерцога Австрийского и Императора Священной Римской империи. Именно его политика, направленная на насильственную германизацию славянских земель Австрии, вызвала ответную реакцию славян. В дальнейшем тенденции германизаторства лишь усиливались, подгоняемые литературной пропагандой пангерманизма.

Во все возрастающем влиянии идей пангерманизма Будилович видит угрозу для славян и России, ведь «трудно кому-нибудь поручиться, что та же армия, которая чрез два года после Копенгагена побывала близ Вены, а чрез четыре года после Вены очутилась под Парижем, что та же самая миллионная армия чрез несколько лет вдруг не очутится под Петербургом и Москвою» [5. — С. 133]. По этой причине Будилович предостерегает от слепой самоуверенности, «которая на наших глазах погубила императорскую Францию» и грозит стать зловещим уроком и для славянского племени [5. — С. 133–134].

В то же время Будилович предлагает русской общественности обратить внимание и на то, за счет чего Пруссия добилась столь значительных успехов. Лишь объявив себя центром новой политической организации, подняв знамя пангерманизма, Пруссия смогла удвоить свои силы и занять преобладающее положение в Средней и Западной Европе: «Урок этот лишь тогда не пропадет для России даром, она тогда лишь

станет на высоте предназначенного ей исторического призвания, когда она возьмет в свои руки знамя славянства, подобно тому, как Пруссия подняла знамя германизма» [5. — С. 134–135].

Будилович пытается донести до читателя главную мысль — «нет ничего легче, как образовать против России европейскую коалицию, коль скоро есть шансы хоть некоторого успеха» [5. — С. 135]. У России нет других союзников, кроме братских славянских народов, которые не только в силу языкового и культурного родства, но и в силу исторической необходимости заинтересованы в ней. Возрастающее давление со стороны германизма все более убеждает западных славян в том, что вопрос существования для них — быть с Россией или исчезнуть.

Будущую политическую форму устроительства славянских земель Будилович обозначает очень аморфно, указывая лишь на то, что носить она должна федеративный характер. «Федеративное славянство в 100 миллионов человек могло бы тогда спокойно и доверчиво смотреть на существование рядом с ним той самой 50-миллионной державы, которая в настоящее время внушает ему справедливые опасения. Господство в Восточной Европе свежего и сильного, но миролюбивого и добродушного народа было бы залогом многих веков мирного преуспеяния наук и искусств, промыслов и торговли», — завершает свою статью Будилович [5. — С. 136].

«Польский вопрос» в творчестве А.С. Будиловича

В 1871 г. в журнале «Беседа» Будилович публикует статью «Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславянства», в которой представляет свое видение «польского вопроса». Опуская подробный анализ первой части статьи, где Будилович подвергает критическому рассмотрению историю польского государства,

указывая на «исторические ошибки», которые привели его к краху, остановимся на заключительной части работы, важной для понимания концепции Будиловича и его отношения к русификаторству. Автор видит три сценария решения польского вопроса: *обрусение, онемечивание или сохранение собственной народности*. Для Будиловича неприемлемыми являются и первый, и второй варианты. И если с онемечиванием Польши вопросов не возникает, то почему же «ярый русификатор» и «националист» Будилович выступает против обрусения?

Натурализовать Польшу значило бы ее колонизировать, а это невозможно. Существует два способа колонизации — государственный и народный. «Проводниками и органами первого считаются: управление, законы, школы, официальный язык и т.п. внешние правительственные средства. Способами же взаимодействия собственно народного или общественного служат: науки и искусства, религия, связи торговые и промышленные, но преимущественно — народная колонизация» [4. — С. 40]. Государственный путь, всегда сочетающийся с насилием, никогда не давал никаких существенных результатов, о чем красноречиво свидетельствует история. «Разве германская Австрия онемечила мадьяр, румын и славян? Государственная сила османов отуречила ли греков и албанцев, арабов и славян? Англия разве переделала индусов в джон-булей?» [4. — С. 41]. Кроме того, возможно колонизировать лишь народ, изначально находящийся на более низкой стадии своего духовного и культурного развития, как это было с покоренными народами Сибири. Польша же представляет собой совершенно иной случай. Распространение мер государственной колонизации здесь невозможно, во-первых, в силу разделенности народа, так как четыре миллиона поляков живут за пределами российского государства. Во-вторых, колонизация Польши путем переселения

Будилович и Добрянский

туда русского элемента также не выполняема. Миграционные потоки всегда идут «из стран более населенных в менее населенные» [4. — С. 42], поэтому говорить о колонизации Польши также смешно, как говорить о том, что «Швеция может колонизовать Англию» [4. — С. 42]. В-третьих, любые призывы к насильственной колонизации края, по мнению Будиловича, идут от тех, кто желает отдать Польшу немцам. «Лучше даже потерять Польшу, чем насильственно ее обрусить», — заявляет он. Применение силы приведет лишь к тому, что Россия оттолкнет от себя другие славянские народы, чем готовится «великое торжество для немцев, которые не замедлят эксплуатировать в свою пользу негодование на Россию славянских народов» [4. — С. 42].

Поэтому, заключает Будилович, «в интересах не только славянства, но и человечества нужно желать совершения третьей из вышеозначенных возможностей, именно — сохранения

польским народом своей исторической личности» [4. — С. 45].

Предоставление независимости Польше Будилович считает невозможным. Этому мешает два фактора: внешний и внутренний. Внешний выражается в угрозе пангерманизма, молодое Польское государство было бы не в силах противодействовать натиску с Запада. Внутренняя же причина заключается в том, что «великий социальный переворот, начатый реформами Милютин¹, еще не завершился; крестьянский вопрос не вполне разрешен; шляхетство не вполне еще забыло старые свои популзновения; новая народная интеллигенция не успела еще образоваться» [4. — С. 47].

Но, «когда внутренняя общественная сила Польши обносится и созреет, когда нависшая над ней с запада туча так или иначе разразится, когда мечта о политическом панславизме в той или другой форме совершится, тогда, нам кажется, и Польша найдет себе почетное место и независимое положение в конфедерированном славянстве. Она встанет в такие же отношения к целому, как Чехия, Сербия, Болгария и всякий другой член федерации. Трудно предвидеть время и образ его совершения; но можно предсказать, что Россия будет более международным его представителем, чем гражданским управителем», — подытоживает Будилович [4. — С. 47].

Педагогическая деятельность А.С. Будиловича и ее значение в реализации панславистской программы

Реализовать свою концепцию на практике Будиловичу представился шанс в годы работы в Варшавском и, особенно, в Юрьевском университете.

¹ Николай Алексеевич Милютин (1818–1872) — российский государственный деятель, статс-секретарь по делам Польши (1864–1867), один из руководителей крестьянской реформы в Польше.

Юрьевский университет

Назначение в Юрьевский университет Будилович воспринимал как выполнение важной задачи на государственном посту. В своей публичной лекции «Культурная отдельность народов греко-славянского мира», прочитанной 9 декабря 1891 г. в актовом зале Императорского Юрьевского университета и затем опубликованной в журнале «Русское обозрение» (1896 г.), Будилович не только высказал свой взгляд на историю славянских народов, но и обозначил политические приоритеты России в западных областях страны.

Ключевой вопрос, красной нитью проходящий через всю лекцию Будиловича: кому должны принадлежать западные области России, населенные поляками, латышами и эстонцами, — Германии или России? Для обоснования принадлежности указанных территорий России Будилович прибегает к методологии Ламанского, выделяя два противоположных друг другу с точки зрения культуры и политического развития мира — «романо-германский» и «греко-славянский», «срединный мир».

Критикуя популярных в России «западников» (Чаадаев, Герцен, Гра-

новский, Герье, Белинский, Пыпин), видевших в России и славянстве лишь придаток Европы, Будилович заявляет: «Бесспорным представляется и то учение славянофилов, по которому греко-славянство является столь же самобытным культурным миром, как Индия, Эллада, Европа» [3. — С. 143].

Будилович уверен, что европоцентричный взгляд на историю ошибочен, а разговоры об универсальной общечеловеческой культуре не имеют под собой никаких оснований. Каким же тогда условиям должна соответствовать культура, чтобы считаться «культурно-историческим типом», — задается он вопросом, и отвечает на него следующим образом: «Таковыми условиями должны, полагаю, быть: 1) существование особой, более или менее значительной территории, 2) наличность сильного и даровитого племени, 3) общность исторической школы, 4) присутствие особого просветительного начала, 5) благоприятное стечение обстоятельств для развития и расцвета народной образованности» [3. — С. 144].

Именно в своей совокупности греко-славянский мир и отвечает указанным

условиям. Для Будиловича, так же как и для Ламанского, критерии принадлежности к греко-славянскому миру отнюдь не ограничиваются территориальными границами, а включают в себя языковые, культурные и религиозные связи. Причем последним отводится особая роль [3. — С. 147].

Различие в культурно-исторических типах предопределяет и политические особенности развития народов, входящих в разные миры. «Столь же существенные различия мы заметим между политическими и общественными учреждениями Запада и Востока, развившимися там из комбинации идей западной империи и германского феодализма, здесь же из идей империи восточной и славянского демократизма» [3. — С. 148]. Идея империи нашла свое воплощение в центральном субстрате «греко-славянского мира» — России. Именно ей принадлежит ведущая роль в объединении отколовшихся ветвей греко-славянского мира, которые рискуют пасть под натиском «Drang nach Osten» и раствориться в немецком море. Здесь Будилович опять возвращается к мысли, высказанной в более ранних статьях, рассмотренных выше. Только культурное объединение под предводительством России способно сохранить национальную самобытность «инородцев» в общем греко-славянском мире. «Как не исчезает Волга от слияния с морем Каспийским, а Двина — с Балтийским или Белым» [3. — С. 158], так и каждый народ найдет свое культурное развитие и реализацию под покровительством России. Ключевую роль здесь должен сыграть русский язык и просвещение, а отнюдь не насильственное административное подчинение. Именно в распространении русского языка и русской культуры Будилович и видел свою основную задачу на посту ректора университета.

Подводя некоторые итоги, можно выделить несколько главных положений, выдвигаемых Будиловичем: 1) «начало народности» стало преоб-

ладающим элементом политической жизни современной ему эпохи. Поэтому лишь подняв знамя панславизма, объединив вокруг себя остальные славянские народы, Россия сможет занять полагающееся ей место среди великих держав; 2) в свою очередь, возрастающее влияние пангерманизма и усиление военной и промышленной мощи Германии не позволит славянским народам поодиночке противостоять новой угрозе. А исторические уроки прошлого доказывают, что поиск союза с другими государствами никогда не приносил должных результатов. Поэтому у славянства нет иного выбора как движение в сеторону взаимного объединения на федеративных началах под покровительством России; 3) способствовать этому объединению, по Будиловичу, должно распространение народного образования, литературная пропаганда, а в дальнейшем и введение общеславянского языка, каковым должен был стать русский язык; 4) любые попытки насильственного «русификаторства» приведут лишь к тому, что Россия сама подтолкнет славян и примыкающие к ним народы греко-славянского мира в руки Германии. Чтобы избежать подобного поворота событий, Будилович предлагает использовать культурную ассимиляцию с помощью просвещения, науки и искусства.

Взгляды Будиловича, изложенные в его работах, четко укладываются в культурную программу русского панславизма, ведущего свою линию от панславистской концепции В.И. Ламанского. Политические же цели Будиловичем практически игнорируются, формулируются лишь аморфные тезисы о возможном федеративном устройстве общего славянского государства. Однако в его работах по-прежнему сильна установка на непримиримые противоречия в «западном» и «восточном» мире, а также на особую геополитическую, «мессианскую» роль России в деле объединения славян. Данная черта показательна для представите-

лей культурного панславизма второй половины XIX в.

Именно слабость политической повестки, а также нежелание пересмотреть положения о политической роли России в славянском мире и идти на

компромисс, предопределили эволюцию взглядов панславистов в начале XX в. в сторону поиска новых путей интеграции славянских народов — прежде всего в экономике.

Литература

1. Андерсон К.М., Бойцова О.Ю., Горохов А.А., Зоткин А.А., Козилов И.А., Мартыненко Н.П., Мырикова А.В., Перевезенцев С.В., Прокудин Б.А., Пучнина О.Е., Чанышев А.А., Ширинянец А.А. Актуальные вопросы истории социально-политических учений и политической текстологии: материалы круглого стола // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2016. — № 4. — С. 91–127.
2. Болдин В.А. Идеиные корни формирования нового славянского мировоззрения в начале XX в. // Вестник Российской нации. — 2017. — № 2. — С. 256–263.
3. Будилович А.С. Культурная отдельность народов греко-славянского мира // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — С. 136–158.
4. Будилович А.С. Несколько замечаний о польском вопросе с точки зрения всеславяинства // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. С. 28–47.
5. Будилович А.С. Пангерманизм и панславизм // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова / Отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — С.130–136.
6. «Дранг нах Остен» и народы Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европы: 1871–1918 гг. — М.: Наука, 1977.
7. Иванов А.А. Будилович Антон Семёнович // Черная сотня. Историческая энциклопедия 1900–1917 / Сост. А.Д. Степанов, А.А. Иванов; отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008. — С. 71–73.
8. Карский Е.Ф. Памяти А.С. Будиловича // Русский филологический вестник. — 1909. — № 1. — С. 149–161.
9. Климаков Ю.В. Предисловие // Будилович А.С. Славянское единство / Сост., предисл. и примеч. Ю.В. Климакова; отв. ред. О.А. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2014. — С. 5–27.
10. Кулаковский П.А. А.С. Будилович (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. — 1909. Август. Новая серия. — Ч. XXII. — С. 100–125.
11. Лаптева Л.П. История славяноведения в России в XIX веке. — М.: Индик, 2005.
12. Никифорова О.А. «Для лучшего усвоения русского языка» // Родина. — 2011. — № 1. — С. 90–93.
13. Никифорова О.А. Образовательная и политическая деятельность А.С. Будиловича в Царстве Польском (1881–1892 гг.) // Славяноведение. — 2011. — № 3. — С. 90–97.
14. Прокудин Б.А. В.И. Ламанский о единстве славян // Вестник Российской нации. — 2016. — № 3. — С. 70–82.
15. Прокудин Б.А. Историческое и геополитические идеи В.И. Ламанского // Вестник Московского университета. Серия 12: Политические науки. — 2013. — № 2. — С. 117–127.
16. Прокудин Б.А. Панславизм Ф.М. Достоевского // Английский язык на гуманитарных факультетах: Теория и практика. — Т. 8. — М.: МАКС Пресс, 2015. — С. 100–107.
17. Савино Д. Инородческие заговоры: поляки, евреи, немцы и украинцы в представлениях русских националистов начала XX века // Логос. — 2017. — № 4. — С. 65–87.
18. Смолин М.Б. Будилович Антон Семёнович // Святая Русь. Большая Энциклопедия русского народа. Русский патриотизм / Гл. ред., сост. О.А. Платонов, составитель А.Д. Степанов. — М.: Православное издательство «Энциклопедия русской цивилизации», 2003. — С. 106.
19. Суляк С.Г. А.С. Будилович и Карпатская Русь // Русин. — 2017. — № 2(48). — С. 166–181.

20. *Ширинянец А.А.* Ламанский Владимир Иванович // Русская философия: Энциклопедия. 2-е изд., дораб. и доп. / Под общ. ред. М.А. Маслина. — М.: Книжный клуб «Книговек», 2014. — С. 315–316.
21. *Ширинянец А.А.* Политическая текстология на кафедре истории социально-политических учений // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2016. — № 4. — С. 92–95.
22. *Ширинянец А.А., Гудков А.Д.* Политические портреты: Владимир Иванович Ламанский // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2001. — № 1. — С. 94–119.
23. *Ширинянец А.А.* Михаил Петрович Погодин // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2001. — № 4. — С. 60–81.
24. *Ширинянец А.А.* Русский хранитель: политический консерватизм М.П. Погодина. — М.: Русский миръ, 2008.
25. *Ширинянец А.А., Мырикова А.В.* Введение к исследованию истории и идеологии панславизма XIX века / Под ред. Ширинянца А.А., перевод на хорватский язык Сабина Фолнович. — М.: Издательский дом «Политическая мысль», 2010.
26. *Sandor K. Pan-Slavism* / Edited by A.F. Atzel. Astor Park: DanubianPress, 1981.

О НЕКОТОРЫХ АКТУАЛЬНЫХ АСПЕКТАХ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ЛИБЕРАЛЬНОЙ ТРАДИЦИИ: РОССИЯ И ЗАПАД

Аннотация

В статье исследуются ключевые моменты трансформации либеральной традиции в России в контексте сравнительного анализа основных направлений эволюции либерального идеологического дискурса и либеральной культуры в Западной Европе и США. Необходимость такого анализа определяется, в первую очередь, тем, что с начала 1990-х гг. западные либеральные стереотипы становятся основой мировоззрения новой российской политической элиты и доминирующей тенденцией государственной пропаганды. При этом нередко предаётся забвению тот факт, что в XX в. российский либерализм дважды скомпрометировал себя настолько, что в ближайшей перспективе надежды на возрождение либеральной идеи практически не остается. Кризис либеральной традиции обозначился и на Западе: либерализм претерпевает весьма существенные трансформации, имеющие далеко идущие культурные и политические последствия. В частности, в конце XX — начале XXI в. наиболее активную роль в западном общественном дискурсе стали играть радикальные неоконсервативные версии идеологии, сочетавшей консервативную программу политических реформ с ярко выраженной либертарианской (неолиберальной) риторикой, которая активно использовалась правящими кругами США и Западной Европы для идеологического воздействия на политические элиты России и стран Центральной и Восточной Европы в период так называемых «бархатных революций». Одновременно в конце XX в. все более явно и резко вновь на передний план выступила тенденция антилиберальной мысли и критики, которая всегда развивалась параллельно вместе с самим либерализмом и практически никогда не прекращала своего существования.

Ключевые слова: Россия, идеологические дискурсы, либерализм, политическая культура, политические трансформации, политическая теория, посткоммунизм, антилиберализм.

Автор

Гуторов Владимир Александрович

Доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и философии политики
факультета политологии
Санкт-Петербургского государственного университета

История формирования и эволюции либеральных идей и политики в России является чрезвычайно поучительной в том плане, что именно в рамках данного направления свойственные всем российским идеологиям утопические настроения и иллюзии отличались особым драматизмом: неоднократно приближаясь к тому порогу, когда идея становится реальностью, либерализм снова и снова терпел позорное поражение от своих более удачливых

идеологических и политических конкурентов и обрекал себя на весьма жалкую роль эфемерной оппозиции. Конкретные исторические обстоятельства и формы, в которые облекался крах отечественной либеральной политики, свидетельствовали также о том, что сформировавшийся на протяжении XIX и XX столетий «либеральный интернационал» и его лидеры, игравшие ключевую роль в идеологическом и политическом дискурсах Западной Европы и США, никогда не были склонны

преодолеть собственные русофобские предрассудки, глобальные претензии вкупе с региональным эгоизмом и оказать своим российским единомышленникам реальную и действенную поддержку.

В XX в. российский либерализм дважды скомпрометировал себя настолько, что в ближайшей перспективе надежды на возрождение либеральной идеи практически не остается. Современный отечественный книжный рынок буквально наводнен публикациями, авторы которых подробно и иногда вполне доказательно разъясняют читающей публике причины исторического поражения либерализма и не без основания рассчитывают на понимание с ее стороны [1; 7].

«Либеральная революция», развернувшаяся в начале 1990-х гг. и вновь, как и в 1917 г., приведшая российское государство к экономической катастрофе, осуществлялась под лозунгом целенаправленного развала «советской тоталитарной империи», сразу оживив самые худшие подозрения и ассоциации относительно традиционного схематизма, инертности, теоретической бездарности и практического бессилия отечественных либеральных группировок, крикливо заявлявших о себе в этот период. В отечественной научной литературе постоянно витает вопрос — возможно ли рассматривать «либеральную революцию» в России как движение, направленное на восстановление политических и культурных традиций досоветского времени и, в конечном итоге, укрепления и дальнейшего развития экономической и военной мощи страны? Отрицательный ответ на этот вопрос связан не только с тем, крайне знаменательным фактом, что эта революция началась с целенаправленного развала российской государственности. Но ведь пришедшие к власти в начале 1990-х гг. либералы выдвинули идею возврата страны в мировую цивилизацию! Однако с самого начала этот лозунг был насквозь антиисторичен и

имел весьма специфическую идеологическую нагрузку.

При всех особенностях исторической судьбы, например, при традиционной конфронтации с Западом, имперская Россия, особенно в конце XVIII— начале XIX в., становится органической составной частью европейской экономической и политической системы. Во второй половине XIX в. об этом свидетельствовали в равной степени и бурное развитие капиталистических отношений в пореформенный период, и система финансовых и военных альянсов между Российской империей и западными странами на рубеже XIX—XX вв. (например, знаменитый французский заем, позволивший царской России стабилизировать финансовую систему и справиться с первой революционной волной, вступление в Антанту и т.д.). Если бы не октябрь 1917 г., Россия, оказавшись в числе стран-победительниц в Первой мировой войне, не только укрепила бы свои геополитические позиции, но и имела бы все шансы без революционных потрясений превратиться за короткий исторический промежуток времени в равного партнера любой великой державы, постепенно проводя экономическую модернизацию и политические реформы. После 1917 г., противопоставив себя Западу в качестве бастиона «мировой революции», советская Россия, тем не менее, вскоре вновь стала восстанавливать традиционные торговые и экономические связи с западными партнерами, хотя и всегда рассматривалась последними как потенциальный агрессор и источник социальных смут. Победа во Второй мировой войне и превращение СССР в мировую сверхдержаву, естественно, усилили и процесс его интеграции в мировую экономику, хотя отношение к нему западных стран как к очагу «коммунистической угрозы» в идеологическом плане не изменялось.

Лозунги, выдвинутые российскими либералами, имели, следовательно,

иную акцентировку, связанную с планом коренного изменения алгоритма экономического и политического развития страны на основе внедрения западных реформаторских рецептов и программ.

В свое время Октябрьская революция весьма рельефно выявила *утопический характер* либеральной программы тех политических партий, которые пришли к власти в феврале 1917 г. «Утопии, — отмечал Н.А. Бердяев, — плохо знали или забыли и слишком вздыхали о невозможности их осуществления. Но утопии оказались гораздо более осуществимыми, чем казалось раньше. И теперь стоит другой мучительный вопрос: как избежать окончательного их осуществления? Большевики считали у нас утопистами, далекими от реальных жизненных процессов, реалистами же считали кадетов. Опыт жизни научает обратному. Утопистами и фантазерами были кадеты. Они мечтали о каком-то правовом строе в России, о правах и свободах человека и гражданина в русских условиях. Бессмысленные мечтания, неправдоподобные утопии! Большевики оказались настоящими реалистами, они осуществляли наиболее возможное, действовали в направлении наименьшего сопротивления, они были минималистами, а не максималистами. Они приспособлялись к интересам масс, к инстинктам масс, к русским традициям властвования. Утопии осуществимы, они осуществимее того, что представлялось "реальной политикой" и что было лишь рационалистическим расчетом кабинетных людей» [2. — С. 37].

За десятилетия советской власти эти инстинкты были прочно закреплены на идеологическом уровне и в повседневной практике. Тем самым усиливалась основа российского консервативного традиционализма, были сформированы экономические, социально-политические и психологические условия обеспечения преемственности с глубинными традициями российской поли-

тической культуры. В начале 1990-х гг. этим традициям был вновь брошен вызов, причем в тот исторический момент, который оказался чрезвычайно благоприятным для выдвижения альтернативной программы: российское государство переживало глубокий кризис ценностей, вызванный полной дезориентацией общественного сознания, которая стала закономерным результатом краха инициированной Горбачевым «перестройки».

Возникает естественный вопрос: в какой мере политическая философия либерализма разделяет вину либералов-политиков, тщетно пытавшихся в различные исторические эпохи применить ее в России на практике? Или же для нашей страны будет вечно актуален «самый большой парадокс в судьбе России», чрезвычайно метко охарактеризованный Н.А. Бердяевым: «либеральные идеи, идеи права, как и идеи социального реформизма, оказались в России утопическими. Большевизм же оказался наименее утопическим и наиболее реалистическим, наиболее соответствующим всей ситуации, как она сложилась в России в 1917 году...», а «коммунизм оказался неотвратимой судьбой России, внутренним моментом в судьбе русского народа» [3. — С. 93]?

Ответы на поставленные выше вопросы могут быть получены, например, путем сравнения России и современных цивилизованных стран, прошедших период индустриальной модернизации и вступивших на рубеже XX–XXI вв. в постиндустриальную эру. И в Великобритании, ставшей в XIX в. своеобразной лабораторией, в которой принципы либерализма успешно прошли историческую проверку, и во многих западноевропейских странах, а также в США повсеместно распространено убеждение, что именно эти принципы лежат в основе как экономической эффективности, так и стабильности демократических институтов и системы административного управления. Соответственно, в случае если программа

либерализации экономики и политической системы терпит неудачу, как это случилось в посткоммунистической России, возникающие в общественном сознании различные варианты анализа причин неэффективности либерализма во многом определяются идеологическими предпочтениями участников многочисленных дискуссий. Однако все существующие на данный момент способы объяснения сводятся к двум основным: либо либеральные принципы не являются универсальными, либо исторические особенности социально-политического и экономического развития страны («русский путь») и сформировавшаяся в специфических условиях ментальность россиян исключают возможность их реализации в ближайшей перспективе.

При этом большинство сторонников второго варианта — как ученые, так и практические политики — постоянно выделяют в качестве главного довода отсутствие в России правовой культуры, который был всесторонне обоснован еще в начале XX в. авторами сборника «Вехи». Например, А. Валицкий в своей книге «Философия права русского либерализма» считает этот довод решающим: «Окончание работы над книгой, — отмечает он, — совпало во времени с избранием на пост генерального секретаря КПСС Михаила Горбачёва. В конце 1986 г. я уже видел основания для надежды, что политика нового лидера ускорит запоздалый, но неотвратимый процесс детоталитаризации СССР, что приведет, в свою очередь, к демонтажу “реального социализма” и отказу от легитимизирующей его коммунистической идеологии. Мне хотелось верить, что это может произойти на путях разумной “политики права” (выражение Петражицкого), без опасного разжигания политических страстей и тем более хаотического демонтажа хозяйственных структур. Из этого видно, что правильное предчувствие “великой перемены” сочеталось у меня с чрезмерным оптимизмом отно-

сительно судеб новой, возрожденной России. На самом деле переход России к экономической и политической свободе оказался настолько трудным и разочаровывающим, что само понятие либерализма дискредитировалось в глазах широких слоев населения. Тем более важно подчеркнуть, что лучшие представители русской либеральной традиции никогда не отождествляли либерализм с неограниченной свободой рынка, ослаблением государственности и неконтролируемым ростом социального неравенства. Напротив, они защищали идею центрального места права в либеральной культуре, обосновывали программу превращения России в правовое государство, заботящееся о честности экономического соревнования и стремящееся обеспечить каждому гражданину “право и достойное существование”» [4. — С. 21].

В истории российской философской и политической мысли обозначенные выше вопросы постоянно возникали в том или ином виде в спорах сторонников либерализма и его принципиальных противников со второй половины XVIII до конца XX столетий. Однако адекватный научный анализ этих споров во многом зависит от возможности сформировать исходную «классификационную модель», с помощью которой может быть разработана приемлемая в научном плане типология российского либерализма, объединяющая исторический и сугубо теоретический подходы. Решение этой проблемы осложняется чрезвычайным многообразием научных и философских интерпретаций как самого понятия «либерализм», так и исторических истоков и смысловой структуры либеральной идеологии.

Научная и философская литература, посвященная либерализму безбрежна: даже для простого и поверхностного изучения монографий и статей, появившихся во второй половине XX — начале XXI в., молодому ученому может не хватить научной жизни. Однако уже беглого взгляда на опубликованные книги

и статьи вполне достаточно, чтобы прийти к совершенно определенному и далеко не утешительному выводу: универсальных типологий либерализма до сих пор не существует. Линии, разделяющие его интерпретации, проходят по многим сферам жизнедеятельности и культуры — экономической, политической, социальной, и деятельности интеллектуальной — философии, истории, политике, по регионам и странам, историческим этапам эволюции общественной мысли. Обсуждая сравнительно недавно эту проблему, М. Фриден вполне справедливо и весьма остроумно отмечал: «Не существует единственной, недвусмысленной вещи, называемой либерализмом. Все либерализмы, которые когда-либо существовали и продолжают существовать, выбирают — обдуманно или бессознательно — определенные номера из накопившегося и переполненного либерального репертуара и откладывают в сторону прочие то ли потому, что некоторые элементы несовместимы с другими, то ли из-за изменения интеллектуальных мод и практик. Как следствие, множество систем верований и теорий гнездятся под заголовком “либерализм” и ни одна из них не может вместить в себя все возможности — идеи и разновидности политического устройства, — которые могут в себе заключать или сам термин в своей максимальной, но гипотетической полноте, или же те виды либеральных политических практик, которые накопились во времени и в пространстве» [10. — Р. 5].

Как свидетельствует опыт эволюции идеологического дискурса на Западе со второй половины XX в., инерция фундаментального скептицизма в отношении теоретических и практических возможностей либеральной идеологии оказалась настолько мощной, что и в начале XXI в. альянс ученых и философов, выступающих против направления, именуемого ими «гегемонистским либерализмом», продолжал только укрепляться. Одним из важных моментов

этого процесса стала разработка своеобразной философии и «историософии» антилиберализма в многочисленных трудах экономистов, социологов, философов и политических теоретиков, критиковавших либерализм не только с учетом современных реалий, но стремившихся опираться на давнюю, восходящую в эпоху Просвещения традицию неприятия либеральной философии. «Гегемонистские либералы, — отмечает С. Вольф-Девин, — стремятся распространить либеральные принципы на любую сферу жизни, даже на частные ассоциации, такие как семья и церковь. Конечно, проталкиваясь все дальше и дальше, гегемонистский либерализм перестает быть либеральным вовсе, поскольку ему не удается продемонстрировать какое-либо уважение к предпочтениям и представлениям о совести людей, чуждающихся либерализма» [12. — Р. 42]. Антилиберальный взгляд на исторический процесс состоит в том, что процесс либерализации и сам либерализм как направление экономической и политической мысли и практики, с точки зрения его противников, всегда развивались по восходящей линии в духе книги Френсиса Фукуямы «Конец истории и последний человек». Со второй половины XVIII в. его развитие действительно было поступательным, но к концу XIX в. векторы исторического развития резко изменились в неблагоприятном для либерализма направлении.

Некоторые экономисты (например, Дэвид Хендерсон и др.) рассматривают саму идею «неолиберальной гегемонии» как пропагандистский миф, подчеркивая, что политика британских неоконсерваторов в 1979–1990 гг. была лишь отчасти либеральной и затрагивала только некоторые отрасли производства, в то время как в других сферах социальной политики (например, в сфере науки) она имела сугубо дирижистский характер [11. — Р. 8–10]. К началу XXI в. «характерное большинство позиций по экономическим

вопросам является антилиберальным» [11. — Р. 13]. Антилиберализм в начале XXI в. во многом отличается от аналогичных направлений, которые возникли четверть века назад. Д. Хендерсон выделяет его современные и весьма существенные отличительные черты:

1. Рост сторонников экономической политики советского и (или) китайского типа;

2. Резкое усиление критики неолиберальных реформ;

3. Увеличение стран, групп и ассоциаций, причисляющих себя к жертвам политики неоконцов и выступающих за активное государственное вмешательство в регулирование экономики и других сфер общественной жизни [11. — Р. 21].

Иными словами, антилиберализм как направление общественной мысли и социальной политики отнюдь не пошел на убыль.

Исторически обусловленные трансформации, происходившие с либерализмом на Западе на протяжении, по крайней мере, трех последних веков, имеют принципиально важное значение для современных исследователей российского либерализма, прежде всего потому, что многие охарактеризованные выше линии эволюции либеральной и антилиберальной традиций воспроизводились в России на том же витке исторической спирали, одновременно демонстрируя ярко выраженную историческую специфику. Одна из важнейших особенностей российского идеологического дискурса состояла в том, что его эволюция зачастую выглядит как наглядное опровержение знаменитого тезиса К. Маннгейма, сформулированного им в своей известной работе «Идеология и утопия»: «Консервативное мышление не склонялось... к созданию идей. В эту сферу борьбы его едва ли не насильно ввел его либеральный противник. Своеобразие духовного развития как будто и состоит именно в том, что темп и форму борьбы диктует противник,

выступивший последним. Конечно, дело обстоит совсем не так, как это стремится доказать “прогрессивное мышление”, согласно которому право на существование имеет лишь новое, а все остальное постепенно отмирает, в действительности же под воздействием нового старое должно постепенно преобразоваться и приспособливаться к уровню своего последнего противника» [6. — С. 195].

В России, напротив, либерализм в XVIII–XX вв. развивался именно как ответная реакция на нападки со стороны более мощных консервативных, а в дальнейшем и социалистических конкурентов и противников. Например, к началу XX в. существенное отличие России от Западной Европы и США заключалось в том, что процесс формирования политических партий в эпоху первой русской революции во многом определялся политическими радикалами: ультрареволюционной тактике левого крыла РСДРП и эсеров противостоял Союз русского народа, лидеры которого апеллировали к самодержавию как единственному центру силы, способному справиться с «марксистскими смутьянами» и с руководителями «масонского заговора», верховодящими в Государственной Думе. В этих условиях идеи и политика российских либеральных партий, направленная на создание в России конституционного режима, выглядела визионерской и, как и предсказывал Макс Вебер в знаменитой переписке с русскими либералами, была заранее обречена на провал, если только они не переходили на более консервативные позиции. «Чем более социалистическим становился радикализм в России, — отмечает К. фон Бейме в работе «Политические теории в России», — тем больше либералы ориентировались в направлении консерватизма. “Либеральный консерватизм” (“Liberal-Konservatismus”) был излюбленной самохарактеристикой (Selbstbeschreibung) для этой концепции от Чичерина до Струве. В условиях

все более сгущавшейся автократии консерватизм-статус кво (ein Status-quo-Konservatismus) не мог иметь успех. Даже консерватизм становился оппозиционным по мере того, как он все больше проникался намерением быть романтически-славянофильским и по большей части отчужденным от государства. Поэтому в рамках такой системы либеральные консерваторы должны были брать на себя функцию консерватизма. Струве однажды заметил, что русский народ слишком долго топтался на месте, чтобы позволить себе быть консервативным» [8. — S. 55].

На наш взгляд, все эти обстоятельства не вносили ясность в понимание того, что собой представляет либерализм на русской почве, но, наоборот, создавали дополнительные трудности в решении принципиально важного вопроса: «Одно из двух: или Россия в самом деле такая страна, что в ней все делается навыворот, или в самой оценке занимающего нас факта есть какая-нибудь фальшь» [5. — С. 354].

Такого рода теоретические наблюдения постоянно воспроизводятся в современных политико-философских дискурсах и по-прежнему сохраняют актуальность, поскольку они являются отражением вполне реального процесса, предпосылки которого наметились в Западной Европе и США со второй половины XX в. Результатом данного процесса становится, прежде всего, основополагающий консенсус относительно всеобщих политических ценностей — равенства, гражданских прав, демократических процедур принятия решений на базе признания существующих социальных и политических институтов. Был провозглашен курс на прогрессирующую стабильность, взаимопроникновение взглядов представителей различных классов на принципиальные социально-политические проблемы, постепенное исчезновение конфликтов [9. — S. 29–33].

Разумеется, в посткоммунистической России 1990-х гг. ни о каком граж-

данском обществе и идеологическом консенсусе никто из ученых, знакомых с послевоенной историей, всерьез рассуждать не может. Советская система с самого начала была воспроизведением на новом витке исторической спирали бюрократического, «приказного» типа государственного и политического управления, хорошо обрисованного А.Д. Градовским. В большинстве посткоммунистических стран идеал гражданской свободы также оказался первоначально реализованным в новом государственном аппарате и новой бюрократии. По своему характеру эти социальные структуры составляли явный контраст западным традициям. Причины, обусловившие новый, слегка либерализированный пароксизм традиционной бюрократической матрицы, были, конечно, различными. В России с ее традициями патриархальной монархической и тоталитарной коммунистической политической культуры концепция либеральной демократии и гражданского общества, будучи встроеной в догматический псевдолиберальный проект, оказалась еще более идеологизированной и далекой от реальности. Антитоталитарная направленность этой концепции с примесью традиционной антикоммунистической риторики приводила, как правило, к тому, что она искажала и камуфлировала реальный процесс разложения советского общества в направлении формирования неономенклатурного государства, нуждавшегося именно в идеологических мутантах либерализма и демократии, а не в действительном развитии гражданского общества в качестве противовеса государству. Нет никаких сомнений в том, что западный вариант модернизации и сам почти идиллический образ Запада, который когда-то был столь привлекательным для многих поколений русских либералов, почти полностью себя исчерпали. В современном мире возникают новые альтернативы как либеральному космополитическому мультикультурализму,

доминировавшему на протяжении последних нескольких десятилетий, так и тому тупиковому варианту развития, который был избран посткоммунистической неономенклатурной элитой в 1990-е гг. с целью установления то-

тального контроля над национальными ресурсами и политическим процессом. Результатом псевдореформ стало вполне закономерное восстановление структурных элементов, близко напоминающих нам недавнее прошлое.

Литература

1. *Бенуа А. де.* Против либерализма (к Четвертой политической теории). — СПб.: Амфора; ТИД Амфора, 2009. — 476 с.
2. *Бердяев Н.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. — М.: СП Интерпринт, 1990. — 82 с.
3. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — М.: Наука, 1990. — 223 с.
4. *Валицкий А.* Философия права русского либерализма. — М.: Мысль, 2012. — 566 с.
5. *Градовский А.Д.* Реформы и народность // Градовский А.Д. Собрание сочинений. — Т. 6. — С.-Петербург: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. — С. 353–374.
6. *Манхейм К.* Идеология и утопия // Манхейм К. Диагноз нашего времени. — М.: Юрист, 1994. — С. 7–276.
7. *Самир Амин.* Вирус либерализма: перманентная война и американизация мира. — М.: Европа, 2007. — 168 с.
8. *Веуме К. von.* Politische Theorien in Russland. 1789 — 1945. — Wiesbaden: Springer Fachmedien, 2001. — 213 S.
9. *Веуме К. von.* Liberalismus. Theorien des Liberalismus und Radikalismus im Zeitalter der Ideologien. 1789–1945. — Wiesbaden: Springer, 2013. — 328 S.
10. *Freeden M.* Liberalism. A Very Short Introduction. — Oxford: Oxford University Press, 2015. — 153 p.
11. *Henderson D.* Anti-liberalism 2000. The Rise of New Millenium Collectivism. — London: The Institute of Economic Affairs, 2001. — 57 p.
12. *Wolf-Devine C.* The Hegemonic Liberalism of Susan Moller Okin // Liberalism at the Crossroads. An Introduction to Contemporary Liberal Political Theory and Its Critics. Second Edition / Ed. by Chr. Wolfe. — Lahnam; Boulder; New York; Oxford: Rowman and Littlefield Publishers, Inc., 2003. — P. 41–60.

СОТРУДНИЧЕСТВО КАК ФУНДАМЕНТ МЕЖДУНАРОДНОЙ ПОЛИТИКИ (УТОПИИ, КАКОТОПИИ, ИМПЕРИИ И ИХ СУЩНОСТЬ)

Аннотация

В центре внимания автора извечный вопрос политической науки о том что представляет из себя идеальное общество. Реальность такова, что наш мир больше напоминает дистопию или какотопию как негативные формы воплощения утопических идеалов. Поэтому многие уже давно потеряли веру в утопии всех видов и обращаются к исследованию успешных практик прошлого — ретротопии. Автор анализирует виды и сущность империи как успешной формы политического устройства и общества. Величие старейших и павших империй становится идеологией для некоторых современных режимов, а возврат к нему — целью, которую нужно достичь в будущем. Из-за неоднозначного толкования исторического контекста и восприятия прошедших общественных событий через призму славы, побед и величия империй прошлого ретротопия может дать начало национализму и политическому экстремизму, использованию «мягкой силы» и политики воздействия на сферы влияния в частных интересах. Сотрудничество, напротив, может привести к увеличению технологических показателей стран, обеспечению всех необходимыми ресурсами и потому является фундаментом международной политики.

Ключевые слова: идеальное государство, утопия, какотопия, ретротопия, империя, империализм, глобализация, сферы влияния, международное сотрудничество.

Автор

Хосе Космелли

Профессор, доктор философии,
ректор и председатель попечительского совета
государственного Университета «Про-Део»
(Сарасота, США)

УТОПИИ И КАКОТОПИИ

Когда Сэр Томас Мор (был канонизирован католической церковью) написал свою знаменитую книгу «О наилучшем устройстве государства и о новом острове Утопия» («*De Optimo Reipublicae Statu Deque Nova Insula Utopia*»), известную как «Утопия» и опубликованную в 1516 г., он не мог и представить, каким огромным успехом она будет пользоваться у последующих поколений.

Часть успеха этого сочинения кроется во второй части книги, в которой автор описывает выдуманный остров

под названием *Утопия*. Это место расположено далеко среди океана, в нем все — от органов государственной власти до граждан и быта — совершенно, а суверенное государство находится под управлением мудрого и великодушного правителя. Сэр Томас Мор дал острову название на основе древнегреческого слова, состоящего из корня «*ου*», означающего «не» и «*τόπος*» — «место», поэтому Утопия — это место, которого нет или, скажем лучше, место, которое не существует и не может существовать. Утопия — это эталон, образ идеального государства и общества.

Тем не менее слово «утопия» — это игра слов, состоящая в созвучности с почти идентичным ему древнегреческим словом, которое означает Благое или Счастливое место (состоит из корней «*eu*» — «*благой*» и «*tópos*» — «*место*»). Итак, используя игру слов, автор будто намекает на важнейший вопрос: может ли идеальный мир быть когда-либо реализован?

Существенное отличие между утопией и так называемой еутопией состоит в том, что утопия — абсолютное совершенство — это несуществующее место; состояние, которое невозможно достичь; в то время как благое место — еутопия, где люди счастливы, возможно и уже существует. Фактически в наше время составляют рейтинги стран, где лучше всего жить и где граждане больше всего счастливы. Но в реальности, несмотря на то, что некоторые утопические идеалисты выбрали это воображаемое сообщество как реалистичную модель для существующих народов, и несмотря на многообещающие лозунги политиков во время электоральных кампаний, реальность такова, что наш мир больше напоминает дистопию (слово, означающее *плохое место*, состоящее из двух корней «*dys*» — «*плохой*» и «*tópos*» — «*место*»). А в некоторых местах планеты, к сожалению, реальность больше соответствует идее о какотопии (от древнегреческого «*kakós*» — «*ужасный, несчастный*» и «*tópos*» — «*место*»).

Понятие «какотопия» было впервые использовано английским философом Джереми Бентамом (1748–1832) в его книге о Парламентской реформе, чтобы описать самое негативное состояние общества, где властвуют хаос и дезинтеграция. Граждане в таком обществе живут без морали и этики, в нечеловеческом состоянии и в отвратительных условиях среды, которые явились результатом неуважительного отношения к природе. Они управляются тоталитарной силой и видят окружающий

их мир в качестве угрозы библейского эсхатологического¹ конца.

Так как дистопии и какотопии сейчас, как и в прошлом, существуют, скорее, в качестве отрицательной и даже «дьявольской» перспективы, многие уже давно потеряли веру в утопии всех видов, цветов, теней и форм, так же как и веру в многообещающее и счастливое будущее, где люди смогут достигнуть абсолютного счастья в каких-либо будущих идеальных государствах. Более того, потеряв веру в то, что мы можем назвать «метаеутопия» (будущее счастье), многие сегодня вновь высказывают свою точку зрения, направленную не на предстоящее, а на прошедшее; не на построение будущего, но на обращение назад, к прошлому их народов. Это происходит из-за распространяющегося разочарования относительно природы будущего, вызванного терроризмом, фундаментализмом, нетерпимостью различных видов, бедностью, войнами, жестокостью и гнетом, коррупцией, безработицей, жестоким обращением с детьми, социальным и экономическим неравенством и т.д.

Появление ретропии, где «ретро» происходит от латинского «*retro*», означающего «*в прошлом*», вызвано, цитирую: «*усугублением пропасти между силой, деньгами и политикой, которая является определяющей чертой нашего современного быстроменяющегося мира — пропасти между возможностью осуществить что-либо и способностью решать что именно должно быть осуществлено, способностью, которая однажды была делигирована территориально суверенному государству.*

Эта углубляющаяся пропасть сделала государства-нации неспособными выполнять свои обещания, тем самым давая возникнуть распространяющемуся

¹ Эсхатология — часть теологии, связанная с последними событиями истории или предназначением человечества. Эта концепция обычно называется «Конец мира» или «Конец времен».

са разочарованию в том, что будущее улучшит условия жизни человека, и недоверию в способность национального государства воплотить это. Согласно утопическому духу, ретротопия берет свое начало из стремления исправить недостатки существующего положения дел, возрождая неудачные и забытые практики. Воображаемые аспекты прошлого, подлинные или мнимые, представляют в качестве важнейших ориентиров при построении дорожной карты на пути к лучшему миру. Потеряв веру в идею построения альтернативного общества будущего, многие, напротив, обращаются к великим идеям прошлого, забытым, но еще не умершим. К таким идеям, как ретротопия, характер которой изучал Зигмунд Бауман¹. Он провел тщательный анализ связи современного состояния общества с прошлым» [5].

Из-за неоднозначного толкования исторического контекста, то есть когда восприятие и интерперетация прошедших общественных событий сфокусированы на славе, победах и империях прошлого, ретротопия дала начало современному национализму, политическому экстремизму и фундаментализму всех видов.

ИМПЕРИИ

Величие старейших и павших империй становится идеологией, а возврат к нему — целью, которую нужно достичь в будущем. Однако если мы внимательно и независимо посмотрим на эту проблему, то обнаружим, что, фактически, со времен первой империи в Месопотамии и по сей день империи никогда не прекращали существовать, они лишь использовали все новые формы господства и принимали новые обличья.

¹ Зигмунт Бауман (польск. Zygmunt Bauman, 1925–2017) — профессор социологии в Университете Лидса, Великобритания (University of Leeds).

На этом моменте мы хотели бы уточнить, что в этой статье мы не высказываем каких-либо личных предубеждений или мнений — позитивных или негативных — об империи или империализме. Мы переняли термин «империя» из словарей и определяем ее как «группу государств или наций, управляемых единственным правителем, олигархией или суверенным государством». Нация определяется нами как «большое количество людей, объединенных общими происхождением, историей, культурой и языком и населяющих определенную страну или территорию» [15].

Том Нэйрн и Пол Джеймс (Tom Nairn and Paul James) определяют империи как формы или процессы в гражданских институтах, «распространяющие силовые отношения на территориальные пространства, над которыми у них нет действительного или легального суверенитета и где в одной или нескольких сферах жизни общества: в экономике, политике или культуре — они получают некоторый объем властных полномочий над этими пространствами с целью извлечения или накопления выгоды» [6].

Империи обычно формируются на основе различных этнических, национальных, культурных, экономических и религиозных компонентов. Все империи были величественны и влиятельны в своем роде и оказывали значительное воздействие на культуру, экономику, религию, общественную организацию и прогресс как в доминирующих, так и в подавляемых ими обществах.

Империи ответственны за процесс глобализации, так как они были мультиэтническими и мультинациональными государствами с политическим и/или военным преобладанием населения, которое было культурно и этнически отделено от имперской (или правящей) этнической группы и их культуры. В этом кроется главное различие между империей и федерацией. Фе-

дерации — это крупные государства, географически разнообразные, но состоящие из добровольно объединившихся автономных частей: государств, наций или народов.

Империя — это огромная политическая система, которая управляет, контролирует или влияет на территории и народы за пределами своих национальных границ. Исходя из этого, мы можем выделить пять основных типов империй: империи с неделимой территорией, колониальные империи с заграничными владениями, империи влияния, культурные империи и концептуальные империи.

Империи с неделимой территорией (континентальные)

Первые империи появились в результате захвата земель или завоевания одним государством своих соседей. Тем самым они увеличивали свои территориальные границы и поглощали коренное население павших государств. Экспансия, начинавшаяся от границ государства и поглощающая все на своем пути, требовала значительного военного потенциала и хорошо организованного централизованного управления. Некоторыми наиболее влиятельными и известными империями были:

- Держава Ахеменидов (Первая Персидская Империя), основанная Киром II Великим, «царем царей» (Шахиншах) около 550 г. до н.э. Империя оставила многовековое наследие будущим империям, оказав влияние на последующее развитие мировой цивилизации. Держава Ахеменидов была первой настоящей империей, которая заложила своеобразный стандарт того, какой должна быть империя;
- Римская империя — образец для всех иных империй, она оставила после себя важнейшее наследие во многих сферах жизни человека:

в культуре, политике, законодательстве, публичной деятельности, архитектуре, философии, гражданском строительстве и даже в религии;

- Исламское государство в Аравии, известное как Арабский халифат, основанное исламским пророком Мухаммедом, который объединил большую часть Аравии ко времени своей смерти в 632 г. н.э.;
- Монгольская империя, основанная Чингисханом в 1206 г. н.э., побеждавшая более многочисленных и сильнейших врагов, чем она сама и обладавшая крупнейшей в мировой истории смежной территорией;
- Империя Карла Великого, Китайская империя, Священная римская империя, Первая французская империя (в эпоху Наполеона) и др.

Колониальные империи с заграничными владениями

Колониальная империя — это совокупность территорий, называемых колониями, расположенных за границей государства-метрополии и являющихся менее развитыми в соотношении с колонизирующей страной. Эта империя состоит из земель, не имеющих общей территориальной границы.

Колониальные империи появились вместе с навигацией в то время самых продвинутых европейских морских держав XV столетия: Португалии, а за ней Испании. Первичным импульсом развития этих империй выступила торговая активность: они были движимы новыми идеями и новой экономической системой, появившимися в эпоху Возрождения.

Европейский империализм зародился, когда другие военно-морские державы, такие как Великобритания, Голландия и Франция, последовали примерам Португалии и Испании. Эти империи пали после Второй мировой войны.

Империи влияния (неформальные)

В области международных отношений их также называют «сферы влияния» или «зоны влияния». Такие империи состоят из менее развитого государства или региона (обычно представляют из себя дистопии и какотопии), приспособляющиеся к политическим, экономическим, коммерческим и военным интересам иностранных государств. Это форма существования «мягкой силы» (без военного принуждения). В крайнем случае государство в рамках «сферы влияния» другого может стать подконтрольным ему и рассматриваться в качестве его спутника. Сферы влияния как политические системы, при помощи которых одни государства эффективно вмешиваются в дела других, действуют и по сей день.

Британская империя является наглядным примером этой концепции. Когда с окончанием Второй мировой войны все колониальные империи стали распадаться, Британская колониальная империя поступила разумно и трансформировалась из господствующей империи в империю влияния при помощи создания Британского содружества наций, сообщества интересов и сфер влияния.

Из этой концепции нельзя исключить также проповедующие церковные организации и религии, которые де-факто оказывают сильное влияние (не только моральное) и на население, и на правительство многих стран. Некоторые распространенные религии на практике очевидно являются неформальными империями.

Культурные империи

С древних времен мы можем отметить существование культурных трендов, которые выходят далеко за границы наций и этнических групп и охватывают широкие географические регионы и различные народы. К при-

меру, это верно для мегаллитической культуры, которая распространилась от французской Бретани до Гибралтара или для культуры колоколовидных кубков, охватившей область от Скандинавии до Средиземноморья; примечательна ронская культура, характеризующаяся прекрасными бронзовыми артефактами (зародилась на современной территории Швейцарии и пришла на Средиземноморье).

Другие культурные империи продолжают свое существование и действуют гораздо дольше своих территориальных или колониальных империй, к примеру: греко-латинская культура, иудеохристианская культура, исламская культура, португальская культура, испанская культура, охватывающие территории своих экс-колоний.

Культурные империи, вероятно, являются самым позитивным результатом существования территориальных империй прошлого и являются интегративной частью процесса глобализации.

Концептуальные империи (семантические)

Иногда империя является ничем иным как семантическим конструктом. Это происходит, когда правитель (чаще всего диктатор) присваивает себе титул императора, а его государство, соответственно, становится империей, несмотря на отсутствие какой-либо дополнительной территории, внешнего господства или влияния на других.

Примерами семантических империй являются Центральноафриканская империя Бокасса или Корейская империя, провозглашенная в 1897 г., когда Корея оказалась на грани аннексии Японской империей (эта империя официально являлась таковой). Кроме того, семантическими империями в XX в. были государственные системы в Ефиопии и во Вьетнаме, марионеточное государство Маньчжоу-го и немецкие государственные образования.

Тем не менее можно выделить существенные отличия между несколькими империями, они проявляются в длительности величия империй. Одни империи были недолговечны, так как основаны на войнах и захвате земель, такие как: Империи Александра Македонского, Гитлера, Наполеона, Дария I и Чингисхана. Другие империи существовали длительное время: Древний Египет, Византийская империя, которая просуществовала 1100 лет, Римская, Османская, Португальская, Испанская и Британская империя, действовавшая 400 лет. Это лишь небольшой список подобных империй.

Империи, существующие на протяжении длительного времени, обязаны своим долголетием тому, что в них был заложен фундамент для объединения. Это фундамент, обеспеченный сильными и эффективными центральными органами власти, единой экономикой (иногда использовалась единая валюта), культурой, языком, защитой от общих врагов, толерантностью (даже уважением) к разнообразию и единым законодательством (наследство Хаммурапи и ассирийцев). Он воздействовал на последующее развитие общества, начав процесс глобализации. Благодаря фундаменту началось смешение народов, сделалось возможным знакомство и взаимодействие между различными культурами. Это оказало сильное политическое и социальное влияние на эволюцию и развитие общества с прошлых времен.

Известно, что универсальных империй (как и универсальных обществ) не существовало, так же как и очевидно то, что империи никогда не были утопиями, а их фрагментация быстро превращалась для колонизируемых в какотопии. Однако империи обладали величием, славой и богатством — это причины, по которым многие политические партии используют ретротопии, чтобы вызывать национальные чувства.

СОТРУДНИЧЕСТВО

В настоящее время новые империи называют *супердержавами*. Цитируем: «Супердержава — термин, используемый для описания государства с доминирующей позицией, которое характеризуется способностью оказывать влияние или показывать силу в глобальных масштабах. Это происходит за счет комплексных мер: экономической, военной, технологической и культурной силы, наряду с применением дипломатии и “мягкой силы”» [8]. Из-за трудности завоевания новых территорий, то есть трудности выступать в качестве континентальных империй, супердержавы становятся империями влияния, в которых каждая из них пытается привлечь другие страны (многие из них являются дистопиями или какотопиями) в их сферу влияния, используя различные средства в качестве аргументов: от дипломатической поддержки и поддержки местных политических лидеров, финансовой зависимости или импорта товаров и сырья до продажи оружия и т.д.

Конечно, существуют и исключения среди супердержав и сильных государств, которые, вместо того, чтобы проводить геостратегическую политику для своих империй, предпочитают обратиться к своим историческим особенностям (истокам) и сосредотачиваются на себе. Они неожиданно прибегают к ретротопии, которая, однако, может привести только к падению государства.

Тем не менее все средства и аргументы, используемые большинством супердержав, чтобы привлечь другие страны в их сферу влияния, основаны на краткосрочных интересах, которые разнятся в соответствии с мировой конъюнктурой и статусом-кво на данный момент.

Как мы могли понять ранее, интересы не лучший фундамент как для установления прочных долгосрочных отношений, так и для построения силь-

ных империй, даже если они являются лишь империями влияния в регионе. Все потому, что при помощи таких мер преимущества получает только часть местного населения, а остальным не достается вообще никаких существенных преимуществ.

Чтобы создать сильные империи влияния, супердержавам необходим хороший и прочный фундамент — таковым в наше время является лишь сотрудничество.

Сотрудничество не должно замещать экономические или политические интересы империй, но должно укреплять их. Оно может охватывать и включать в себя различные аспекты, необходимые населением дистопий и какотопий, такие, как: культура, здравоохранение, образование, законодательство, технологический трансфер. Они могут поднять технологические показатели этих стран и обеспечить их даже такими простыми вещами: чистой водой или лучшей окружающей средой.

Под сотрудничеством мы понимаем реальное и эффективное сотрудничество, а не выгодный бизнес, предпринимаемый и осуществляемый многими НПО, которые не позволяют 75–80% пожертвований достигнуть своих нужд.

Одним из ярких представителей честного и верного использования механизма сотрудничества является Федерация автономных монастырей

Суверенного военного гостеприимного ордена Святого Иоанна, Иерусалима, Родоса и Мальты (КМФАР). Организация является прямым и легальным последователем Ордена святого Иоанна, также известного как Госпитальеры или Рыцари Мальты. Федерация выступает в качестве нетерриториального суверенного государства, и в этом качестве признается многими государствами, с которыми оно поддерживает регулярные дипломатические отношения на уровне посольств, в соответствии с Венской конвенцией 1961 года о дипломатических отношениях.

Конечно же, эту организацию нельзя считать супердержавой или империей из-за ее размеров, но она, бесспорно, является государством влияния, политически и экономически самостоятельной организацией, не поддерживающей чьи-либо интересы, по-настоящему суверенной в своих решениях, независимой от финансирования со стороны других стран, толерантной и приспособленной к реалиям XXI века.

Влияние Федерации используется, чтобы воздвигнуть мосты между нациями и людьми, между частными интересами и навязанными международным сообществом мерами. Гуманитарная активность организации является подлинной основой ее внешнеполитического курса, направленного на благо населения.

Литература

1. More, Thomas (1516/1967), «Utopia», trans. John P. Dolan, in James J. Greene and John P. Dolan, ed., *The Essential Thomas More*, New York: New American Library.
2. Eagleton, Terry. Utopias, past and present: why Thomas More remains astonishingly radical // *The Guardian*. [Electronic source]. — URL: <https://www.theguardian.com/books/2015/oct/16/utopias-past-present-thomas-more-terry-eagleton>.
3. Abdo, Humberto. 3 reflexões para entender o pensamento de Zygmunt Bauman // *Revista Galileu*. [Electronic source]. — URL: <https://revistagalileu.globo.com/Sociedade/noticia/2016/12/3-reflexoes-para-entender-o-pensamento-de-zygmunt-bauman.html> (Date of Request 19/12/2016).
4. Dennis de Oliveira. Bauman: Para que a utopia renasça é preciso confiar no potencial humano // *Revista Cult* n°138. [Electronic source]. — URL: <https://revistacult.uol.com.br/home/entrevista-zygmunt-bauman/>.
5. Bauman, Zygmunt. *Retrotopia*, Translation by Renato Aguiar. Jorge Zahar Editor. [Electronic source]. — URL: <https://zahar.com.br/livro/retrotopia> (Date of Request 03/09/2016).
6. James, Paul and Nairn, Tom. *Globalization and violence*. London: SAGE, 2006.

7. Baylis, John, Sir Smith, Steve M. and Owens, Patricia. The Globalization of World Politics: An Introduction to International Relations 7th Edition. Oxford: Oxford University Press, 2006. — 640 P.
8. Superpower. Wikipedia the free encyclopedia. [Electronic source]. — URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Superpower>.
9. Cambridge Dictionary. Several entries and articles. [Electronic source]. — URL: <https://dictionary.cambridge.org/ru/>.
10. Da Redação. The Great Empires. Revista // Super Interessante. [Electronic source]. — URL: <https://super.abril.com.br/historia/grandes-navegacoes/>. (Date of Request May 2016).
11. Borges, Anselmo. Utopias, Distopia e Retrotopia // Diário Notícias. [Electronic source]. — URL: <https://www.dn.pt/opiniao/opiniao-dn/anselmo-borges/interior/utopias-distopias-retrotopia-5456732.html>.
12. Encyclopaedia Britannica. Several Entries. [Electronic source]. — URL: <https://www.britannica.com/>.
13. Zietsman, Derek. Rethinking Kakotopia. University of Johannesburg Kingsway Campus, Auckland Park Sep. 6 / 2017 – Oct. 4 / 2017. . [Electronic source]. — URL: <https://www.uj.ac.za/newandevents/Pages/Rethinking-Kakotopia-at-UJ.aspx>.
14. Oxford Reference. Constitutive Theory and other entries. [Electronicsource]. — URL: <http://www.oxfordreference.com/view/10.1093/oi/authority.20110803095634159>.
15. Definition of a nation. Oxford dictionaries. [Electronicsource]. — URL: <https://en.oxforddictionaries.com/definition/nation>.
16. Pillalamarri, Hakhilesh. The Five most powerful empires in History // The National Interest website — Foreign Policy Experts Roundtable, Feb. 2015. [Electronicsource]. — URL: <http://nationalinterest.org/feature/the-5-most-powerful-empires-history-12296>.

**Перевод статьи с английского языка осуществила
выпускница факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Антонина Матиешина

ОБ ИСТОКАХ И ВИДАХ ТОТАЛИТАРНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО РЕЖИМА

Аннотация

Статья посвящена исследованию исторических и идеологических предпосылок тоталитарного политического режима. Обосновывается различная природа германского нацизма и советского сталинизма как исторических форм тоталитарного режима. Рассматривается вопрос о существовании систем скрытого тоталитаризма, функционирующих на основе характерного для общества постмодерна механизма манипуляции сознанием и поведением масс.

Ключевые слова: политический режим, государство, тоталитаризм, манипуляция сознанием, идеология, этатизация.

Автор

Насыров Рафаил Валейзянович

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры теории и истории
Алтайского государственного университета
(Барнаул, Россия)

Актуальность вопроса, отраженного в названии данной статьи, объясняется тем, что есть угроза не только уже пережитого Россией коммунистического тоталитаризма, но и более изощренного и не менее опасного для страны тоталитаризма «бархатного» в виде социальной системы, основанной на скрытом механизме манипуляции сознанием и поведением человека. В России этот тип социально-политического режима не может принять вид «цветущих» западных демократий и их общества массового потребления, а неизбежно обернется для страны губительной формой, по выражению А. Зиновьева, «колониальной демократии» [14. — С. 513]. Заметно, что обсуждение вопроса о «мягком» тоталитаризме выявляет значительную распространенность среди образованных людей установок интеллектуального и духовного конформизма, которого в такой степени не было даже в советский период. Современный этап эволюции интеллигенции

(или ее исчезновения) характеризуется сменой смысла и интонаций вопроса: если раньше — «Что делать?», то теперь — «А делать-то что?». Ж. Бодрийяр пишет о том, что мысль гуманитария не должна заниматься «исключительно абстрактной спекуляцией и манипулированием философскими идеями прошлого», а призвана «оставаться гуманистической, внимательной к человеку и, следовательно, вскрывать реверсивность добра и зла, гуманного и негуманного» [7. — С. 59].

Начиная обсуждение вопроса о сущности и типологии тоталитарных политических режимов, стоит указать на скорее идеологизированный, а не научный характер противопоставления Запада и Востока по шкале персоноцентризма и уважения прав человека, так как в таких сравнениях не учитывается многообразие форм, направлений и горизонтов самовыражения личности. А. Сен оспаривает ложный стереотип об «обезличенности» восточной культуры; по его мнению, в конфуцианстве

нет слепой преданности государству, более того, допускается сопротивление дурному правителю и проповедуется, в первую очередь, преданность семье, а не государю [19. — С. 259–260]. Стоит лишь прочитать «Лунь Юй» или «Дао де Дцзин», чтобы убедиться в персоноцентризме восточной традиции. Этот персоноцентризм имеет иные интенции и формы выражения по сравнению с западной культурой. Необходимо различать внешнюю и внутреннюю свободу, и, соответственно, экстравертно и интровертно ориентированные культуры и цивилизации. К. Юнг пишет: «Западный человек, похоже, в большей степени экстравертирован, восточный же, наоборот, — скорее интроверт. Первый видит смысл вне себя, проецируя его на объекты, второй ощущает его в себе самом. Но смысл существует как извне, так и внутри нас» [27. — С. 129]. Е.А. Торчинов в своих работах показал, что восточные религии и мировоззренческие системы персоноцентричны и основаны на чистом внутреннем опыте, тогда как авраамические религии (иудаизм, христианство, ислам) носят, условно говоря, «коллективистский» характер и для них «характерна высокая степень догматизации учения и социализованности (институционализации)» [21. — С. 45]. Разумеется, во всех цивилизациях религиозный фактор был причиной социальных конфликтов, но непредвзятый историк признает, что шкала веротерпимости и религиозно-мировоззренческого плюрализма на Востоке была значительно выше, чем на Западе.

Именно западный (античный и новоевропейский) вариант развития характеризуется стремлением к поглощению индивида социально-экономическими и политическими структурами. Принципиальная возможность тоталитаризма с полным поглощением индивида государством была обоснована в утопиях именно западных мыслителей. В целом в истории восточной политико-право-

вой мысли в принципе невозможно было появление таких проектов, как «Утопия» Т. Мора или «Город Солнца» Т. Кампанеллы. Именно поэтому попытки реализовать этот «чужеродный» вариант общественного устройства, например, в России и Китае предполагали огромные жертвы. Тогда как «родственность» этой концепции Западу и предоставляет ему возможность реализовать более мягкий («бархатный») вариант тоталитаризма, что явно видно в современных западных демократиях, фундаментом которых выступает мощное и эффективное полицейское государство.

В целом современное состояние политической жизни показывает, что тоталитарный режим может быть основан не только на началах коллективизма и открытого политического насилия, но и на принципе индивидуализма. Тоталитарный характер носит идеологизированное мышление вообще, в основе которого конструктивно-проективное и рационально-утилитарное отношение к обществу и человеку. Но в научном и политическом дискурсе до сих пор термины «идея» и «идеология» употребляются как синонимы. Хотя исторический опыт России должен сформировать недоверие к идеологии вообще, к идеологии как форме общественного сознания и соответствующей практики. Идеологизация — это всегда симуляция идеи, когда живой и естественный процесс заменяется его имитацией, предпринимается попытка, образно говоря, отождествить квадрат с кругом на том основании, что он вписан в круг. Г. Марсель, рассуждая об отличии мыслителя от идеолога, указывает, что мыслитель «постоянно находится в процессе творчества; все его мысли всегда и ежеминутно поглощены проблемой». Тогда как идеолог воспринимает идеи как нечто ему принадлежащее в качестве объекта и собственности, что, по мнению философа, является основой фанатизма [15. — С. 145]. Но в настоящее

время особенно ярко проявляется тот факт, что носителем тоталитарной идеологии могут быть не только искренние фанатики, но и циничные технократы, рассматривающие общество и человека лишь как объекты их конструирования и манипуляции.

Исследование вопроса об истоках и типах тоталитарной идеологии обнаруживает ее связь с деформированным, как бы «вывернутым наизнанку» религиозным мышлением. Такая постановка вопроса в одинаковой степени уместна в отношении идеологий коммунизма и либерализма, хотя речь идет о сложной и многоступенчатой взаимосвязи. Б. Рассел рассуждал об аналогиях, связывающих христианство и марксизм и, пытаясь определить неосознаваемую самим К. Марксом основную интенцию его учения, пришел к выводу: «Маркс провозгласил себя атеистом, но придерживался космического оптимизма, который может быть оправдан только теистически» [18. — С. 940]. В своих работах М. Вебер показал, что в формировании «духа капитализма» наряду с объективными факторами большую роль сыграли религиозные (протестантские) мотивы [14]. Эта «родословная» капитализма уже не проявляется в прямом влиянии христианской веры на бизнес, но в отношении к прибыли как самоцели, определяющей смысл жизни предпринимателя, есть деформированное чувство религиозного самопожертвования; по этому поводу П. Брюкнер заметил, что «светский антагонизм успеха и неудачи подобен христианскому антагонизму спасения и гибели» [8. — С. 81]. Наконец, Н. Бердяев, говоря об ушедшей в глубокое «подполье» религиозности русских революционеров, писал: «Структура души остается та же, русские интеллигенты революционеры унаследовали ее от раскольников XVII века. И всегда главным остается исповедание какой-либо ортодоксальной веры» [5. — С. 8]. Одной из причин этой уродливой ме-

таморфозы сознания стала беспочвенность мировоззрения значительной части русской интеллигенции; но «свято место пусто не бывает», и эта пустота заполнилась взятыми извне теориями и идеологемами.

Становится очевидной ограниченность типологии политических режимов, в которых такое явление, как тоталитаризм, отождествляется лишь с немецким нацизмом и советским сталинизмом. В связи с этим укажем на идеологизированный, а не научный характер утверждений об одинаковой природе этих двух политических режимов. Объективное их исследование и справедливая оценка предполагают использование не только функционального подхода, но и телеологического, то есть совпадение внешних признаков гитлеризма и сталинизма еще не означает, что эти политические режимы имели одинаковую цель. Германский нацизм можно определить как тоталитаризм реванша, как форму мобилизации страны для завоевания необходимого для государства-метрополии пространства внешней экспансии. По итогам Первой мировой войны Германия по отношению к Великобритании и Франции стала страной «догоняющего типа» в аспекте ограничений в военной сфере и наличия колониальных владений. Но при этом не было угрозы утраты государственного суверенитета Германии. Тогда как после революции 1917 г. и Гражданской войны реально стоял вопрос о геополитической самостоятельности России и ее сохранении как государства. Трагедия была в том, что, по словам Н. Бердяева, «советская власть оказалась единственно возможной в России властью в момент разложения войны, которой русский народ не имел силы вынести, в момент духовного упадка и экономического разгрома, в момент ослабления нравственных устоев» [4. — С. 42]. Сталинизм со всеми его ужасными проявлениями оказался

тоталитаризмом выживания государства-державы.

В целом русский большевизм как идеология и стиль политического поведения сформировался внутри возникшей в Западной Европе в эпоху Нового времени тенденции этатизации (огосударствления) общественной жизни. Истоки тоталитаризма в целом и различных его модификаций содержатся в твердившемся в Новое время понимании государства как *stato* — как субъекта власти, определяющего само состояние общественной жизни. Эту задачу постановки носителями государственной власти себя в центр социального бытия можно решить, во-первых, обеспеченным в Новое время правом выступать от имени некоего абстрактного «суперсубъекта» (государства вообще), и, во-вторых, возложением на этого субъекта власти обязанности обеспечивать и реализовывать общее благо, высшую ценность и т.д. Французский социолог П. Бурдьё показывает, что широкое присутствие государства и гомогенизация общественной жизни достигаются через «монополию на официальную номинацию, на «правильную» классификацию, на «правильный» порядок» [9. — С. 76–77]. Об этом же пишет М. Фуко: «Этот аппарат должен быть сопряженным со всем телом общества, и не только в крайних пределах, которые он соединяет, но и в мельчайших деталях, ответственность за которые он на себя берет» [23. — С. 313].

Эти суждения могут вызвать недоумение — «А разве может быть иначе?» Современный человек уже не представляет себе общественную жизнь без этого широкого присутствия в той или иной форме государства в общественной жизни. Утрачено традиционное представление о том, что государство призвано реализовывать не столько регулятивную, сколько охранительную функцию. У А.С. Пушкина можно встретить непривычное для современного

уха выражение — «Князь Гвидон тот город правит». То есть город живет сам по себе, а князь лишь «подправляет» его, но не «управляет» им. Возврат к исконному значению слова «правитель» означает осознание отсутствия в нем тоталитарных коннотаций. Хотя в отдельных реакциях правителя на конфликтные ситуации стиль должен быть авторитарный, но он не предполагает постоянное «наполнение» своей властью всего социального пространства. Тогда как введенный в оборот Н. Макиавелли термин «*stato*» отражает понимание государства как субъекта власти, определяющего в целом «состояние» общественной жизни. Современное государство уже не «правит общество», в котором народ в *именительном* падеже, а «управляет обществом» — для характеристики бытия народа используется *творительный* падеж. Точно также, если основная функция государства и закона уже не охранительная, а регулятивная, то и положение государства в обществе становится «регулярным».

Мыслители эпохи Просвещения обосновывали ограниченные формы правления и стремились разграничить сферы государства и гражданского общества. Но дуализм «гражданское общество — государство» ничуть не угрожает широкому представительству государства в общественной жизни. Важно то, что выделяются только государство и индивид, в результате чего последний попадает в «объятия» первого. Парадокс в том, что определение государством четкой границы, отделяющей его от индивида, одновременно означает, что государство обеспечило для себя постоянное присутствие рядом с этим индивидом. В конце концов, трудно отрицать, что, несмотря на закрепление в конституционных актах принципов гражданского общества, прав и свобод человека и гражданина, разделения властей и т.д., в последние два-три столетия шел беспрерывный

процесс этатизации общественной жизни.

Наблюдая и обобщая эти явления, современные исследователи все чаще говорят о необходимости выделения двух видов тоталитаризма — во-первых, открытых и кратковременных тоталитарных режимов, установившихся в период ускоренной и вынужденной модернизации в странах «догоняющего» типа; и, во-вторых, — более фундаментальных и долговременных систем «мягкого» (либерального, «бархатного») тоталитаризма. Ставится вопрос: «Имеет ли тоталитаризм как бесспорный продукт современной эпохи, связанный в своем практическом осуществлении с технбюрократической рациональностью индустриальных обществ, еще и определенное родство с другими современными политическими формами»? И А. де Бенуа дает такое общее определение тоталитаризма: «Дело в выстраивании всего общества по единой модели, считающейся самой лучшей. Это, в сущности, жажда Однородности, стремление свести к единому все человеческое разнообразие, всю сложность социального организма, которое толкает эти режимы к тому, чтобы исключить любой уход в сторону, любое отклонение, любую множественность. Определяя это стремление к унификации, можно было бы говорить об идеологии Однородности и проследить ее генеалогию» [1].

Для иллюстрации тезиса о двух разновидностях тоталитаризма можно сравнить формы и масштабы проявления такого общего признака тоталитарного режима, как манипуляция сознанием основной части общества. Свобода информации не является самоцелью, а проявляется в возможности человека формировать в сознании объективное, а значит, многообразное и широкое представление об окружающем мире. В СССР, в котором искренне и всерьез были восприняты возвышенные идеалы Просвещения, государственная

система образования и пропаганды стремилась сформировать соответствующий коммунистической идеологии, но при этом широкий кругозор мировоззрения советского человека. Такая установка оказалась опасной для тоталитарного государства, так как образованный и критичный ум советского человека стал замечать проявления тоталитаризма внутри самого советского общества.

В развитых демократиях Запада уже в конце XIX в. начался процесс отказа от возвышенных идеалов Просвещения, и стала реализовываться политика формирования общества массового потребления с соответствующим механизмом упрощения сознания людей. То есть в рамках «бархатного» варианта тоталитаризма цель манипуляции человеком и обществом достигалась в направлении формирования, по выражению Г. Маркузе, «одномерного человека» с предельно узким кругозором мировоззрения основной части населения. Исследователь общества постмодерна К. Харт предостерегает: «Мы, как заложники, устроились вполне комфортно: хорошо питаемся, спим на мягких постелях и не подвергаемся пыткам» [25. — С. 97]. Ж. Бодрийяр считает, что это «общество обучения потреблению, дрессировки в потреблении, то есть новый и специфический способ социализации» [6. — С. 111].

Среди гуманитариев давно уже не считается проявлением «научного экстремизма» указывать на манипуляционный характер современной демократии. Так, Е.П. Доценко пишет: «Главной ценностью в большинстве видов общественной практики и повседневной жизни является борьба — стремление получить односторонний выигрыш, как правило, в ущерб противоположной стороне. Данное противоречие успешно затушевывается применением скрытых методов борьбы, следовательно, и нарушения прав человека, таких, как вмешательство в процесс личност-

ного развития, в процессы принятия решений. Демократическое государство в том виде, как оно сложилось в большинстве развитых стран, больше тяготеет к манипуляции как ведущему типу межсубъектных отношений» [13. — С. 256].

Если обратить внимание на такой характерный признак тоталитаризма, как вторжение в сферу личной жизни граждан, то эти факты советского быта вызывали тяжелые переживания, так как сохранялось традиционное представление о наличии интимного пространства, которое стыдно выставлять напоказ. Но эта проблема в системах «бархатного» тоталитаризма вообще снимается размыванием границ публичного и частного, устранением в этом вопросе самого чувства стыда и даже культивированием нормальности выставления напоказ самых интимных сторон личной жизни. Это результат того, что, по словам Х. Арендт, внутри новоевропейских обществ «социуму удается поглотить как все приватное, так и все публичное» [2. — С. 90].

Эти примеры показывают, что в системах «бархатного» тоталитаризма присущие этому режиму признаки проявляются не так резко, как в открытых и кратковременных тоталитарных режимах, но зато более последовательно и глубоко. Представители советского поколения могут на личном повседневном опыте понять отличие двух указанных видов тоталитаризма. Советский тоталитаризм носил характер, образно говоря, механизма, который контролировал все ветви социального дерева, подвергал их модернизации и даже некоторые его ветви безжалостно удалял; но все же на клеточном уровне «социальное дерево» оставалось еще живым. В качестве метафоры «мягкого» тоталитаризма подходит образ радиоактивного излучения, который человек может и не замечать, но при этом ветви социального дерева умирают и мутации происходят уже на клеточном

уровне. Для признания этого необходимо иметь в виду не только открытые формы проявления государственной власти, но и возникновение в условиях постиндустриального (информационного) общества новых способов и средств «внедрения государства в тело общества» (выражение М. Фуко). Так, французский философ Ж. Делез, имея в виду не только собственно тоталитарные режимы XX в., предупреждает, что наступает эпоха общества тотального контроля [12. — С. 223], а известный австрийский теоретик «информационного антиглобализма» К. Беккер пишет о «гипергосударственном контроле как орудии политики» [3. — С. 44]. Парадоксально, но к обществу, описанному Оруэллом в антиутопии «1984», становятся значительно ближе именно современные развитые демократии.

Складывается ситуация «краха проекта модерна», и гуманитарии уже не могут не замечать результатов реализации идей Просвещения. Представители этого течения философской и социально-политической мысли не увидели бы в современном обществе воплощение высоких идеалов Истины, Добра и Красоты, а человек общества потребления оказался лишь пародией на их представления о гармонично развитом человеке. Дж. Сол выражает этот факт в эпатажно-резком названии своей известной книги. О современной демократии этот автор пишет так: «Парламенты превратились в круглые цирковые арены, и в той степени, в какой они пытаются осуществлять власть, они все больше становятся рычагом, при помощи которого на общество воздействуют различные лоббистские группы» [20. — С. 356–357]. Признание допустимости такого механизма политического влияния, как лоббизм, должно вызвать у демократически ориентированного политика и юриста вопрос о соблюдении принципа равного доступа всех граждан и социальных групп к государственной власти. Поли-

тика — это сфера борьбы, и в ней решающее значение имеет сплоченность и мобильность социальных групп, а не столько их размеры. Поэтому уровень политического влияния отдельных меньшинств может быть выше их численного представительства в населении страны, так как им в большей степени удастся обеспечивать указанную мобильность и сплоченность. Вновь повторим, что эффективным способом политической борьбы является достижение состояния обезличенности и аморфности основных социальных групп. Культивирование представлений о гражданском обществе и народе как объединении «атомизированных» индивидов и позволяет обеспечить «текучесть» и «песчаную податливость» основной части общества. Ю. Хабермас утверждает: «Эта власть, режим раздутой до ложных абсолютов субъективности превращает средство осознания и эмансипации во все тот же инструмент опредмечивания и контроля; в формах хорошо замаскированного господства этот инструмент зловеще неприкосновенен» [24. — С. 63].

Общим и фундаментальным признаком двух типов тоталитаризма (открыто-кратковременного и скрыто-долговременного), раскрывающим их общую природу, выступает антитрадиционализм, стремление превратить живое и естественное в нечто искусственное, контролируемое, манипулируемое и т.д. Разумеется, возможны и религиозные проявления тоталитаризма, но тогда речь идет о тоталитарных сектах, а не о традиционных религиозных конфессиях. Так, политическая составляющая ортодоксального христианства основана на принципе «Воздадите Кесарево Кесареви, а Божие Боговоу». Можно сформулировать общую закономерность: разделение и сосуществование двух властей — духовной и государственной — гарантия от излишней этатизации общественной жизни, а смешение этих властей, как известно,

является признаком тоталитарного государства. Традиционное представление о сферах социального бытия предполагало различие (в православной терминологии) «трех дел» — церкви, государства и земли (земства). Замена в идеологии Просвещения этой триады на дуализм «гражданское общество — государство», как указывалось выше, не является препятствием к внедрению государства в общество. Идеологическим условием этатизации общественной жизни явился перенос фундаментального вопроса о соотношении светской (государственной) и церковной (духовной) властей в плоскость организации самого государства с выделением трех ветвей власти (законодательной, исполнительной, судебной), тем самым независимая от государства духовно-интеллектуальная власть оказалась где-то на обочине социального бытия. Суррогатом духовенства стали идеологи, эксперты и политтехнологи.

Выше было приведено суждение Н. Бердяева, в котором он сравнивает революционеров, как носителей общечеловеческой идеологии, с раскольниками XVII в., то есть с сектантами. В настоящее время становится очевидным, что по сравнению с развитыми религиозными традициями идеология космополитичного либерализма представляется особой, специфичной формой сектантства. Этот тезис звучит слишком категорично, но он сделан на фоне раскручивающегося маховика разрушения традиционных ценностей и институтов. Укажем на утверждение А. Бенуа о том, что общей целью любого тоталитарного режима является установление гомогенного социального пространства, что, как известно, является одним из признаков сектантских объединений. Стремление к унификации и превращению общества в податливый «песок», состоящий из «социальных песчинок», не знает преград и проявляется в попытках стереть даже половые и возрастные

различия. Так, архетипичным является представление о старости как состоянии одухотворенного покоя и мудрости. Но это входит в противоречие с экономическим принципом непрерывного и неустанного потребления. Поэтому культивируется в качестве универсального «подростковый» стиль поведения. Ставится под сомнение даже значимость половых различий, таких архетипических понятий, как мать и отец. Вся эта политика начинает походить на стремление погрузить все человечество в некую сектантско-языческую всепланетарную оргию.

Классическая секта стремится отгородиться от окружающего мира, но сектантский дух либерального космополитизма проявляется в иной и более эффективной форме противопоставления всему традиционному. В 1976 г. П. Фейерабенд сетовал, что эту особую форму «нетерпимости либерализма почти никто не замечает» [22. — С. 20], но в настоящее время тоталитарно-унифицирующий дух либерализма трудно отрицать. Внешний плюрализм этой идеологии не должен вводить в заблуждение. Используя выражение В.С. Швырева, можно говорить о тонком и скрытом монизме либеральной идеологии: «Монологическое сознание в своих более тонких формах может быть готово к открытому диалогу, но для него такая открытость выступает лишь как средство поглощения, снятия других точек зрения» [26. — С. 148].

Выходом из кризиса современного государства может быть только поиск новых принципов социальной и политической жизни; и можно не сомневаться в том, что обнаружится возврат, разумеется, в иных условиях и формах, к традиционным алгоритмам взаимодействия общества и государства. Убежденные «прогрессисты» говорят о невозможности повернуть историю вспять и остроумно замечают — «Из яичницы яйца не сделать». Но в этом утверждении проявляется статически-механистическое восприятие обще-

ственной жизни. В действительности современная цивилизация, массовая культура, общество потребления осуществляют непрерывный процесс «разбивания яиц» и превращения их в «яичницу», и существует опасение, что какие-то «яйца» естественно созреют и из них вылупятся «птенцы», тем самым показав возможность принципиально иного пути развития. Проекты модерна и постмодерна для России и других стран с установкой, что развитие обязательно предполагает разрушение традиционных ценностей и институтов, оказываются тупиковыми. Наблюдаемое в настоящее время геополитическое и информационное давление на Россию и объясняется тем фактом, что она официально заявила об отказе от идеологического патронажа Запада и провозгласила принципиальную ориентацию на сохранение традиционных ценностей [17]. Появляется надежда, что на международной арене Россия станет носительницей не заимствованной идеологии, а аутентичной ее истории и цивилизационному облику идеи.

Поводя итог, укажем, что история показывает, что одним из симптомов кризиса цивилизации выступает разрушение первичных ячеек социума (семья, община, муниципии) и несоответствие институтов общества в целом (экономических, политических, мировоззренческих) традиционным первоосновам общественной жизни. Современная Западная цивилизация уникальна, так как характеризуется значительной секуляризацией и эмансипацией общественной жизни с соответствующим и продолжающимся до сих пор разрушением традиционных ценностей и институтов. Но несколько столетий существования этой цивилизации и ее нынешнее состояние не дают оснований считать, что и в развитии этого типа общества не проявится общая закономерность. В 1989 г. Ден Сяопин отказался подвести итоги Великой французской революции конца XVIII в., указав, что прошло слишком мало времени.

Литература

1. *Ален де Бенуа*. О тоталитаризме. — URL: <http://www.rossia3.ru/ideolog/nashi/totalitarism> (дата обращения: 24.03.2018).
2. *Арендт Х.* Vita activa, или О деятельной жизни. — СПб.: Алетейя, 2000.
3. *Беккер К.* Словарь тактической реальности: Культурная интеллигенция и социальный контроль — М.: Ультра. Культура, 2004.
4. *Бердяев Н.* Новое средневековье. — М., 1991. С. 42.
5. *Бердяев Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма. — СПб.: Азбука, 2016.
6. *Бодрийяр Ж.* Общество потребления. Его мифы и структура. — М.: Республика, 2006.
7. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту. — Екатеринбург: У-Фактория, 2006.
8. *Брюкнер П.* Вечная эйфория: Эссе о принудительном счастье. — СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2007.
9. *Бурдые П.* Социология политики. — М.: Socio-Logos, 1993.
10. *Вебер М.* Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
11. *Вебер М.* Протестантская этика и дух капитализма. Протестантские секты и дух капитализма / Вебер М. Избранные произведения. — М.: Прогресс, 1990.
12. *Делез Ж.* Переговоры (1972–1990). — СПб.: Наука, 2004.
13. *Доценко Е.Л.* Психология манипуляции: феномены, механизмы и защита. — СПб.: Речь, 2003.
14. *Зиновьев А.* Иди на Голгофу. Гомо советикус. Распутье. Русская трагедия. — М.: АСТ, 2011.
15. *Марсель Г.* Быть или иметь. Новочеркасск, «Сагуна», 1994. С.145.
16. *Новости Русспрес* — «Мыслитель» Грэф онароде». — URL: <http://rospress.org/finance/10674/> (дата обращения: 24.03.2018).
17. *Послание Федеральному Собранию 12 декабря 2013 г. Президента РФ.* — URL: <http://www.kremlin.ru/news/19825> (дата обращения: 24.03.2018).
18. *Рассел Б.* История западной философии. — М.: Мир, 2004.
19. *Сен М.* Развитие как свобода. — М.: Новое изд-во, 2004.
20. *Сол Дж. Р.* Ублюдки Вольтера. Диктатура разума на Западе. — М.: АСТ: Астрель, 2007.
21. *Торчинов Е.А.* Религии мира. Опыт запредельного. — СПб.: Петербургское востоковедение, 2000.
22. *Фейрабенд П.* Против метода: Очерк анархистской теории познания. — М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2007.
23. *Фуко М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. — М.: Ad marginem, 1999.
24. *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне. — М.: Весь мир, 2003.
25. *Харт К.* Постмодернизм. — М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006.
26. *Швырев В.С.* Рациональность как ценность культуры. Традиции и современность. — М.: Прогресс-Традиция, 2003.
27. *Юнг К.* Аффект цивилизации / Юнг К.Г., Фуко М. Матрица безумия. — М.: Алгоритм, Эксмо, 2006.

ОСНОВНЫЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В СОВРЕМЕННОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ¹

Аннотация

В контексте исследования гражданского типа общности в данной статье рассматриваются главные подходы к гражданскому обществу в российской политической мысли XXI в. Проанализированы основные проблемы, стоящие перед государством и гражданским обществом в современной России в условиях меняющейся геополитической ситуации. Также рассмотрены общие проблемы гражданского общества: соотношение сильного государства и слабого гражданского общества, и, наоборот, возможности существования гражданского общества при недемократических режимах.

Ключевые слова: гражданский тип общности, гражданское общество, политическая мысль России в XXI в.

Автор

Деева Наталья Владимировна

Кандидат политических наук,
доцент кафедры политологии
Московского педагогического
государственного университета
(Москва, Россия)

В рамках исследования, посвященного анализу гражданского и религиозного типов общности в современном политическом процессе, гражданский тип общности, предполагает, в первую очередь, определение самого понятия, и, в частности, отделение, обособление его от гражданского общества. Поэтому для начала необходимо разобраться в современном понимании гражданского общества в российской политической науке, обозначить основные подходы к его определению, выявить проблемы, связанные с его развитием и функционированием.

Актуальность исследований гражданского общества продиктована меняющейся в мире ситуацией. Во-первых, это проблемы, связанные с глобализацией. Усиление глобализационных процессов в масштабах всего мира

или отдельных регионов порождают определенные сложности: так, например, опять обсуждается вопрос, поднимавшийся неоднократно, в частности более ста лет назад и хорошо знакомый тем, кто изучал работы В.И. Ленина, а именно — проблема Соединенных Штатов Европы. В этих условиях возникает закономерный вопрос: должно ли гражданское общество также стать единым, не обособленным по странам, несмотря на различия в политической культуре различных цивилизационных и социальных групп?

С другой стороны, за последние годы стало очевидно, что процесс глобализации сталкивается с серьезными препятствиями, связанными с усилением национальных государств, несогласных с едиными требованиями к участникам экономических и политических союзов и пытающихся

¹ Статья написана при финансовой поддержке РФФИ, проект № 17-03-00644 «Гражданский и религиозный типы общности в современном политическом процессе».

отстоять свой суверенитет как относительно объединяющего центра, так и относительно друг друга. Как в данном случае должно реагировать гражданское общество той или иной страны: сотрудничать исключительно со своим государством или стремиться к международным контактам с гражданскими институтами других стран? И это вопрос не праздный, поскольку в той же Европе поддержка обществом своих политиков и их взглядов приводит порой к жестким разногласиям между представителями гражданского общества различных государств.

Во-вторых, и это проблема изначально не только российская, в условиях демографического кризиса и старения населения, а, следовательно, уменьшения налоговой базы, возрастает нагрузка на государство в сфере выполнения им своих социальных функций. И большая часть государств, позиционирующих себя социальными, стремится переложить эти функции на организации гражданского общества [З. — С. 35]. Как должно реагировать гражданское общество: брать на себя эту ответственность и активно подключаться к решению социальных проблем, предлагая государству всё новые сферы равного сотрудничества или даже своего преимущественного участия, или, напротив, проявлять активность исключительно в требованиях к государству выполнять свои социальные обязательства и увеличивать финансирование социальной политики.

В данной статье, говоря о современной политической мысли, мы ограничиваемся периодом с начала двухтысячных годов, что обусловлено как преимущественным пребыванием В. Путина на посту Президента РФ, а, следовательно, определенной логикой и преемственностью политического курса, так и положением России на международной арене, качественным изменением ее отношений с зарубежными державами и очевидным пере-

ломом в реализации США политики однополярного мира.

В начале формирования политической науки подходы к определению гражданского общества зарождались в работах Платона, Аристотеля, Цицерона, в Новое время это идеи Т. Гоббса, Дж. Локка, Ж.-Ж. Руссо и т.д. Этой теме в разные периоды развития общества посвящены размышления многих зарубежных и отечественных авторов, остается она актуальной и по сей день.

Российские ученые в последнее десятилетие XX в. уделили много внимания теории гражданского общества и разработали новые подходы к его исследованию. Отечественными исследователями было издано довольно большое количество работ по различным аспектам данной проблемы, потому существует множество интерпретаций гражданского общества.

Проблемами гражданского общества озабочены не только политологи, изучают его философы, историки, юристы, экономисты, социологи. Философские исследования связаны с анализом места и роли гражданского общества в обществе. В основном философы акцентируют внимание на взаимодействии свободных личностей, рассматривая гражданское общество как значимое явление, но в контексте частной жизни граждан.

Экономисты, в первую очередь, обращают внимание на экономический генезис и сущность гражданского общества. Они воспринимают гражданское общество как сферу свободного предпринимательства, реализации частных, в основном, экономических интересов.

Сторонники правового подхода связывают воедино государственное законодательство, правовые отношения, гражданское правосознание и структуры гражданского общества. Благодаря юридическому подходу сделана попытка сформулировать концептуальную модель российского гражданского общества, рассмотреть его институциональную составляющую.

Социологические исследования в новой России дали самое большое количество трактовок данной проблемы. В этом контексте гражданское общество рассматривается как один из способов дифференциации и стратификации общества, в рамках которого функционируют социальные группы и институты, общественные коммуникации и социальные связи. В большей части исследований социологической интерпретации гражданского общества преобладает институциональный метод.

И в новом тысячелетии социологические исследования гражданского общества — это обширная группа работ. В рамках социологического подхода большинство исследователей волнуют проблемы развития и трансформации гражданского общества в постсоветской России. Часть из них уделяет внимание формированию институтов гражданского общества в различных российских регионах, другие озабочены проблемами политической культуры субъектов гражданского общества, их взаимодействия, подсистем общества в целом, различных общественных организаций.

В центре внимания политологических исследований начала постсоветского периода, когда возникла иллюзия, что граждане решают всё, а государство должно придерживаться принципа «laissez-faire» не только в экономике, но и в остальных сферах, анализ гражданского общества проводился с точки зрения взаимоотношений личности и государства, сочетания индивидуальных и общих интересов.

Среди этих исследований можно обозначить несколько направлений.

Первое направление анализирует гражданское общество как неполитическую и негосударственную сферу социума, и этот подход близок к социологическому.

Сторонники второго направления, развивая западную идею, вводят понятие «политическое общество», вы-

полняющего функцию некоего звена между государством и гражданским обществом. Ряд исследователей видят политическое общество частью гражданского, оказывающего влияние на государственную власть.

Представители третьего направления включают в гражданское общество как гражданские структуры, так и политические отношения, тем самым не опровергая политичность гражданского общества.

Полемизируют с ними другие исследователи, считая, что и без политического общества гражданское может выполнять политические функции. Как раз на границе взаимодействия гражданского общества и государства политические процессы в гражданском обществе наиболее эффективны.

Еще один подход — это включение государства как наиболее значимой политической ассоциации в гражданское общество, то есть гражданское общество изначально политично. С этим мнением можно согласиться, имея в виду, что если в античные времена «граждане» — это весьма ограниченный круг людей, то теперь население страны — это в основном граждане, юридически имеющие взаимные права и обязанности по отношению к определенному государству.

Следующее направление исследования — антропологический подход, восходящий к трудам Аристотеля, который заключается в учете человеческих интересов, в возможности индивида распоряжаться собой и своей судьбой, в том, что человек постоянно ищет новые альтернативы для изменения своей судьбы.

Отечественные исследователи-политологи нового тысячелетия направляют свой интерес на проблемы современной России. При этом в начале века работ по гражданскому обществу немного, и связаны они больше с теоретическими разработками: с методологическими подходами к определению гражданского общества, с общими проблемами.

Но уже чуть позже возникает большой интерес к анализу этих проблем, о чем в России свидетельствует как количество работ, посвященных гражданскому обществу, так и широта проблематики этих публикаций. В работах рассматриваются взаимоотношения власти и гражданского общества, проблемы взаимодействия гражданского общества и государства в России. Н.Н. Ягодка обращает внимание, что большой потенциал гражданской активности и самоорганизации скрыт в местных сообществах. Локальные инициативы привлекают в свои ряды значительное количество активистов [10. — С. 20].

Институциональное его становление анализируется как в целом в стране, так и через призму отдельных институтов: молодежных организаций, некоммерческих организаций. Так, Н.А. Колесникова отмечает, что конструктивный диалог с властью с помощью институтов гражданского общества на первом этапе возможен только при активной роли государства. На втором этапе необходимо, чтобы эффективно работали уже созданные общественные организации [4. — С. 20]. По мнению И.И. Хлытчиева, государство сейчас уже не может выступать монопольным проводником общих интересов, а политические функции должны быть распределены между государством, бизнесом и институтами гражданского общества [9. — С. 10].

Ряд исследований посвящен субъектам гражданского общества в России на современном этапе: молодежи, интеллигенции. Если вспомнить 4 класса НКО, как их определяет А. Сунгуров, большую значимость для выполнения социальных функций сегодня имеют именно НКО «социальной направленности, или благотворительные организации, направленные на решение человеческих проблем...» [8. — С. 41; 2. — С. 24].

Можно отметить, что в последние годы активность НКО заметно выросла. Широко известны благодаря СМИ

организации в поддержку потребителей, общества обманутых вкладчиков, общества и фонды по работе с инвалидами, правозащитные организации и т.п. Итак, можно считать, что проблема отсутствия информации об НКО на сегодняшний день отчасти решена. Однако взаимоотношения некоммерческих организаций с властью по-прежнему складываются непросто. Так, часть граждан видит попытку государства переложить свои социальные функции, выполнения которых требует российское общество, на НКО. Другие обращают внимание на коррупциогенность данной сферы, т.е. отсутствие контроля за принадлежностью некоммерческих организаций родственникам глав местных администраций. Еще один момент расхождения — Закон об иностранных агентах, под действие которого попали многие правозащитные организации, некоторые благотворительные. Часть граждан считает, что это ущемляет права членов организации и их подзащитных, а другая часть признает за государством право регулировать, кто и на чьи деньги осуществляет на его территории мероприятия, подпадающие под действие стратегии «мягкой силы».

С другой стороны, наряду с благотворительными организациями к НКО относятся различные религиозные организации, сообщества людей с нетрадиционной ориентацией и т.д., что не может не беспокоить власть и общество с точки зрения обеспечения безопасности, сохранения преемственности и традиций.

В настоящее время взаимодействие государства и гражданского общества посредством НКО развивается по двум направлениям. Вне зависимости от отношения к правящему режиму и господствующим политическим ценностям гражданское общество призвано отстаивать перед государством непосредственные, «сиюминутные» интересы граждан. В зависимости от того, какие социальные проблемы будут отнесены к политическим, т.е.

подлежащим решению с помощью политических механизмов гражданское общество может искусственно поддерживать или изменять конкретный социальный порядок, а также определять в собственных интересах те или иные связи и отношения в социуме.

Здесь действуют отношения не властвующих и подвластных, а управляющих и управляемых. Гражданское общество самостоятельно реализует собственные интересы (в профессиональной сфере, области образования, здравоохранения и т.д.). В этом аспекте взаимодействия гражданское общество обретает статус конституированного партнера государства, обладающего специфическими правами и прерогативами для реализации человеческих потребностей.

В этой ситуации деятельность гражданского общества определяется тем, насколько функционирование государственных структур ориентировано на принципы рациональности, законности.

Статус «управляемого» в отличие от «подданного» требует учета материального положения, квалификационного уровня, степени образованности и других характеристик индивида, способствующих либо препятствующих его вовлечению в осуществление принимаемых государством решений. В России ситуация обостряется резко социальной дифференциацией, и весьма незначительной группой, представляющей собой средний класс.

Поскольку государственные организации чаще всего являются монополистами в предоставлении услуг только в определенных областях, то за потребителями остается право обращения по интересующим их вопросам к организациям частного сектора либо самостоятельного их разрешения. Поэтому самостоятельность гражданского общества, замещающего государство на рынке услуг, в этом аспекте деятельности государства может в известной степени являться даже его определенной целью. Так, конкуренция государства с

частным сектором может способствовать усилению гражданского общества.

В работе О.В. Патрина проведен анализ изменений качественных характеристик интеллигенции как субъекта гражданского общества, растерявшего в постсоветский период общие идеологические и нравственные ориентиры [6. — С. 8]. Особое внимание уделяется специфике гражданского общества в России, его становлению и перспективам. Можно согласиться с О.В. Паслер, что в силу положения России между Востоком и Западом, гражданское общество здесь носит этатистский характер, т.е. часто его институты срачиваются с государством, а также динамика его развития носит характер маятника от демократии к авторитаризму и обратно [см.: 5. — С. 10].

Неслучайно активность исследователей возросла после 2008 г. А. Аузан отмечает изменение условий общественного договора. Вот как он характеризует динамику формулы общественного договора в России в XXI в.: «Примерно в 2000 г. появилась формула: власть предлагает общественный договор «порядок в обмен на налоги» <...> Но в 2003–2004-м <...> получилось «стабильность в обмен на лояльность» <...> В 2014 году <...> Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе» [см.: 1].

Именно поэтому на 2010–2014 гг. приходится пик защит диссертационных исследований по данной проблематике за последние почти двадцать лет: осознание обществом неких векторов политической и гражданской идентичности, укрепление позиций России в мире, новая геополитическая ситуация — все это актуализирует вопросы, связанные с гражданским обществом.

Можно ли по-прежнему утверждать, что, когда государство сильное, то гражданское общество обязательно слабое, и наоборот? В новых реалиях мы часто видим примеры, когда традиционно сильное, на первый взгляд, гражданское общество не может со-

владеть с государством в решении насущных для него проблем. И, напротив, недостаточно развитое гражданское общество поддерживает государство, находя возможности эффективного взаимодействия.

Также обсуждаемым остается вопрос о возможности существования институтов гражданского общества при недемократических режимах. На наш взгляд, можно согласиться с точкой зрения Я. Пляйса, которую он высказывает, анализируя основные характеристики гражданского общества: «...и тоталитарное, и авторитарное государство не только позволяет своим гражданам самоорганизовываться и создавать различные союзы, ассоциации, клубы и пр., но нередко само инициирует их создание, веря в то, что они будут надежными инструментами его воздействия на общество» [7. — С. 75]. Фактически эти организации работают не только в интересах властей, но и своих членов, то есть служат определенным группам общества.

В качестве подтверждения можно привести различные ситуации из советского общества времен застоя. Наряду с разрешенными, официальными, зарегистрированными, созданными самим государством организациями, такими как профсоюзы, всевозможные спортивные клубы, общества филателистов и т.д., были и «самостийные», самими гражданами инициированные объединения.

Так, касса взаимопомощи, позволявшая гражданам «перекрутиться» до получки, могла быть официальной, когда работник организации занимал деньги через бухгалтерию, и через бухгалтерию же возвращал: у него частями высчитывали эту сумму из заработной платы при ее получении в кассе. Но при этом существовала и внутренняя касса взаимопомощи, когда люди, к примеру, одного отдела откладывали из полученных денег небольшие суммы, которые потом шли на займы для коллег, на некоторую материальную помощь в

день рождения и т.д. Это яркий пример самоорганизации граждан в условиях не очень легкой в плане достатка жизни условиях авторитарного политического режима.

Еще одно явление и характеристика советской жизни — очередь. В одном из фильмов тех лет, довольно жестко, сатирически характеризовавших тот же период застоя, состоялся диалог:

«— Меня очередь послала!»

— Молодой человек, вас очередь послать не может, потому что у нас нет такой организации — “очередь”!!!»

И действительно, организации не было, но феномен был. Поскольку очереди были и в военное время, и в мирное, человек с раннего возраста встраивался в эту систему, очередь была инструментом социализации, в том числе и политической.

Вообще очередь была многофункциональной. Помимо своего прямого назначения — получение товара (не обязательно дефицитного) — она была средством добывания информации, причем актуальной, хотя и не лишенной элементов слухов. В отличие от современных социальных сетей, в которых бывают проблемы с пользователями, заведомо искажающими сведения о себе, в очереди ты видел реального человека и мог сам оценить, насколько ему можно и нужно доверять.

Очередь могла играть роль некоего экспертного совета, «мозгового штурма» по решению каких-то проблем, причем в силу того, что там встречались люди из разных социальных слоев, разных профессий, эта консультация могла быть на весьма хорошем уровне.

Очередь выполняла контролирующую функцию в борьбе за справедливое распределение материальных и нематериальных благ и услуг, при этом люди могли сплотиться в противостоянии произволу продавца, вплоть до вызова милиции.

Люди в очереди демонстрировали недюжинные способности к самоорганизации: запись своих номеров

в различных местах, включая руки, переключки, дежурные. Можно было проявить чудеса кооперации и взаимовыручки: держать место друг другу в разных очередях, даже если вы не знакомы; попросить соседа по очереди взять на себя дефицитный товар, ограниченный по количеству штук в одни руки, если у него нет потребности в данном товаре, и т.д. И все эти коммуникативные навыки усваивали и дети, имея перед глазами различные модели поведения и взаимодействия.

Безусловно, могла возникнуть скандальная ситуация, но можно было и пообщаться, посмеяться, послушать анекдоты. Возникло определенное «чувство локтя» и ощущение равенства. Не случайно многие советские граждане в XXI в. иногда скучают по очередям в условиях побеждающего индивидуализма.

Вспоминая идеи М.Я. Острогорского об ассоциациях, можно отметить, что и

официальные, и неофициальные институты гражданского общества призваны решать следующую задачу: общество для движения вперед и развития должно быть хотя бы частично консолидировано и способно к совместным действиям. И если политические проблемы людей часто разъединяют, то организации и клубы по интересам, напротив, приучают их действовать сообща и вести конструктивный диалог.

Таким образом, даже беглый анализ подходов к гражданскому обществу в современной российской политической науке показывает, что изучение этой проблемы остается актуальным, поскольку меняющиеся внутренние и внешние условия делают институты гражданского общества все более востребованными в контексте формирования системы взаимодействия с государством, решения социальных задач, развития политической культуры и консолидации общества.

Литература

1. Аузан А. Готовность к самоограничениям в обмен на принадлежность к великой державе // Газета. — 2014. — 29 окт. — URL: https://www.gazeta.ru/comments/2014/10/29_a_6281141.shtml.
2. Деева Н.В. Некоммерческие организации как актор политических отношений // Основные направления экономического, правового, гуманитарного и информационного развития современного общества. Доклады Международной научно-практической конференции (Белек (Турция) — 16–23 мая 2010 г.) — Тула, 2010. — С. 20–25.
3. Деева Н.В. Трансформация общественного договора в современном социальном государстве // Проблемы и перспективы современных гуманитарных, экономических и правовых исследований. Мат-лы международной научно-практической конференции. (Кипр — 14–21 октября 2012 г.). — М., 2012. — С. 31–36.
4. Колесникова Н.А. Институционализация гражданского общества в современной России: состояние, тенденции развития, взаимодействие с государством: Автореф. дисс. ... канд. пол. наук. — М., 2015.
5. Паслер О.В. Гражданское общество и государство: российская модель взаимодействия: Автореф. дисс. ... канд. пол. наук: 23.00.02. — Ставрополь, 2011.
6. Патрин О.В. Роль интеллигенции в функционировании гражданского общества в современной России: Автореф. дисс. ... канд. пол. наук: 23.00.02. — М., 2013.
7. Пляйс Я. Возникновение и этапы развития гражданского общества // Обозреватель-Observer. — 2007. — № 5. — С. 65–75.
8. Сунгуров А.Ю. Организации-посредники в структуре гражданского общества. Некоторые проблемы политической модернизации России // Полис. — 1999. — № 6 — С. 34–48.
9. Хлытчиев И.И. Институционализация связей с органами государственной власти (GR) в публичной сфере современной России: Автореф. дисс. ... канд. пол. наук. — М., 2014.
10. Ягодка Н.Н. Гражданские и социальные инициативы как инструмент диалога между государством и гражданским обществом в России: Автореф. дисс. ... канд. пол. наук. — М., 2016.

НЕКОТОРЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ ОБ ОБСУЖДЕНИИ ИСТОКОВ ПОЛИТОЛОГИИ В РОССИИ

Аннотация

Статья освещает отдельные мнения в рамках дискуссии о традициях российской политологии. Утверждения и понятия, представленные в статье, не противоречат друг другу, хотя и отражают различные аспекты российских размышлений о социально-политических вопросах. Кроме того, они позволяют увидеть множественность мнений о тех исторических моментах, которые воспринимаются современными политологами России как важнейшие ориентиры. В свете представляемых концепций нетрудно заметить, что обмен идеями по обсуждаемому вопросу становится все более актуальным в последние годы.

Ключевые слова: истоки современной российской политологии, специфика российской политологии, сущность российской политологии, комментарий об истоках российской политологии.

Авторы

Елиньски Эдуард

Dr hab. (философия), профессор, заведующий Департаментом философии политики факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша)

Хордецки Бартош

Dr (политические науки), dr (право), адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Познань, Польша)

Введение

Во-первых, следует начать с простого, но крайне существенного замечания. Российская история характеризуется несколькими переломными моментами, которые изменили сложившуюся точку зрения на политические и социальные вопросы. Не углубляясь далеко в прошлое, необходимо упомянуть реформы, проводимые Петром I, период войны с Наполеоном и формирование в XIX в. идеи о самобытности России, революцию 1917 года, которая положила начало Советской России и СССР, период перестройки, распад СССР, конец эпохи

Бориса Ельцина и начало путинской России.

Каждый период между этими поворотными моментами характеризовался различными правилами и структурой, своим ходом развития и внутренними противоречиями и оставил после себя характерные принципы и взгляды на политику и ее роль в жизни общества, а также на понимание и оценку социально-политических процессов. В целом принципы и правила служат идеологической основой своего времени. Те, кто умели распознавать и формулировать эти основы, формировали тенденции в политической и социальной мысли и

диалоге своего времени. Проникнув в коллективное сознание, можно заметить, что сложившиеся однажды принципы и правила по-прежнему существуют как реперные точки в современной российской политической науке и часто упоминаются для противопоставления идеям некоторых направлений.

Проявление особого внимания одному из тех, кто сформулировал тот или иной принцип представляемой им традиции, часто понимается как эксплицитное выражение собственной идеологической позиции и определение методов проведения политологических исследований. Отсюда возникает напряженность и конфронтация, предопределяющие конфликт о роли традиции в современной политической науке. В значительной степени противоречие вписывается в рамки общего соревнования, в котором оппоненты нуждаются друг в друге (как в эталонном мнении и точке отсчета для определения индивидуального и группового самосознания). Такое положение вещей имеет множество последствий, напрямую влияющих на современный облик российской политологии. Один из них — это спор о зарождении политической науки в России.

Избранные комментарии об истоках российской политической науки

Некоторые исследователи видят истоки российской политической науки в период появления университетского образования в России¹.

¹ Например, исследователи из Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (основан в 1755) указывают на истоки русской политической науки в 1770-х гг. По словам Андрея Шутова, 22 апреля 1771 г., в день рождения Екатерины II, Карл Генрих Лангер читал лекцию (торжественную речь) «О пределах и важнейших представителях политической науки», которая считается первой речью в Императорском Московском университете о политической науке своего времени. Интересно, что Лангер родился в Силезии и учился в немецких университетах (например, юриспруденции в Йенском универ-

Другие исследователи отмечают, что, хотя невозможно указать какие-либо конкретные даты, которые, по крайней мере, могли бы обозначить зарождение политической науки в империи царей, однако следует иметь в виду, что традиция политической мысли на некоторых территориях страны восходит примерно к XI в. В предисловии к избранным текстам о развитии русской социально-политической мысли с XI по XVII в. Сергей Перевезенцев отмечает: «История русской политической мысли насчитывает многие столетия. Уже в письменных памятниках XI–XII вв. мы можем найти размышления русских

ситете). Он приехал в Россию (Санкт-Петербург) в 1759 г. В 1764–1774 гг. он работал в Московском университете (подробнее см. п. 43 стр. 6–16). В книге «Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения МГУ» под ред. Шутова, изданной в 2010 г. [44], отобраны тексты профессоров этого учреждения, в том числе работа Кристиана фон Шлецера (1774–1831), в которой автор предложил подробную классификацию политических наук [42. — С. 163–183]. В вопросе о зарождении политических наук в Санкт-Петербургском университете мы можем довериться информации Леонида Сморгунова. По его словам, учебная программа XVIII в. на юридическом факультете Санкт-Петербургского университета включала, в частности, лекции по практическим наукам: политике, этике и естественному праву. По мнению Сморгунова, вклад Санкт-Петербургского университета в распространение знаний о политологии в первой половине XIX в. трудно переоценить: именно в Санкт-Петербургском университете были приняты первые попытки «создать в России новое политическое университетское образование, соразмерное мировому опыту тогдашнего времени». Кроме того, Сморгунов утверждает, что университетские программы по политологии в Санкт-Петербургском университете имели свою специфику и были разработаны еще в начале XIX в. (в сравнении с другими российскими университетами, программами предусматривалось меньше лекций по философии и теологии; больший акцент был сделан на преподавание экономики; «политической арифметике» обучали с акцентом на возможности эффективного использования новых математических знаний, а не на статистику, определяющую текущее состояние наций и стран; были разработаны дисциплины, которые предоставляли студентам возможность изучить ситуацию за пределами России [33. — С. 15].

мыслителей о сущности и смысле власти, о реальном или идеальном. При этом политические мыслители XI–XVII вв. стремились в своих теоретических рассуждениях и практических рекомендациях, с одной стороны, отразить реальные проблемы, стоявшие перед обществом в тот или иной исторический период, а с другой — соотнести эти реальные проблемы с собственными идеальными представлениями о власти и государстве. Следовательно, сама русская политическая мысль XI–XVII вв., во-первых, была отражением и выражением специфики исторического и политического развития России, во-вторых, сама формировала определенные социальные и политические идеалы, которые в той или иной степени формировали общественное сознание, более того — становились целью развития общества и государства» [25. — С. 10].

К ключевым особенностям российской социально-политической мысли в XI–XVII вв., по мнению Перевезенцева, относятся: традиционализм, передаваемый из поколения в поколение рядовыми представителями народа, особенно крестьянством («Здесь свою роль играла территориальная община, которая господствовала в русской деревне и позволяла сохраняться традиции на протяжении многих веков. Так, некоторые традиции обычного права, зафиксированные в конце XIX в., восходят своими корнями еще к XI в.») [25. — С. 13]; общее убеждение, что власти должны не столько участвовать в строительстве «нового, светлого будущего», сколько создавать безопасные условия для жизни людей «по старине», расхожее мнение, что власть, вопреки своему прямому назначению, часто выступает в качестве противника устоявшегося образа жизни и пытается заставить людей принять губительные нововведения; большое количество традиций, упоминаемых основоположниками российской политической мысли («...русская политическая мысль

не просто опиралась на традицию, но разные политические мыслители опирались на различные политические традиции [...]. Иначе говоря, политические споры XI–XVII вв. — это не просто борьба «старого» и «нового», «хорошего» и «плохого», но и соперничество различных традиций за первенство в общественно-политическом сознании и в общественно-политической практике. Соответственно, сущность той или иной позиции того или иного русского политического мыслителя характеризовалась его принадлежностью к определенной традиции политической мысли») [25. — С. 15]; закрепление социально-политических идей в религиозных и философских взглядах на жизнь и формирование этих идей в соответствии с доминирующим религиозным и философским пониманием мира, что в условиях отсутствия политической мысли происходит независимо от какого-либо религиозно-философского контекста [25. — С. 16]; отсутствие социально-политических трактатов (популярных на Западе), общественно-политические мысли оформляются в виде литературно-художественных и публицистических произведений: «слов», поучений, посланий, сказаний, притч, повестей и т.д.» [25. — С. 17]¹.

¹ См. также: [35; 23; 26]. Многообразие и сложность традиции российской политической мысли (особенно в XIX–XX вв.) признают также Юрий Пивоваров и Александр Соловьёв, авторы сборника классических русских общественно-политических текстов, издаваемых Российской ассоциацией политической науки. Согласно комментариям во введении к изданию «Введение. Политическая мысль и политическая наука в России: Сложные переплетения, противоречивые традиции, прогноз будущего», «содержание русской мысли, в консервативной форме проявившееся еще в XIX столетии, в значительной мере продемонстрировало свою историографичность, наличие коллективистских чувств, ориентацию на моральные ценности и внимание к будущности человечества, нацеленность на религиозное спасение и ответственность за все несовершенство жизни и даже за устройство всего космоса. Вместе с тем на всем протяжении своей истории политическая мысль так или иначе

Существуют многочисленные сто-

подпитывалась интеллектуальными традициями русского православия (от митрополита Иллариона до Симеона Полоцкого) и общехристианскими ценностями, идеями византизма, а позднее и *ордынства*. Влиятельным фактором стали и эпизодические разрывы традиции, случавшиеся в периоды истории, *сопряженные* с качественной трансформацией социума (революции, войны, радикальные реформы), и последствия раскола общества на два *враждебных склада жизни* (В.О. Ключевский) — европеизированный и традиционалистский» [27. — С. 10–11]. Что не менее важно, авторы подчеркивают, что существует принципиальное различие между российской общественно-политической мыслью и российской политической наукой. Последняя, по их мнению, родилась и развилась гораздо позже, чем в Западной Европе. Пивоваров и Соловьёв ссылаются на следующие подтверждающие факты: в 1804 г. в Московском университете был создан факультет нравственных и политических наук; в XIX в. по политическим дисциплинам стали читать лекции во многих российских университетах; в 1837 г. Т. Степанов выступил в Харьковском университете с «Речью о сущности, важности и назначении политических наук...»; в 1862 г. Д. Каченовский прочитал лекцию «О современном состоянии политических наук в Западной Европе и России»; повелением Александра II в 1860-х гг. многие российские университеты запустили учебные программы политических наук [27. — С. 8; см. также: 36. — С. 141–158]. Как прокомментировал Андрей Топычканов, в 1881 г. Иван Андреевский, профессор Санкт-Петербургского университета, определил основные каналы популяризации политических знаний в России при Александре II. По мнению Андреевского, этот процесс должен был осуществляться посредством практической политической деятельности, теоретической работы университетов, а также с привлечением прессы. Как отметил Топычканов, в 1860-е гг. в Российской империи произошли значительные преобразования в трех упомянутых выше сферах, которые следует считать благоприятными для развития политического сознания россиян. Преобразования стимулировали введение новых законов, организующих работу университетов (1863), созданием местных территориальных органов самоуправления (1864) и принятием временных законов о печати. В соответствии с новыми нормативными актами, применяемыми к университетам, «утратила свое доминирующее положение легистская концепция юриспруденции и расширилась область юридического образования, включившего в себя политическую, социальную, а впоследствии тоже и психологическую проблематику». Более того, благодаря новым правовым нормам политология и государственное право получили более широкое распро-

ронники мнения о том, что при поиске истоков российской политологии следует сконцентрироваться на процессах, происходивших во времена СССР. Тогда политологические исследования развивались в соответствии с деятельностью Советской ассоциации политических наук, наивысшим институциональным успехом которой стала организация Всемирного конгресса политических наук в Москве в 1979 г. [22].

Как отметил Яков Пляйс, стандартизация политологии в России началась только в 1990-х гг. Постановление Государственного комитета СССР по науке и технологиям № 386 от 4 ноября 1988 г. «О номенклатуре специальностей научных работников» является первым документом, в котором делается ссылка на политологов как на группу специалистов. В соответствии с решением № 1 Высшей аттестационной комиссии при Совете Министров СССР от 25 января 1989 г. номенклатура, принятая Государственным комитетом по науке и технике, стала обязательной во всех органах по обеспечению научных исследований и научных кадров [28. — С. 155].

Вышеупомянутые документы знаменуют начало институционализации политологии как научной дисциплины в СССР/России: были созданы институты, научные советы и факультеты. Первое заседание коллегии экспертов по политическим наукам состоялось осенью 1990 г., в его работе приняли участие в основном члены Академии наук СССР. Первые научные советы в области политологии были созданы в 1990 г. в Институте общественных наук при ЦК

странение. В результате были скорректированы названия университетских отделений, изучение политической экономики было переведено с исторического и философского факультета на факультет права. Кроме того, новые правила способствовали образованию многочисленных научных ассоциаций, связанных с университетами, которые считали политические исследования одним из своих основных направлений деятельности [36. — С. 144–147].

КПСС (под председательством Фёдора Бурлацкого) и в Уральском отделении Академии наук СССР [28. — С. 155].

По словам Пляйса, исследования в отдельных областях политологии в России проводились уже в конце XIX в. и касались в основном вопросов государственности. В отличие от США и многих европейских стран, в России в то время не проводилось никаких исследований о политической власти и ее социальном происхождении, теории элит, типологии политических систем и систем политических партий, политических режимах, политических идеологиях или гражданском обществе¹.

Пляйс утверждает, что попытки исследований Фёдора Бурлацкого, Алексея Румянцева, Геннадия Осипова, Юрия Левады, Бориса Грушина, Георгия Шахназарова, Олега Богомолова, Георгия Арбатова, Фёдора Петренко или Михаила Титаренко, предпринятые в 1960-е и 1970-е гг., ни в коем случае не могут считаться началом российской политической науки. Эти исследователи работали в условиях идеологической монополии коммунистической партии, а это значит, что они не могли заниматься политологией в строгом значении этого термина [30. — С. 5]. Тем не менее стоит упомянуть утверждение Алексея Салмина (1951–2005), сформулированное в июле 2002 г., когда он был президентом Фонда «Российский общественно-политический центр» и главным редактором журнала «Полития». Алексей Салмин заявил следующее: «Я бы и согласился, и не согласился — в разных контекстах — с утверждением, что развитие политологии начинается с 1989 года. В действительности все происходило несколько сложнее. После 1989 года у политологии появился, еще в Советском Союзе и затем, конечно, в Российской Федерации, естественный

предмет для изучения — политическое общество. Худо-бедно оно стало развиваться. Стали проводиться регулярные выборы на альтернативной основе, в парламентах образовались фракции (не всегда связанные с партиями), *пошел* очень противоречивый процесс территориальной децентрализации, возник клубок проблем в отношениях между центром и регионами России. Началось очень непоследовательное введение весьма несовершенного местного самоуправления. Возникло не всегда здоровое, но реальное разделение властей — вплоть до конфликтов на отдельных этапах. Рождались и умирали сотни организаций, называвших себя партиями, и. т.д. Иными словами, появился целый ряд проблем, начался целый ряд процессов, которые политология по праву считает своими и которые занимают центральную область в политической науке в том виде, в каком она сложилась преимущественно в Западной Европе и США, являясь в сегодняшнем мире международной признанной дисциплиной» [32. — С. 328].

По словам президента Российской ассоциации политической науки Оксаны Гаман-Голутвиной, несмотря на богатую традицию российской общественно-политической мысли, «официальное конституирование политической науки как академической дисциплины и исследовательского направления состоялось довольно поздно — в конце 1980-х гг.». По ее мнению, подобное отставание было вызвано в основном объективными факторами, в частности тем, что «исторически и Российская империя, и СССР были организованы как идеократии». Таким образом, как отмечает Гаман-Голутвина, «в условиях чрезвычайного разнообразия — территориально-географического, экономического и этноконфессионального — консолидирующим принципом выступал идеологический механизм: в Российской империи данную функцию выполняли православие и державность, в СССР — коммунистическая

¹ В силу вышесказанного работы Моисея Острогорского, изучавшего в то время демократию и политические партии, Пляйс считает исключением из правила [30. — С. 5].

идеология». Межличностные отношения, их понимание и определение были идеологизированы с целью создания единой российской или советской реальности и защиты империи от распада. В то же время идеократическая система свела к минимуму «возможности укоренения плюрализма — политического и интеллектуального, без которого невозможно развитие социальной науки, вследствие чего интеллектуальный плюрализм имел преимущественно периферийный характер — в терминах не географии, а иерархии и структуры общественного пространства» [13. — С. 14]. Однако Гаман-Голутвина отмечает, что, несмотря на вышеизложенные обстоятельства, развитие политических исследований в СССР было по достоинству оценено за рубежом. Она пишет следующее: «Не случайно авторы (среди них — имена первого ряда: Раймон Арон, Морис Дюверже, Гарольд Лассуэл, Чарльз Мерриам) подготовленного в конце 1940-х гг. масштабного доклада «*Современная политическая наука: обзор методов, направлений исследования и преподавания*», который был подготовлен силами боллее чем 50 исследователей, представлявших широкую палитру стран от Мексики до Китая, выделили пять ведущих национальных школ политической мысли, включив в этот перечень американскую, британскую, французскую, немецкую и советскую. Действительно, несмотря на то, что официально в существовавшем до 1989 г. реестре специальностей политология не значилась, тем не менее в стране и до этого рубежа существовали традиции и формировались школы изучения политической сферы».

Гаман-Голутвина утверждает, что при советском режиме акцент ставился на развитие исследований в области государства и государственности, политических партий, систем и режимов, принципов развития мировой экономики, внешней политики и международных отношений, идеологий и поли-

тических культур, истории политологии и теории государственности, а также краеведения. Подобные исследования проводились в нескольких институтах Академии наук СССР (Институт философии, Институт мировой экономики и международных отношений, Институт международного рабочего движения, Институт США и Канады, Московский государственный институт международных отношений и др.), а дисциплины, входящие в сферу политологии, преподавались в крупнейших университетах СССР.

В 1944 г. был создан Московский государственный институт международных отношений, который, как отмечает Гаман-Голутвина, должен был стать одним из ключевых научно-образовательных центров в области истории и теории международных отношений. Президент Российской ассоциации политической науки также подчеркивает, что первый факультет политологии в Российской Федерации был создан в 1998 г. в Московском государственном институте международных отношений при Министерстве иностранных дел России [13. — С. 15].

Вывод

Нетрудно заметить, что высказывания и понятия, представленные в статье, не противоречат друг другу. Однако они освещают различные аспекты истории российской социально-политической мысли и позволяют увидеть множественность мнений о моментах, воспринимающихся как важнейшие ориентиры современными политологами России.

Приведенные и охарактеризованные высказывания представляют собой лишь небольшую часть дискуссии о зарождении современной российской политической науки. Впрочем, даже они позволяют увидеть, что обмен идеями по этому вопросу становится все более актуальным в последние годы. Более того, обсуждение истоков политоло-

гии в России следует рассматривать как часть более широкой дискуссии по вопросам специфики и идентичности политической науки в России. Развитие рефлексии в данной области связано с обсуждением множества источников, формирующих содержание и форму современных российских политических исследований. Источники часто подразделяют на отечественные и зарубежные, и на фоне такого разделения развивается дискуссия о направленности исследований, проводимых современными российскими политологами. Речь, в частности, идет о соотношении исследований, основанных на отечественных и зарубежных источниках, исследований, определяющих границу и взаимосвязь между ними, специфики национальной общественно-политической мысли и ее дальнейшего развития и роли общественно-политической мысли в создании российской национальной школы политической науки.

В конце нашего короткого обзора стоит добавить, что и многие другие научные процессы принято объяснять разделением источников исследований, используемых политологами в России.

Среди них отметим следующее: 1) широкий круг вопросов и высокая степень напряженности дискуссии о разделении на отечественную и зарубежную политологию; 2) повсеместное убеждение в национальном характере политологии (местоположение и культура оказывают существенное влияние на форму и результаты политологических исследований и образования); 3) прогрессирующая специализация политологических исследований в сочетании с автономизацией и фиксированной реконструкцией политологических субдисциплин; 4) методологический плюрализм в российской политологии, сопровождающийся незначительным акцентом на определение фиксированных рамок определенных направлений исследований; 5) относительно сильная нормативная база политологических исследований — объективность против практической целесообразности; 6) незначительная степень присутствия российских политологов и результатов их исследований на международной площадке и усиливающееся стремление российских политологов изменить сложившуюся ситуацию.

Литература

1. *Brown A.* Political Science in the USSR // *International Political Science Review*. — 1986. — N 7. — P. 443–481.
2. *Gel'man V.* Political Science in Russia: Scholarship without Research? // *European Political Science*. — 2015. — N 14. — P. 28–36.
3. *Hill R.* Soviet Politics, Political Science, and Reform. — N.Y.: White Plains, 1980.
4. *Ilyin M.* History of Political Science in Russia // *Participation*. — 2013. — Vol. 37, N 1. — P. 18–19.
5. *Ilyin M., Malinova O., Patrushev S.* Political Science in Russia: Development of a Profession // *Political Science in Central-East Europe: Diversity and Convergence* / Ed. R. Eisfeld, L. Pal. — Opladen, 2010. — P. 131–150.
6. *Three Social Science Disciplines in Central and Eastern Europe: Handbook on Economics, Political Science and Sociology (1989–2001)* / Ed. M. Kaase, V. Sparschuh. — Bonn; Berlin; Budapest, 2007.
7. *Kharkhordin O.* From Priests to Pathfinders: The Fate of the Humanities and Social Sciences // *The American Historical Review. Russia after World War II*. — 2015. — Vol. 120, N 4. — P. 1283–1298.
8. *Popova O.V.* The Development of Political Science in Modern Russia // *Political Science in Europe at the Beginning of the 21st Century* / Eds. B. Krauz-Mozer, M. Kuřakowska, P. Borowiec, P. Ścigaj. — Cracow, 2015.
9. *Shestopal H.* Observations on the Transformation of the Political Science Community in Post-Soviet Russia // *Political Science and Politics*. — 1999. — Vol. 32, N 4. — P. 713–720.

10. Авдонин В.С. Наука по валу и по уму. — «НГ-Наука», 2016. — URL: http://www.ng.ru/science/2016-01-27/11_science.html
11. Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения. — М., 2013.
12. Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. — М., 2015.
13. Гаман-Голутвина О.В. Политическая наука перед вызовами глобального и регионального развития. — М., 2016.
14. Гуторов В.А. О некоторых аспектах формирования политико-философского дискурса в современной России // Структурные трансформации и развитие отечественных школ политологии / Под ред. О.В. Гаман-Голутвиной. — М., 2015.
15. Ирхин Ю.В. Международная ассоциация политической науки: Институализация, генезис, концептуальные подходы и практики. — М., 2017.
16. Ирхин Ю.В. Российский вектор в генезисе Международной ассоциации политической науки (К 35-летию Всемирного конгресса политологов в Москве) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2016. — № 1. — С. 87–101.
17. Ирхин Ю.В. Российская политология: четверть века или 255 лет? // Социально-гуманитарные знания. — 2011. — № 2. — С. 34–50.
18. Политическая наука в России: Проблемы, направления, школы (1990–2007) / Под ред. О.Ю. Малиновой. — М., 2008.
19. Русская философия: Энциклопедия / Под ред. М.А.Маслина. — М., 2014.
20. Политология. Political Science / Под ред. А.Ю. Мельвиль. — М., 2008.
21. Патрушев С.В. Из истории российской политической науки // Российская политическая наука: Истоки, традиции и перспективы: Мат-лы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. — М., 2014.
22. История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. — М., 2015.
23. Перевезенцев С.В. Русская религиозно-философская мысль X–XVII вв.: Основные идеи и тенденции развития. — М., 1999.
24. Перевезенцев С.В. Истоки русской души. Обретение веры. X–XVII вв. — М., 2015.
25. Перевезенцев С.В. Предисловие // Русская социально-политическая мысль XI–XVII веков: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, С.В. Перевезенцева. — М., 2011.
26. Хранители России: Антология / Под ред. С.В. Перевезенцева. — Т. I. Истоки русской консервативной мысли. XI–XVII вв. — М., 2015.
27. История российской политической науки / Под ред. Ю.С. Пивоварова, А.И. Соловьёва. — М., 2015.
28. Пляйс Я.А. Новый этап в развитии политической науки в России // Полис. Политические исследования. — 2007. — № 3.
29. Пляйс Я.А. Политология в контексте переходной эпохи в России. — М., 2010.
30. Пляйс Я.А. Политическая наука в России: Прошлое и настоящее // Вестник ТГУ. — 2007. — № 1 (45).
31. Российская политическая наука: Истоки, традиции и перспективы: Мат-лы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. — М., 2014.
32. Салмин А.М. Интервью // История Российской ассоциации политической науки / Под ред. С.В. Патрушева, Л.Е. Филипповой. — М., 2015.
33. Сморгунов Л.В. Очерки истории политических наук в Санкт-Петербургском университете XIX в. // Российская политическая наука: Истоки, традиции и перспективы: Мат-лы Всероссийской научной конференции (с международным участием). Москва, 21–22 ноября 2014 г. — М., 2014.
34. Российская политическая наука: В 5 т. / Под ред. А.И. Соловьёва. — М., 2008.
35. Литература Древней Руси: Библиографический словарь / Под ред. О.В. Творогова. — М., 1996.
36. Топычканов А.В. Политические науки в России в эпоху Университетского устава 1863 г.: Проблемы институализации // Central European Political Studies. — 2014. — № 4. — С. 141–158.

37. Русский консерватизм середины XVIII — начала XX века: Энциклопедия / Под ред. В.В. Шелохаева. — М., 2010.
38. Русская социально-политическая мысль. 1850–1860-е годы: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца. — М., 2012.
39. История русской социально-политической мысли в XXI веке: исследователи и исследования: Энциклопедия / Под ред. А.А. Ширинянца. — М., 2015.
40. Русская социально-политическая мысль. Первая половина XIX века: Хрестоматия / Под ред. А.А. Ширинянца, И.Ю. Демина. — М., 2011.
41. Хранители России: Антология / Под ред. А.А.Ширинянца, С.В. Перевезенцева. — Т. 2. В поисках нового... консерватизма. XVIII в. — М., 2015.
42. *Шлёцер Х.А.* Энциклопедическое обозрение различных наук вообще, а в особенности политических и исторических, по их понятию и взаимному отношению // Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения МГУ / Под ред. А.Ю. Шутова. — М., 2010.
43. *Шутов А.Ю.* Предмет политической науки: взгляд из XVIII века. Карл Генрих Лангер. О пределах и важнейших представителях политической науки // Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения МГУ / Под ред. А.Ю. Шутова. — М., 2011.
44. Избранные труды профессоров нравственно-политического отделения МГУ / Под ред. А.Ю. Шутова. — М., 2010.

**Перевод статьи с английского осуществила
выпускница филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Мария Шадская

ЗНАЧЕНИЕ Ф.М. БУРЛАЦКОГО ДЛЯ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАУКИ В РОССИИ

Аннотация

В статье обосновывается значение Фёдора Михайловича Бурлацкого (1927–2014) для становления и развития политической науки в России. Предметом изучения в статье стало идейно-политическое наследие Ф.М. Бурлацкого. Он в 1965 г. первый в советское время публично заявил о необходимости восстановить в правах политологию как научную и учебную дисциплину. И вплоть до официальной ее легализации в 1989 г. Бурлацкий продолжал отстаивать особый предметный статус политической науки, делал все возможное, чтобы политология получила подлинное признание. Поэтому Ф.М. Бурлацкого по праву можно назвать одним из основоположников современной российской политической науки.

Ключевые слова: Ф.М. Бурлацкий, политическая наука в СССР, история политической науки России.

Автор

Соболев Владимир Андреевич

Аспирант кафедры истории социально-политических учений факультета политологии Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва, Россия)

Зачастую научное сообщество начинает оценивать масштаб вклада отдельного ученого только после того, как проходит довольно значительное время после публикации его трудов. Однако были и те, чей вклад в политическую науку был замечен уже при их жизни. К числу таких людей можно отнести Фёдора Михайловича Бурлацкого (1927–2014)¹.

Ф.М. Бурлацкий является примером того, как один человек мог совмещать в себе несколько ипостасей: ученого, занимавшегося разработкой методологии политической науки, новых аналитических подходов и различных тематических направлений; советника Н.С. Хрущёва и Ю.В. Андропова; депутата, члена Комитета Верховного Совета СССР по международным делам, который подготовил следующие законы:

о свободе СМИ², о свободе совести и религиозных организациях³, о свободе выезда и въезда в страну⁴, а также Декларацию прав и свобод человека⁵; писателя, создавшего пьесы, которые в период перестройки в СССР (1985–1991) собирали полные залы в московских театрах.

Однако для развития и становления политической науки в России важно именно то, что Ф.М. Бурлацкий первый в советское время публично заявил о необходимости восстано-

² Закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-1 «О печати и других средствах массовой информации».

³ Закон СССР от 1 октября 1990 г. № 1689-1 «О свободе совести и религиозных организациях».

⁴ Закон СССР от 20 мая 1991 г. № 2177-1 «О порядке выезда из Союза Советских Социалистических Республик и въезда в Союз Советских Социалистических Республик граждан СССР».

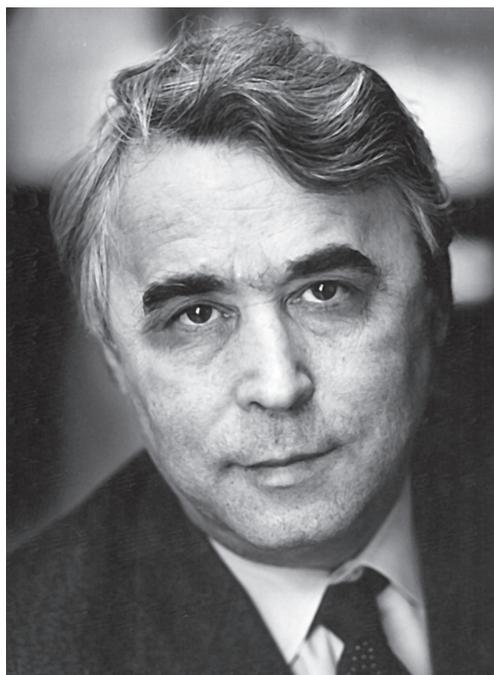
⁵ Закон СССР от 5 сентября 1991 г. № 2393-1 «Декларация прав и свобод человека».

¹ Подробнее о личности и творчестве Ф.М. Бурлацкого см.: [7–15].

вить в правах политологию как научную и учебную дисциплину. Поэтому Ф.М. Бурлацкий «вполне и по заслугам может быть назван основоположником советской политической науки» [2. — С. 115]. А.А. Галкин считает, что тогда, в 1960-х гг., было начато возрождение политологии в СССР [6. — С. 263]. В то время члены группы консультантов при международном отделе аппарата ЦК КПСС, куда входил Ф.М. Бурлацкий, Г.Х. Шахназаров, Г.А. Арбатов, А.Е. Бовин и др., заявили о необходимости легализации политической науки в СССР [5. — С. 170]. Это было вызвано тем, что они остро ощущали потребность, можно даже сказать нехватку, в социально-политической теории, способной помочь объяснить политическое развитие и трансформации, происходившие тогда в СССР. Поэтому можно констатировать, что запрос на политическую науку шел от людей, тесно связанных с принятием государственных и политических решений и в целом с политической практикой.

Вспоминая те события, Ф.М. Бурлацкий приводит следующие суждения: «В то время у нас была четкая цель — изменение политической системы нашей страны. Все, что мы делали, было порождено этой интенцией. Вы знаете, что тогда существовала группа советников-консультантов ЦК КПСС, в которую я вовлек и Шахназарова, и Александра Абрамовича, и Арбатова, и Сашу Бовина, и некоторых других. Именно там в те годы оказались сосредоточены люди, которые верили в возможность замены тоталитарной власти демократической и пытались воздействовать на политическую практику.

И первым шагом в этом направлении, первым прорывом был тезис о переходе от диктатуры пролетариата к общенародному государству, что должно было открыть дорогу для становления цивилизационного демократического общества. Для этого, собственно, и нужна была политическая наука, которая бы не просто заимство-

Фёдор Михайлович Бурлацкий (1927–2014)

вала за рубежом какой-то понятийный аппарат, какие-то идеи, хотя это было абсолютно необходимо, а предлагала теорию и инструменты реконструкции нашего государства, нашей политической системы, создания демократии, многопартийной системы, парламента и т.д. И здесь огромную роль сыграл учебник под редакцией Куусинена, для которого я по предложению Отто Вильгельмовича написал соответствующую главу¹. Это был первый шаг, а вовсе не создание Ассоциации, которой руководил Виктор Михайлович Чхиквадзе — ... не имевший никакого отношения ни к подобному рода крамольным интенциям, ни к становлению науки.

А потом уже в наших кругах родилась идея формирования отечественной политической науки, конечно, тесно связанной с западной, но основанной на исследовании феномена нашей страны, нашего народа, нашей политической

¹ Речь идет о книге: Основы марксизма-ленинизма: Учебное пособие / Авт. О.В. Куусинен, Г.А. Арбатов, А.С. Беляков и др. — М.: Госполитиздат, 1960. — 775 с.

Заведующий кафедрой философии Института общественных наук при ЦК КПСС Ф.М. Бурлацкий и его заместитель А.В. Шестопап. Все фото в статье из [4]

традиции, которая абсолютно не совпадает с западноевропейской. Тогда-то я и написал статью о политической науке, которая появилась в «Правде» в 1965 г.» [1. — С. 143].

Упомянутая выше статья Ф.М. Бурлацкого под названием «О политической науке»¹ была опубликована 10 января 1965 г. в газете «Правда». В этой статье Ф.М. Бурлацкий приводит следующую аргументацию за необходимость легализации политологии: «Нам хотелось бы обратить внимание на необходимость разработки проблем политической науки. Речь идет о развитии отрасли знаний, насущно необходимых в настоящее время в связи с важными и сложными задачами, возникшими перед страной. Политическая наука призвана давать ответы на коренные вопросы совершенствования форм и методов руководства обществом с четким распределением функций, прав и обязанностей между всеми звеньями

аппарата управления, проблемы выдвижения и обучения кадров.

Эта наука возникает на стыке ряда наук, а именно: научного коммунизма, теории государства и права, социологии, а также экономической науки. В сущности, это процесс углубления теории, все большего проникновения научного анализа во все клетки общественной жизни, отражения всего ее многообразия.

В исследовании не ставится задача очертить весь круг вопросов, относящихся к политической науке. Представляется, что главный объект исследования этой науки — политические отношения как в социалистическом, так и в капиталистическом обществе, отношения между государствами на международной арене. Если говорить более конкретно, то, на наш взгляд, эта наука должна заниматься изучением вопросов, связанных с устройством и деятельностью государства, политических партий, общественных организаций массовых движений, международных объединений и организаций, форм и методов дипломатической деятельности, общественного мнения, методов

¹ Необходимо отметить, что с таким названием статья вышла только в выпуске газеты, который распространялся не в Москве. В варианте для Москвы главный редактор изменил название на «Политика и наука».

Президиум Всероссийского научно-образовательного форума «Политология — XXI век». Москва, МГУ, 2011 г.

пропаганды и т.д. Нельзя сказать, что эти проблемы сегодня совсем не изучаются. Они изучаются, но преимущественно в рамках исторической науки либо правовой, а многие проблемы остаются вне поля зрения ученых.

Развитие политической науки в качестве самостоятельной отрасли обществоведения позволит изучать названные проблемы комплексно, а главное, в тесной связи с потребностями практической политики.

Разумеется, политическая наука не может полностью взять на себя изучение содержания политики государства. Эта задача всех общественных наук в целом. Основная задача политической науки — изучение механизма руководства обществом в динамике, т.е. изучение того, как оно функционирует, что необходимо для его совершенствования и развития» [4. — С. 17–18].

А.Е. Бовин, один из участников тех событий, описывает сложившуюся тогда ситуацию следующим образом: «...Именно Феде принадлежит идея легализовать у нас политическую науку. Ситуация была парадоксальной. Марксистско-ленинская идеология была

самой политизированной... Первой ласточкой была статья Бурлацкого “Политика и наука” в “Правде” от 10 января 1965 года. Я шел вторым эшелонem. Моя статья появилась в “Красной звезде” 10 февраля. Противников было много. Главный аргумент — марксизм-ленинизм и есть наша политическая наука, наша политическая теория. Сопротивлялись долго. В конце 1965 года мы (то есть Федя и я) решили сделать ход конем, опубликоваться в “Коммунисте”. Написали статью “Актуальные проблемы социально-политических исследований”. Статья обсуждалась на редколлегии в декабре. Статью завалили. Зачем нам какая-то “политическая наука” (или “политическая теория”, или “политическая идеология”)? В конце концов, поняли “зачем”. Бурлацкий победил...» [2. — С. 125].

Ф.М. Бурлацкий и после 1965 г. продолжал отстаивать особый предметный статус политологии и предлагал значительно расширить спектр политических исследований. В данном контексте стоит упомянуть об аналитической записке, подготовленной уже в конце 1970-х гг. Ф.М. Бурлацким в адрес Се-

Декан факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова А.Ю. Шутов вручает Ф.М. Бурлацкому диплом Почетного профессора факультета (8 июня 2011 г.)

кретаря ЦК КПСС М.В. Зимянина¹, в которой обосновывалась необходимость развернуть следующие политические и идеологические исследования: а) права, свободы и обязанности личности в условиях различных социальных систем; б) проблемы непосредственного участия трудящихся в управлении делами общества и государства в различных социальных системах; в) проблемы социального и национального равенства в условиях различных социальных систем; г) роль партии, общественных организаций, трудовых коллективов в политической системе советского общества; д) образ и качество жизни на основе сравнительного анализа в различных социальных системах; е) проблемы общечеловеческие (защита окружающей среды, преодоление бедности и болезней в современном мире и др.); ж) изучение общественного мнения в СССР, а также обобщение материалов в других странах и з) критика

современных политических идеологий (империализма, маоизма, социал-демократизма, левого революционаризма и др.) и изучение деятельности идеологических центров [3].

Также в этой записке Ф.М. Бурлацкий пишет, что важнейшее значение на современном этапе развития политических исследований имеет разработка их теоретических основ, формирование ряда научных дисциплин, что позволит интегрировать все многообразие политических исследований, ввести их в более или менее общее политическое русло. К ним он относит: 1) теорию политики, которая включает в себя исследование политической власти, целей политики, субъекта и объекта политики, общественно-политического сознания, методов изучения политики; 2) теорию политических систем, в которую входит изучение элементов политических систем, политических норм, политических отношений, типологии современных политических систем и режимов политического руководства и лидерства; 3) теорию международных отношений и мировой

¹ В этот период Михаил Васильевич Зимянин под руководством М.А. Сулова курировал идеологические вопросы (наука, образование, культура, спорт, СМИ и др.).

Встреча Ф.М. Бурлацкого с сотрудниками факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова (8 июня 2011 г.)

политики, которая включает в себя исследование проблем войны и мира, мирного сосуществования, международных конфликтов, международного взаимодействия, международных решений, процесса интеграции интернационализации, развития международных коммуникаций, взаимосвязи внешней политики государств и идеологии и др.; 4) теорию социально-политического управления, которая включает в себя исследование форм и методов, субъекта и объекта управления, принятие решений, организацию их исполнения, контроль и т.д. [3].

Кроме того, Ф.М. Бурлацкий делает акцент на следующих организационных вопросах, которые способствовали бы развитию политической науки в СССР: а) создание специального института политических исследований в Академии наук СССР, который взял бы на себя разработку значительной части названных выше научных направлений, прежде всего, по проблемам прав человека, демократии, общественного мнения, участия в управлении, критики основных идеологических течений, теории и

методики политических исследований; б) создание Научного совета по проблемам политических исследований с участием НМЛ ЦК КПСС, Академии Наук СССР, Академии общественных наук, Института общественных наук при ЦК КПСС; в) создание журнала «Политические исследования»; г) переименование Отделения философии и права АН СССР в Отделение философских, политических и правовых наук АН СССР и д) формирование факультета по социально-политическим наукам в Московском государственном университете [3].

Таким образом, Ф.М. Бурлацкий в 1965 г. первый в советское время публично заявил о необходимости восстановить в правах политологию как научную и учебную дисциплину. И вплоть до официальной ее легализации в 1989 г. Бурлацкий продолжал отстаивать особый предметный статус политической науки, делал все возможное, чтобы политология получила подлинное признание. Поэтому Ф.М. Бурлацкого по праву можно назвать одним из основоположников современной российской политической науки.

Литература

1. Алексеева Т.А., Бурлацкий Ф.М., Воробьев Д.М., Галкин А.А., Егоров В.К., Ильин М.В., Левин И.Б., Никитин А.И., Перегудов С.П., Смирнов В.В., Туманов В.А., Холодковский К.Г. Политическая наука в России: вчера, сегодня, завтра. Материалы научного семинара // Полис. Политические исследования. — 2006. — № 1. — С. 141–156.
2. Бовин А.Е. XX век как жизнь: Воспоминания. — М.: Захаров, 2003. — 773 с.
3. Бурлацкий Ф.М. Записка Секретарю ЦК КПСС М.В. Зимянину // ОРКиР НБ МГУ. — Ф. 61. — Оп. 1. — Д. 5. — Л. 1–4.
4. Бурлацкий Ф.М. О политической науке: Избранные произведения / Ф.М. Бурлацкий. — М.: Издательство Московского университета, 2013. — 328 с.
5. Воробьев Д.М. Политология в СССР: формирование и развитие научного сообщества // Полис. Политические исследования. — 2004. — № 4. — С. 169–178.
6. Галкин А.А. У истоков возрождения политической науки в России (1960–1985 гг.): субъективные заметки // Полития: Анализ. Хроника. Прогноз. — 2010. — № 3–4. — С. 257–269.
7. Соболев В.А. Деятельность и творчество Ф.М. Бурлацкого в период перестройки в СССР // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Восьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2018» / [гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов]. — М.: Политическая энциклопедия, 2018. — С. 372–374.
8. Соболев В.А. Значение идейно-политического наследия Ф.М. Бурлацкого для российской политологии // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени. Сборник материалов Шестой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2016» / [гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов]. — М.: Политическая энциклопедия, 2016. — С. 505–507.
9. Соболев В.А. Исследования политики и власти в творчестве Ф.М. Бурлацкого // Исторические документы и актуальные проблемы археографии, источниковедения, российской и всеобщей истории нового и новейшего времени: Сборник материалов Седьмой международной конференции молодых ученых и специалистов «Сlio-2017» / [гл. ред. А.К. Сорокин, отв. ред. С.А. Котов]. — М.: Политическая энциклопедия, 2017. — С. 436–438.
10. Соболев В.А. Исследования политических систем и режимов в творчестве Ф.М. Бурлацкого // SCHOLA-2017: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.В. Мырикова, А.Б. Страхов. — М.: Издательство Московского университета, 2017. — С. 91–94.
11. Соболев В.А. Роль Ф.М. Бурлацкого в формировании дискурса политической науки в СССР // SCHOLA-2016: Политическая текстология и история идей / Под ред. А.Ю. Шутова, А.А. Ширинянца; сост. А.И. Волошин; подг. текстов А.А. Горохов, А.В. Мырикова. — М.: Издательство Московского университета, 2016. — С. 83–87.
12. Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий и перестройка в СССР // Вестник Московского государственного областного университета (Электронный журнал). — 2018. — № 2. — URL: <http://vestnik-mgou.ru/ru/Articles/View/875> (дата обращения: 17.04.2018)
13. Соболев В.А. Ф.М. Бурлацкий о социально-политических преобразованиях в Китае // Каспийский регион: политика, экономика, культура. — 2018. — № 1 (54).
14. Соболев В.А., Ширинянец А.А. Ф.М. Бурлацкий и становление политической науки в СССР // Политическая наука. — 2016. — № 5. — С. 25–42.
15. Шестопал Е.Б., Шутов А.Ю. Памяти Ф.М. Бурлацкого (1927–2014) // Вестник Московского университета. Серия 12. Политические науки. — 2014. — № 3. — С. 124–128.

РУССКИЕ В РИМЕ: ДНЕВНИК СОФЬИ БОРИСОВНЫ ШЕВЫРЁВОЙ

Подготовка текста,
вступительная статья и комментарии

Горохов Андрей Анатольевич

Кандидат политических наук,
главный редактор журнала «Русская политология —
Russian political science»
(Москва, Россия)

Перевод текста дневника

Шадская Мария Олеговна

Выпускница филологического факультета
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Москва, Россия)

Фотографии

Лощилина Мария

Студентка магистратуры «Сапиенца —
Римский университет»,
выпускница факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова
(Рим, Италия)

Мы продолжаем публиковать¹ перевод дневника Софьи Борисовны Шевырёвой (1809–1871), который она писала в Италии на французском языке. Софья Борисовна жила в Италии со своим сыном Борисом, в окружении писателей, художников, светских дам.

¹ Первая часть дневника была опубликована в 2014 г. в журнале «Историческое образование» (№ 4).

Софья Борисовна Шевырёва — жена известного русского мыслителя, историка словесности, профессора Московского университета, поэта, патриота России Степана Петровича Шевырёва (1806–1864). Софья Борисовна, в девичестве Зеленская, была дочерью князя Бориса Владимировича Голицына (1769–1813). Голицын был холост, но вне брака, от богатой польской дамы (по другим источникам — цыганского

Усадебный дом в Больших Вяземах. Фото А. Горохова

или еврейского происхождения из г. Вильно (Вильнюса)) Зеленской имел двух дочерей: Анну¹ и Софью. После смерти отца девочки воспитывались в семье Дмитрия Владимировича Голицына (1771–1844), брата Б.В. Голицына, с 1820 по 1844 г. генерал-губернатора города Москвы. Утверждается, что Анну и Софью скрывали от Натальи Петровны Голицыной (1744–1837), матери братьев Голицыных, которая отличалась суровым нравом. Пробразом главной героини «Пиковой дамы» Александра Сергеевича Пушкина (1799–1837) была именно княгиня Н.П. Голицына — бабушка Софьи Борисовны. А.С. Пушкин

¹ Анна Борисовна Зеленская (1802–1835) 23 июля 1824 г. в московской церкви Николы Чудотворца на Песках, что на Арбате венчалась с Александром Павловичем Бакуниным (1797–1862). А.П. Бакунин учился с А.С. Пушкиным в Царскосельском лицее, с 1842 по 1857 г. был генерал-губернатором Тверской губернии. Подробнее о жизни А.Б. Зеленской см.: Матершев И. Дама с моноклем, или Внучка Пиковой дамы // «Вичугские новости.Ru». URL: http://www.vichugskie-novosti.ru/news/322/n322_881.html (дата обращения: 28.01.2017). Полная версия статьи опубликована в газете «Вичугские новости» (№ 22 от 18.03.2011).

был знаком с Голицыными с самого детства. Имение Захарово, которое принадлежало бабушке Пушкина, находилось в нескольких километрах от усадьбы Большие Вяземы Голицыных².

В Захарово не было церкви, и Пушкины ходили в Спасо-Преображенский храм, который находится на территории усадьбы Большие Вяземы. Пушкин посещал усадьбу Голицыных в Больших Вяземах, и именно она стала прообразом имения Евгения Онегина в одноименном романе. И в Больших Вяземах, на одном из балов, по одной из версии, впервые Пушкин увидел Наталью Николаевну Гончарову (1812–1863).

Усадьба Большие Вяземы является поистине историческим местом — здесь поочередно, в годы Отечественной войны 1812 года, ночевали Михаил Илларионович Кутузов (1745–1813)

² Усадьбы Захарово и Большие Вяземы входят в Государственный историко-литературный музей-заповедник А.С. Пушкина. Усадьбы расположены в Московской области и открыты для посещения. До исторических мест Пушкина, Шевырёвых и других известных деятелей русской культуры можно доехать с Белорусского вокзала Москвы до «Стации Голицыно».

и Наполеон Бонапарт (1769–1821). В Больших Вяземах Николай Васильевич Гоголь (1809–1852) встречался с С.П. Шевырёвым, где читал первые главы второго тома «Мертвых душ».

Как мы можем убедиться, череда известных исторических персон XIX в. связана с нашей героиней — Софьей Борисовной Шевырёвой и ее семьей. И поэтому вызывает вполне логичный вопрос: почему до настоящего времени не был переведен и опубликован ее дневник? На наш взгляд, это связано с недооценкой в советский период творческой и исследовательской деятельности С.П. Шевырёва, а переиздание его трудов и исследования стали публиковаться только в постсоветский период¹.

О С.Б. Шевырёвой, в отличие от ее знаменитого мужа, в настоящее время известно немного. Но один эпизод ее жизни мы знаем в подробностях — это период ее пребывания в Италии, когда она писала свой личный дневник. Софья Борисовна излагала свои переживания и впечатления на французском языке, который был популярен среди высшего общества России в XIX в. Многие русские мыслители отмечали низкий уровень владения русским языком, а также его непопулярность в светском обществе. Николай Михайлович Карамзин (1766–1826) критиковал ложное, но распространенное мнение российских светских дам своего времени, что «русский язык груб и неприятен; что *charmant* и *séduisant*, *expansion* и *vareurs*² не могут быть на нем выражены; и что, одним словом, не стоит труда

знать его»³. С.П. Шевырёв образно описывал упадок русского языка в России: «Только из нашей земли выезжают иноземцы, прошедшие век свой среди наших семей, и к стыду нас гордящиеся тем, что не вывозят с собой из России ни одного Русского слова!»⁴. А о степени распространенности французского языка в начале XIX в. писал Сергей Семёнович Уваров (1786–1855): «Никогда господство французского языка и французского остроумия не было более откровенным. Их любили и совершенствовали все, даже те, кто более всех ненавидели само французское правительство и его политику»⁵.

Увлечение французским языком для Софьи было обусловлено эпохой и «наследственной привычкой»: ее отец, будучи патриотом своей страны, принимал участие в организации литературного общества «Беседа любителей русского слова», в то же время писал на французском языке. Такому сочетанию не следует удивляться — это время культурного синтеза России и Европы, созидания шедевров русской культуры и искусства, которые стали достоянием всего человечества. Идея культурного единства является одной из ключевых и в социально-политических работах Шевырёва. Более того, Шевырёв считал, что Россия и русский язык могут объединить Запад и Восток: «...язык Русский есть язык народа... призванный своими звуками сочувствовать языкам всего мира и, может быть, связать Европу с Азией»⁶.

¹ См.: *Ширинянец А.А.* Степан Петрович Шевырёв // Шевырёв С. П. Избранные труды / Сост. А.А. Ширинянец, К.В. Рясенцев, автор вступ. статьи А.А. Ширинянец; авторы коммент. М.К. Кирюшина, К.В. Рясенцев, А.А. Ширинянец. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009. С. 5–67; *Ширинянец А.А.* С.П. Шевырёв в истории социально-политической мысли России // ПОЛИТЭКС. 2011. Том 7. № 1. — С. 5–16.

² Прелестный, обольстительный, изливание, воспарения (франц.).

³ *Карамзин Н.М.* О любви к отечеству и народной гордости // Карамзин Н.М. Избранные сочинения в двух томах. Т. 2. М.; Л., 1964. — С. 286.

⁴ *Шевырёв С.П.* Об отношении семейного воспитания к государственному // Шевырёв С.П. Избранные труды. М., 2010. — С. 280.

⁵ *Уваров С.С.* Мадам де Сталь // Уваров С.С. Избранные труды. М., 2010. — С. 524.

⁶ [*Шевырёв С.П.*] История русской словесности. Лекции Степана Шевырёва, Ординарного Академика и Профессора. Часть первая, содержащая введение и столетия IX и X. Издание второе, умноженное. М., 1859. — С. 103.

Рим. Вид на Собор Святого Петра. Фото М. Лощиной

Идея единства проявляется и в дневнике С.Б. Шевырëвой, в котором сочетается итальянская история, культура и искусство, французский язык и впечатления русской женщины, которая пишет о своей жизни в Италии.

В истории взаимоотношений России и Италии есть яркие примеры успешного сотрудничества — в XV в. Иван III пригласил из Италии архитекторов для восстановления Московского кремля, в XVIII в. по приглашению Петра I итальянские архитекторы участвовали в возведении Санкт-Петербурга. Поэтому частица Италии присутствует в архитектурных символах России и это пример культурного сотрудничества, которое создает долгосрочные неразрывные связи, которые не зависят от краткосрочной политической конъюнктуры. Возможно, поэтому многие русские творцы, интеллигенты до революционной России стремились побывать в Италии.

Дневник Шевырëвой погружает нас в атмосферу Италии 1830-х гг., а чувственность Софьи Борисовны, ее

впечатлительность и воодушевленность позволяют окунуться в события того времени и прочувствовать их вместе с ней. Хотя прошло уже более 180 лет с момента первой строчки, которую записала в своем дневнике Софья Борисовна, дневник представляет собой книгу с замочком, который открыт современникам для чтения. Чтение дневника будет очень интересно тем, кто интересуется историей России, русской культурой XIX в., бытом и традициями русской семьи, историей и культурой Италии и Рима. Надеемся, что дневник найдет своего читателя как в России, так и в Италии, а также может заинтересовать и исследователей из Франции, так как оригинал написан на французском языке.

Записи Софьи Борисовны отразили реальную жизнь, в которой сочетаются радость и горе, смех и слезы, встречи и расставания.

Дневник Софьи Шевырëвой переполнен ожиданиями скорейшей встречи с мужем Степаном Петровичем Шевырëвым, который по делам Мо-

Рим. Вид с моста Понте-Систо на мост Джузеппе Мадзини. Фото М. Лоцилиной

сковского университета отправился в путешествие по Европе. С 1838 по 1840 г. С. П. Шевырёв посещал лекции археологического института в Риме, слушал лекции в Берлине, Мюнхене, Париже, Лондоне, работал в библиотеках, встречался с учеными. Степан Петрович и Софья Борисовна писали друг другу письма, упоминания о них встречаются на страницах дневника.

Мы стараемся печатать перевод с подробными комментариями, рассказывая подробности о лицах и местах, о которых пишет Софья. Для составления комментариев используем Фундаментальную электронную библиотеку «Русская литература и фольклор» (ФЭБ), а также путеводители по Италии, рассказы путешественников, научные статьи.

Более того, благодаря отзывчивости Марии Лоцилиной, проживающей в настоящий момент в Риме, мы можем не только представлять те места о которых пишет Софья, но и увидеть их на фотографиях, которые сделала Мария в феврале-марте 2018 г. Стоит отметить,

что Мария пишет, как и Софья, свой дневник.

Оригинал дневника хранится в Российском архиве литературы и искусства (РГАЛИ). Переводом архивных материалов занималась Мария Шадская, выпускница филологического факультета Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, того самого университета, где преподавал С.П. Шевырёв, бывший одновременно (с 1847 г.) деканом историко-филологического отделения философского факультета. Кстати, и Мария Лоцилина также выпускница МГУ имени М.В. Ломоносова, но факультета политологии (факультет образовался в 2008 г. на базе кафедр, которые были ранее в составе философского факультета). Вот так перевод и издание дневника Шевырёвой объединил молодых выпускников факультета политологии и филологического факультета Московского университета. И, конечно, исследование было бы невозможно без участия сотрудников РГАЛИ, которые

сохраняют бесценные документы и предоставляют возможность изучать материалы, которые имеют большую культурную и историческую ценность.

Желаем приятного и познавательного чтения строк, написанных Софьей Борисовной.

Преыдущая часть опубликованного дневника прервалась на тревожной новости: заболел маленький Борис...

ДНЕВНИК

Софьи Борисовны Шевырëвой

Часть II

Бедный малыш, завидев меня, обвил руками мою шею и сказал: «Я болел». А затем: «Помяни Бога, чтобы я выздоровел». Я сразу же дала ему касторовое масло и распорядилась, чтобы его кормили легко, как наказал господин Гирелли¹. К 6 часам жар усилился. Пришлось ставить горчичники, и только к ночи температура стала спадать.

В тот день Гоголь² обедал с нами, пил за наше здоровье. После обеда мне взгрустнулось, и я поспешила вернуться к моему больному. Я горько плакала, на меня нахлынуло уныние. Вот уже третий месяц, как мы не вместе³, и вот

¹ Гирелли — доктор Волконской (урожд. княжна Белосельская-Белозерская) Зинаиды Александровны (1789–1862), княгини.

² В Риме на доме 126 на Виа Систина (Via Sistina) установлена мемориальная доска, на которой на русском и итальянском языке написано: «Здесь жил в 1838–1842 г.г. Николай Васильевич Гоголь. Здесь писал “Мертвые души”». Доска была смонтирована в 1901 г. на средства русской колонии в Риме.

³ Шевырëв С.П. отправился в путешествие вместе с М.П. Погодиным, который в «Воспоминаниях о Степане Петровиче Шевырëве» писал, что за время поездки по европейским странам Шевырëв сделал много примечательных знакомств: «В Риме полиглот Меццофанти, у которого в первый раз мы были с ним вместе, Нибби, историк Рима, Марки, нумизмат: в Париже: Бальзак, Альфред де Виньи, Барбье; в Берлине: Фарнгаген фон Энзе, профессор Ганс, филолог Бек; в Мюнхене: Шеллинг. Тирш, Марциус, живописец Каульбах; в Страсбурге: профессор философии Ботен и профессор педагогики Фриц;

уже третья болезнь. Неужели каждый месяц будет начинаться подобным образом? Боже упаси. Мысль о том, что мне придется сообщить тебе, друг мой, об очередной болезни, усиливает мою грусть. О, что это были за послеобеденные часы! Все же, мне не стоит забывать о долге, который ты на меня возложил, милый.

Видя, что наш мальчик спокойно уснул к 11 часам, я немного успокоилась. В 4½ я слышу, как он заплакал: простой каприз. Какое удовольствие я испытала от этого! Значит, ему становится лучше. Вскоре он снова заснул и спокойно проспал до 8 часов. Я же пошла открыть окно в своем кабинете и принялась вдыхать утренний воздух и наслаждаться красивым видом из окна, который терялся где-то вдали. Затем я пошла к госпоже Влас⁴, которая собиралась уже подниматься с постели, и в 5½ я снова прилегла отдохнуть. Как только Борис проснулся, он принял касторовое масло. Как безропотно он пьет эти лекарства, мой малыш! Княгиня уехала от нас 13 июня после обеда, и с ней уехал аббат Жербе⁵, который увез с собой все наши горести. Какой это благородный, прекрасный человек, сколько в нем достоинства, как с ним легко, как приятно становится в нашем маленьком обществе. На следующий день, 14 июня, господин Гирелли, предупрежденный княгиней, приехал в 11 часов вместе со своей женой. Он одобрил мой метод лечения и посоветовал давать лекарство еще и на следующий день.

в Геттингене: Отфридж Миллер; в Гейдельберге: Крейцер и Шлоссер; в Праге: Шафарик, Юнгман, Ганка, Палацкий и Челяковский.

⁴ Власова Мария-Магдалина Александровна (1787–1857) в 1829 г. вместе с сестрой, княгиней Зинаидой Александровной Волконской, урожденной княжной Белосельской-Белозерской, уехали в Италию.

⁵ Вероятно, Жербе Олимп-Филипп (1798–1864), французский католический епископ и писатель. В 1839–1849 гг. он был в Риме, собирал данные для своей работы «Esquisse de Rome Chrétienne», был преподавателем священного красноречия в Сорбонне.

18 июня. Хвала Господу, жар спал и больше не возвращался. После трех дней в постели Борис смог встать: сначала всего на несколько часов, а сегодня он был на ногах весь день, хотя и капризничал не переставая. Добрый господин Гирелли относится к нему невероятно дружелюбно.

В субботу вечером, 15 июня, приехала семья Эрмете с госпожой Конти¹. Этот день и два последующих были невеселыми, и в это время у князя то и дело возникали просто невыносимые идеи, из-за которых, в конце концов, пришлось изменить план путешествия Пр., доброй княгини. Сколько мук она вынесла!

17 июня она вернулась на виллу Мути² и так хорошо отзывалась о муже, что он был невероятно тронут. После обеда в 6 часов она ушла с госпожой Конти и со всеми Эрмете. Я провела день у себя за книгой. Окно было открыто, стояла прекрасная погода. Этим утром, поздно поднявшись, я почитала, а затем, почувствовав себя нехорошо, я снова прилегла. Сейчас я пишу эти строки в гостиной, сидя около матери.

19 июня. Я восхищаюсь княгиней. Однако с прошлого вечера я теряю самообладание по ее вине, она никак не может оставить нас в покое. Пообедали мы втроем с Борисом: он первый раз обедал за столом. Наши два кавалера обедали у Репниных³. После обеда я

¹ Конти Лола — римская знакомая Н.В. Гоголя; в письмах к Марии Балабиной от апреля и ноября 1838 г. из Рима Гоголь упоминает о двух барышнях Конти и их матери.

² Вилла Мути — здание во Фраскати (город в Лацио, в 21 км от Рима), строительство которого началось в 1579 г. Вилла украшена, в том числе, фресками крупных художников эпохи барокко: Джованни Ланфранко (1582–1647) и Пьетро да Кортона (1596–1669).

³ Репнины — русский княжеский род, происходивший от св. Михаила, князя черниговского, и прекратившийся в 1801 г., со смертью генерал-фельдмаршала князя Николая Васильевича Р.; но в том же году, по повелению Александра I, внуку (по дочери) последнего Р., князю Николаю Григорьевичу Волконскому, разрешено было именоваться Репниным-Волконским (см.: Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона). Репнин-Волконский занимал пост генерал-губернатора Малороссии (см.: *Голенищева Е.* Однажды в Риме // Дерибасовская-Ришельевская: Одесский альманах. — 2009. — № 37. — С. 93–96).

устроилась на лестнице, а Борис стал играть передо мной, довольный своей новой лопаткой. Постепенно собралось все наше небольшое общество. Б. Репнин немного побыл с нами. В 7 часов Борис зашел в дом. Сегодня была первая прогулка после болезни. Час спустя пришел брат, огорченный письмом от Пр., которое он нам показал. Княгине вдруг пришла идея отправиться на другие воды, а также увезти вместе с собой мужа⁴ и господина Влад.⁵ Князь написал, что отказывается. Мы обсудили новость с госпожой Влас. и братом, и я легла около полуночи. Утром я проснулась в 8½ часов и спустилась с Борисом в сад. Он играл, а я читала Мандзони⁶. Мы вернулись к 11 часам.

⁴ Волконский Никита Григорьевич (1781–1844) — князь, генерал-майор, имел статский чин тайного советника, что соответствует военному чину генерал-лейтенанта по табели о рангах. Из черниговских князей, брат С.Г. Волконского и Н.Г. Репнина-Волконского. В 1807 г. был назначен флигель-адъютантом к Александру I. В 1811 г. женился на Зинаиде Александровне, дочери князя Александра Михайловича Белосельского-Белозерского (см.: *Словарь русских генералов, участников боевых действий против армии Наполеона Бонапарта в 1812–1815 гг.* // Российский архив. Т.VII — М.: студия «ТРИТЭ» Н. Михалкова, 1996. — С. 342).

⁵ Паве Владимир (Павей, Pavé, род. 1811) — приемный сын княгини З.А. Волконской. «Сего последнего она нашла буквально на лондонской мостовой (по-французски павэ — мостовая). Английский гаврош показался ей так похожим на покойного Гришеньку...» (см.: *Бондаренко В.* Былого века львицы... и девицы. Литературные салоны в России в первой половине 19 века // http://www.library.ru/2/like/sections.php?a_uid=87). Гриша — сын Волконской, отец которого якобы Александр I (см.: там же). Письма и записки Императора Александра I к З.А. Волконской хранятся в библиотеке Гарвардского университета.

⁶ Мандзони Алессандро Франческо Томмазо (1785–1873) — итальянский писатель, крупнейший представитель итальянского романтизма и его теоретик, поэт, драматург, романист, автор романа «Обрученные». Мандзони беседовал с С.П. Шевыревым. «С.П. Шевырёв сделал Пушкина»

Расположились в гостиной вместе с госпожой Влас., и под ее диктовку я записала письмо к господину Влад., который уехал рано утром.

Жара удручает меня, от нее дрожит рука. После обеда поработала, сидя на лестнице, Борис, счастливый, играл рядом с новенькой игрушечной повозкой, которую я ему подарила. В 7½ часов я позвала его в дом. Как только я вернулась на балкон, услышала голос господина Влад.: «Добрый вечер!» Он вернулся из Рима, и я боялась новостей, которые он привез оттуда и о которых я не решалась с ним заговорить. Пр. решила, наконец, что никто никуда не уедет. Я была этому в какой-то мере рада, но ей бы следовало уехать ради нашего спокойствия и собственного здоровья. Каждую секунду приходят письма, где сообщается об изменении ее планов. Княгиня более не собирается сюда приезжать, отчего князь расстроен, и все это портит впечатление от нашего лета и мешает думать о прогулках и о каких-либо развлечениях.

20 июня, четверг. Встала вместе с Борисом к 7 часам, мы прогулялись по саду, поглядели, как доят коров. Борис сказал: «Как здесь неподобно жить! Я рад, что мы здесь останемся». Вернув-

кина известным одному из видных итальянских писателей первого тридцатилетия XIX в. — Александро Манцони (или по обычной русской транскрипции Манцони). Пушкин интересовался этим писателем; роман Манцони «Обрученные» он читал во французском переводе около 1830 г. и очень им восхищался; любопытно, что предисловие к «Обрученным» в переводе Павлищева (мужа сестры Пушкина) напечатано было в «Литературной газете» в 1830 г. Будучи в Италии, Шевырёв свел знакомство с Манцони и беседовал с ним о Пушкине, о чем и писал С.А. Соболевскому из Милана 20 февраля 1832 г.: «Вчера познакомился с Манцони. Желает узнать кое-что о русской литературе, называл мне Пушкина и Козлова»; интересно, между прочим, что некоторые произведения этих писателей к тому времени были уже переведены на итальянский язык» (см.: Соболевский друг Пушкина. СПб., 1922. С. 39; Алексеев М.П. Пушкин на Западе // П. Врем. Т. 3. С. 120; То же под загл.: Пушкин и Запад // Алексеев П. и мировая лит-ра. С. 282–283).

шись, я переоделась, и мы позавтракали. Почитала Евангелие, отправилась в сад, где Борис играл, а я стала читать Мандзони до 11½ часов. Написала письмо Катеньке¹. В 5½ устроилась на лестнице с Борисом и госпожой Влас., и прочла новеллу «Аббатиса из Кастро»², хорошо написанную, очень интересную и трагичную. Я закончила читать книгу, пока Борис готовился ко сну.

21 июня. До 6 часов мы выехали с господином Владимиром на прогулку на осликах. Мы пересекли Гроттаферратта³ и по тропинке, которая спускается позади замка, мы проехали перед писчебумажным магазином. Мы продолжили спуск до кузницы, около которой мы спешились, чтобы посмотреть, как обрабатывают железо. Напротив писчебумажного магазина находится небольшой и очаровательный водопад, почти вертикальный. Эта утренняя прогулка была очень приятной, воздух был свежим, а аромат цветущего виноградника просто дивный. Вернулись к 8 часам. Я усадила Бориса на своего ослика, и он

¹ Вероятно, Розенгейм Екатерина Павловна (1805–1873), приемная дочь Д.В. Голицына, побочная дочь князя Сергея Михайловича Голицына и турчанки, вывезенной с театра военных действий. Замужем за Борисом Карловичем Данзасом (1799–1868), директором департамента министерства юстиции, Обер-прокурором Сената, действительным тайным советником, первоприсутствующим уголовного кассационного департамента.

² «Аббатиса из Кастро» — историческая новелла Фредерика Стендаля (псевдоним французского писателя Мари-Анри Бейля), написанная в 1839 г.

³ Гроттаферратта — город в Италии, располагается в регионе Лацио. Также Гроттаферратта — это греческий монастырь во имя Пресвятой Богородицы Гроттаферратской, в наст. время греко-католическое аббатство ордена василиан, в 18 км к юго-востоку от Рима. Основан в 1004 г. преподобным Нилом Младшим (около 910–1005). Память святого отмечается и в православии, и в католичестве. Преподобный прибыл в эти места со своим учеником, святым Варфоломеем, и с группой византийских монахов из византийской Калабрии, откуда был родом. Монахи принесли с собой в Гроттаферратта свой византийско-греческий обряд. Переезд произошел из-за набегов сарацин.

Гроттаферратта. Фото М. Лощиной

проехался на нем, ужасно довольный, по всему саду. Затем господин Влад. пришел позавтракать вместе с нами. Также госпожа Власова присутствовала на нашем легком завтраке. Почитала Евангелие, а в саду — Мандзони. Пришел господин Владимир, и мы побеседовали. В 11½ часов начала читать Гольдони («Трактирщица»)¹ вместе с госпожой Влас. Затем пришли письма от Пр. В. и от мужа. После обеда написала Пр. Г. и закончила письмо мужу.

Вечер закончился как обычно. Как только мы остаемся втроем, наши разговоры касаются лишь волнения, царящего в доме.

Сегодня, 22 июня, я была готова к 9 часам, почитала Евангелие, затем провела время с госпожой Влас., позанималась с Борисом, который хорошо

выучил свой урок. Затем некоторое время поговорила с госпожой Влас. и господином Влад. о наших общих горестях. После обеда читала Мандзони. Уже 5 часов, собираюсь устроиться на лестнице с Борисом и заняться рукоделием. Хотя брат со мной предельно вежлив, мне часто кажется, что я ему неприятна. Что же я ему сделала? Не знаю что в моем лице такого отталкивающего, но что делать! Я еще глубже забьюсь в свой угол.

29 июня. О да, это самое лучшее решение. Когда видишь, что с тобой не желают водить дружбу, лучше и вовсе не навязываться. Кажется, он приходит ко мне только потому, что ему необходимо поговорить с кем-то в нашем обществе. С тех пор, как у него появились знакомые, он более не поднимается ко мне. Я здесь одна, без моего душечки, и я верила, что нашла в нем человека, с которым могу поговорить не только о погоде. Я ошиблась и теперь вынуждена смириться.

¹ Гольдони Карло (1707–1793) — итальянский драматург, создатель национальной комедии. Гольдони написал 267 пьес, в т.ч. «Слуга двух господ», «Хитрая вдова», «Кьоджинские перепалки». Комедия «Трактирщица» (или «Хозяйка гостиницы») написана в 1759 г.

В субботу вечером, 22 июня, мы с госпожой Влас., господином Павлом¹ и Борисом совершили очаровательную прогулку в лес. 23 июня, когда я проснулась, мне сказали, что Пр. вернулась. Мы замечательно провели вместе большую часть дня.

24 июня, незадолго до 6 часов Пр., господин Павел и я пошли пешком на Фраскати², в капуцинский монастырь³. Мы выбрали дорогу, которая резко спускалась вниз. Прогулка была очаровательной. Он был со мной любезен, и я в глубине души примирилась с его поведением. После мессы они с княгиней уехали в Рим, а я вернулась домой пешком через виллу Монтальто⁴. Стояла отличная погода, и, хотя я чувствовала себя уставшей, меня восхитила эта прогулка. В течение дня читала Евангелие, написала Окулову⁵. Читала Мандзони, а вместе с матерью — Гольдони. Мы немного прогулялись вдвоем вечером, и поднялись к себе довольно рано.

Во вторник, 25 июня, позанималась с Борисом, немного почитала, приняла

¹ Вероятно, Кривцов Павел Иванович (1806–1844) — секретарь русского посольства (с 1826) и начальник над русскими художниками в Риме (1841–1844), был женат на Елизавете Николаевне Репниной-Волконской (1817–1855).

² Фраскати — городок у подножия Альбанских гор, в 20 км от Рима. Город известен своими виллами. Первые виллы в Фраскати появились в эпоху еще Древнего Рима, одним из первых построил в этой местности дом Лукулл.

³ Капуцины (итал. cappuccino, от cappuccio — капюшон) — католический монашеский орден, основанный как ответвление ордена францисканцев в 1525 в Италии. В настоящее время в монастыре капуцинов во Фраскати располагается Музей эфиопской культуры, основанный кардиналом-миссионером Гульельмо Масая (1809–1889).

⁴ Возможно, вилла Монтальто-Перетти. В 1863 г. на месте виллы Монтальто-Перетти было построено первое здание вокзала для обслуживания железнодорожной линии Рим-Фраскати.

⁵ Окулов Матвей Алексеевич (1792–1853) — участник Отечественной войны, в 1824 — командир Арзамасского конно-егерского полка, с 1829 в отставке, с 1830 и до смерти — директор училищ Московской губернии, с 1833 — камергер, статский советник, владелец коллекции картин, гравюр, литографий и т.п.

ванну, после которой вновь ненадолго прилегла вплоть до обеда. С 6½ с госпожой Влас. и Борисом мы замечательно погуляли до 8 ч в лесу. Затем Борис пошел спать, а я обошла еще раз вокруг дома, любясь красивой луной и светящимися насекомыми. К 9 часам я увидела, что приехала княгиня, господин Павей⁶, госпожа Гирелли⁷ с малышкой.

Среда, 26, прошла довольно хорошо, я сумела заняться важными делами. После обеда мы прогулялись до виллы Каверна. Часть пути мы прошли пешком, часть — проехали в коляске. В этот день дети узнали друг дружку получше, и тогда же я поняла, что у меня стало на одного друга меньше.

27 июня мы с князем, княгиней и Борисом обедали у Репниных. После обеда княгиня почувствовала сильное недомогание. Вернувшись в 5 часов, она легла в кровать, от которой мы не отходили целый день.

28 утром приехал господин Гирелли, Пр. все еще чувствовала недомогание, хотя и встала с постели. Какую горькую досаду я испытала в тот день. Вместо письма от мужа мне принесли лишь извещение о письме, ожидающемся отправки в Лондоне. Получила письмо от Ольги, в котором она сообщает о своей свадьбе, что меня порадовало. Пусть милая Ольга будет счастлива! Ее юность тоже не была радостной. Написала письмо госпоже Даллер. Все эти дни я продолжала чтение Мандзони, а также наше чтение с госпожой Влас.

Сегодня, 29 июня, Пр. чувствует себя лучше. Сначала она сама принялась писать, а потом я помогла ей, закончив письмо под ее диктовку. Затем дописала письмо мужу, почитала вместе с матерью, после обеда почитала немного Мандзони и погуляла по саду с княгиней и госпожой Влас. Вечер мы провели вместе. Госпожа Гирелли

⁶ Паве Владимир (Павей, Pavé, род. 1811) — приемный сын княгини З.А. Волконской.

⁷ Госпожа Гирелли — жена доктора княгини З.А. Волконской.

читала вслух. В 11 часов вечера стало просто невыносимо. Еще немного и я бы стала его ненавидеть, если бы это стоило того. Однако этим ничего не изменишь. Кажется, он ищет общества ... лишь бы вывести меня из себя.

30 июня, 10½. Этим утром получила хорошее письмо от моей души. Так как с господином Павей мы сидели рядом за столом, мне пришлось поддерживать с ним беседу. В течение дня я вела себя таким же образом. Если я перестану с ним разговаривать, это будет значить, что я возмущена. Хотя мне это и дается с трудом, нужно скрывать свои чувства. Все эти три дня я чувствую себя не очень хорошо, у меня случаются периоды глубокой грусти. Дети окончательно сдружились. Борис очень нежно относится к малышке.

Он разговаривает с ней по-итальянски. На днях он разозлился на Настази и сказал ей: «Пошла вон». Тогда я велела Настази не подходить к нему, пока он не придет мириться. В то время, когда я пыталась его успокоить, журила его, он сначала плакал и злился, а потом успокоился потихоньку и, наконец, помирился с Настази. Я посадила его на колени, крепко обняла, а он сказал мне: «Напишите об этом папа». Он всегда просит об этом, когда знает, что поступил хорошо.

Капальти¹ и господин Гирелли провели у нас целый день. В 6 часов Пр. должна была уехать вместе с ними. Капальти и господин Павей пошли впереди пешком. Едва княгиня села в коляску, она передумала ехать и вернулась обратно. Я боялась какой-нибудь выходки со стороны княгини, однако

она просто холодно говорила с князем. Все пробыли у нее до 8 часов. Я уехала, чтобы застать ужин и приготовление ко сну Бориса, который только и делал, что весь вечер пел арию Бианки² госпоже Гирелли: «Vini, vini, socca mia, fini da para»³. Госпожу Гирелли, мне кажется, это утомляло, но она этого не показывала, чтобы не расстроить меня. Княгиня легла спать, а мы провели ночь у ее кровати. Около 10 часов я немного почитала Гольдони в гостиной.

Июль, понедельник. Проснулась поздно, почитала Евангелие, Мандзони, позанималась с Борисом, он хорошо подготовил урок. Чтение вместе с госпожой Влас., после обеда прогулка с княжной, в саду, вечером вновь чтение в гостиной. Легла спать в 11 часов. Ночью в 1¼ часов нас разбудили, чтобы совершить заранее намеченную прогулку. Еще не было 2 часов ночи, а мы с госпожой Гирелли и господином Павей уже сидели на осликах и готовы были пуститься в путь.

Ночь была изумительно красивой, хотя и прохладной. Наш путь освещала луна, просто восхитительная. Мы пересекли лес, затем проехали насквозь спящую деревню Гроттаферратта,

² Опера Джоаккино Россини «Бьянка и Фальеро, или Совет трех» (*Bianca e Faliero, ossia Il consiglio dei tre*) в 2 д., либретто Ф. Романи по трагедии А. Мандзони «Граф Карманьола». «Бьянку и Фальеро», исполненную в Ла Скала в 1819 г., миланская публика встретила прохладно. Россини писал «Бьянку» без энтузиазма. Ему не нравился сюжет. Постоянный либреттист композитора Феличе Романи взял за основу трагедию XVII в. Юная венецианка Бьянка любит Фальеро, который с победой вернулся с войны. Однако ее отец настаивает, чтобы она вышла за богатого Капеллио. На свидании возлюбленных едва не застает отец, и, вынужденный бежать, Фальеро случайно оказывается за оградой испанского посольства. Его обвиняют в измене, однако на суде в качестве свидетельницы появляется Бьянка и спасает его. Отец после некоторых колебаний воссоединяет влюбленных. В наше время один из лучших спектаклей был на фестивале в Пезаро (родном городе Россини) в 1989 г. и в 2005 г. (см.: Данилова А. Триумф через двести лет // <http://vz.ru/culture/2005/8/30/5338.html>).

³ «Иди, иди сюда, моя красавица, иди к папе!».

¹ Известно, что в январе 1839 г. на вилле З. Волконской был концерт с участием певцов Риччи, Корсини, Капальди, исполнявших псалмы в переложении итальянского композитора Бенедетто Марчелло (см.: Даты жизни и творчества В.А. Жуковского // Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: В 20 т. — М.: Яз. рус. культуры, 1999 — Т. 14. Дневники. Письма-дневники. Записные книжки. 1834–1847 гг. / Сост. и ред. О.Б. Лебедева, А.С. Янушкевич. — 2004. — С. 389).

Городок Рокка-ди-Папа. Фото М. Ложиной

затем красивый каштановый лес, после — Рокка-ди-Папа¹ и Монте-Каво²

¹ Рокка-ди-Папа (Rocca di Papa) — небольшой городок в области Лацио в 30 км на юго-восток от Рима. С XII в. здесь стоял один из бастионов Папы Римского, о чем и говорит название города, которое дословно переводится как «скала папы». В городе несколько церквей. Главный храм города — церковь Успения Богородицы, которая с перерывами строилась с XVII по XIX в. Жемчужина церкви — скульптурная группа «Пьета» немецкого скульптора XIX в. Теодора Вильгельма Ахтермана. К важнейшим достопримечательностям окрестностей города относится монастырь и церковь Богородицы в Нивес-ди-Палаццоло. Интерьер церкви украшает фреска XII-XIII вв. с изображением Богородицы и младенца Иисуса.

² Монте-Каво — наивысшая точка Альпийских гор, высота 950 м. Монте-Каво есть Mons Latialis, или собственно Mons Albanus древних. До построения Рима это была священная гора латинян, на которой происходили союзные празднества (Feriae latinae) и стоял знаменитый храм Юпитера Лациальского. Храм этот был разрушен лишь в 1783 последним Стюартом, кардиналом Йоркским, и обломки его употреблены на постройку монастыря пассионистов (католический орден под названием «Конгрегация босоногих монашествующих Пресвятого Креста и Страстей Господа нашего Иисуса Христа»), украшающего теперь вершину горы. Неподалеку от кратера

около монастыря. Было уже 4¼ часа и мы сошли с осликов, чтобы дожидаться восхода солнца. Солнце появилось в 4½ часа. Как же красивы были цветущие каштаны в лунном свете! Восход был неопишимо прекрасен! Особенно когда края облаков стали золотыми, и показалось, что зажегся громадный факел. В следующее мгновение солнце появилось целиком. Невозможно о чем-либо говорить в это мгновение, потому что все равно не найдется слов, чтобы выразить что у тебя на душе. Как же я счастлива, что увидела восход!

Когда мы стали приближаться к горе, я почувствовала, что замерзаю, а доехав до нее, продрогла так, что зуб на зуб не попадал. Но в тот момент, когда появилось солнце, все неудобства были забыты. Затем мы отъехали на

идет хорошо сохранившаяся и вымощенная кусками лавы древняя дорога, ведущая на верх горы, по всей вероятности, via triumphalis, по которой римские военачальники, не получившие разрешения на триумфальный въезд в Рим, торжественно восходили к храму Юпитера Лациальского.

Озеро Неми. Фото М. Лоцциной

некоторое расстояние от горы, чтобы разглядеть два озера: Неми¹ и Альбано² с ровной, как зеркало, водной гладью.

¹ Неми — озеро вулканического происхождения в 30 км к югу от Рима, которое часто упоминается на страницах древней истории. Озеро именуют «Зеркало Дианы», так как возле воды стоял храм в честь богини Дианы, до настоящих дней храм не сохранился. От богини Дианы происходит и название озера, так как Неморенский (или Немейский) царь — титул жрецов Дианы Аррицийской.

Римский император Калигула (Гай Юлий Цезарь Август Германик) построил на озере Неми увеселительные корабли. Один был храмом Дианы, второй — плавучим дворцом. Один корабль был обнаружен в 1444 г. кардиналом П. Колонна. В 1885–1889 гг. британский посол лорд Сейвэйл ободрал с судна бронзовые и золотые орнаменты и украшения. Второй корабль был обнаружен в начале XX в. В период с 1927 по 1923 г. корабли были подняты со дна озера, для них был построен музей. 31 мая — 1 июня 1944 г., во время отступления немецких войск, музей и корабли были уничтожены пожаром (см.: *Де Камп Л.С.* Корабли из озера Неми // Наука и жизнь. — 1971. — Вып. 4. — С. 130–132).

² Альбано — озеро вулканического происхождения в 25 км к юго-востоку от Рима. Возле озера расположен городок Кастельгандольфо, который был построен на месте, где находился легендарный город Альба Лонга — родина Ромула и Рема. В настоящее время в Кастельгандольфо расположена летняя резиденция Папы Римского.

Полюбовались видом, открывающимся на подножие горы в Рокка-ди-Папа, где мы позавтракали с аппетитом плохим кофе из трактира и двумя вкусными курицами, которых мы привезли с собой. Затем мы вновь сели на осликов и двинулись в обратный путь по той же дороге. Как странно было видеть те же места, что мы проезжали ночью, но теперь освещенными теплым солнечным светом! Красавица-луна еще была видна какое-то время на небе, но вскоре стала тускнеть и, наконец, стала совсем незаметна.

Было уже 8 часов, когда мы вернулись домой. Борис уже встал и был очень удивлен, узнав о моей ночной прогулке. Я позавтракала вместе с ним, а затем поднялась к себе и проспала до обеда, утомленная, но очарованная увиденным. Княгиня уехала утром, еще до нашего возвращения. С полудня зарядил дождь, был даже гром с градом. После обеда я все еще чувствовала себя слишком уставшей, чтобы писать, поэтому почитала в одиночестве и посидела в гостиной с госпожой Влас.

4 июля. 2 июля после обеда, прохожу мимо и вижу людей у себя в спальне. Меня это настолько разозлило, что я

отказала всем в приеме. Книгу, которую господин Павей принес мне, я вернула ему обратно, даже не надрезав и листа. Он, казалось, был вне себя от моего поступка. Вчера я решила общаться с ним так же, как со всеми знакомыми. Господин Павей не виноват, что я подозревала его в непристойной дружбе, о которой он и не помышлял.

Вчера утром проснулась в 6 часов, почитала Евангелие, оделась. После завтрака мы с госпожой Гирелли, госпожой Влас. и господином Павей пошли в Фраскати через виллу Монтальто¹. Весь день стояла прекрасная погода. Вернулась домой после 11 часов, и все еще чувствуя себя уставшей, написала лишь несколько строк мужу, почитала одна, а затем в гостиной. Князь вернулся от своего брата, где он провел ночь.

Сегодня утром позавтракала в 8 часов, почитала Евангелие, позанималась с Борисом, получила письмо от моего бесподобного друга, добавила несколько строк в дневник, написала мужу.

Борис капризничал сегодня, но чуть позже извинился за свое поведение, и теперь весело играет. Мы хотели совершить прогулку на осликах, но погода помешала нашему намерению: дождь, гром, ветер никак не хотели прекращаться.

8 июля. Вчера я начала переписывать статью для княгини, почитала в гостиной, после обеда читала Мандзони, затем мы отправились на виллу Монтальто, навстречу княгине. Мы встретились с ней около Фраскати. Госпожа Влас. села к княгине в коляску, а мы втроем вернулись обратно пешком, однако в сопровождении дождя. Вечер прошел довольно хорошо. Вчера утром ко мне поднялся господин Пав., чтобы угостить вишнями. Я сказала ему: «О, добрый день! Я уж решила, что Вы позабыли путь ко мне». «Почему же?» Наш разговор касался лишь ничего не значащих тем.

¹ Возможно, вилла Монтальто-Перетти.

Сегодня, встав в 6 часов, пошла к 8 часам к княгине, которая все еще чувствовала некоторую слабость. Вместе с матерью и госпожой Гирелли мы прогулялись по саду, а потом все вместе пообедали. Борис съел свой суп и принял лекарства, потому что вот уже два вечера подряд, как у него снова появилась небольшой жар. Ох уж эти жуткие глисты! Вчера вечером я за него очень переживала, но он хорошо спал ночью, хвала Господу. Закончила перечитывать «Безумную» И.И. Козлова².

10½ вечера. Почитала Мандзони. До обеда продолжала переписывать статью, а после обеда закончила ее. Утро было красивым. Борис окреп и смог два раза выйти на прогулку с Настази. Мы пообедали в саду, откуда дождь прогнал нас очень скоро и зарядил с необычайной силой. До 7 часов был гром. Княгиня пребывала в нервном состоянии. Мы говорили, кроме всего прочего, о Гоголе, который уехал от графа Виельгорского³ в тот же день, как они добрались до Марселя⁴. Интересное выходит проявление дружбы. Я не доверяю этому человеку. Он неискренний человек. Мне досадно, что

² Козлов Иван Иванович (1779–1840) — русский поэт, переводчик с французского, итальянского, английского и немецкого языков. «Безумная» — романтическая поэма, написанная в 1830 г. И.И. Козловым. Некоторые критики усматривают в нем первое проявление русского байронизма.

³ Виельгорский Михаил Юрьевич (1788–1856) — граф, композитор, автор одной из первых русских симфоний. С 1823 г. сделал свой дом в Москве, с 1826 г. — в Петербурге центром музыкальной жизни, оказывал поддержку отечественным музыкантам. Ф.М. Достоевский посещал салон Виельгорского. В «Преступлении и наказании» Катерина Ивановна Мармеладова вспоминает песню «Гусар, на саблю опираясь», музыка к песни была написана М.Ю. Виельгорским, отцом Иосифа Михайловича Виельгорского, который умер в Риме, в присутствии Н.В. Гоголя.

⁴ Город Марсель располагается на Средиземном побережье Франции. Самая известная городская достопримечательность — замок Иф. Замок известен благодаря роману Александра Дюма «Граф Монте-Кристо». Замок был построен в XVI в., на маленьком острове Иф.

мой муж проникся к нему симпатией, и я же подтолкнула его к этому своим рассказом о путешествии.

В полдень приходил господин Павей, мы сидели у окна и говорили о наших опасениях относительно неспокойной обстановки в доме, которая становится все более напряженной. Мне был приятен этот разговор, потому что он получился таким же, как в былые времена. По меньшей мере, если он не испытывает ко мне дружеских чувств, он знает, что всегда может прийти и поговорить о том, что его волнует, а я с сочувствием его выслушаю. В 7 часов вечера спустилась в гостиную, где пели госпожа Влас. и госпожа Гирелли. Чем ближе я узнаю госпожу Гирелли, тем больше ценю ее: она добрая, любезная и такая веселая!

Потому как господин Пав. беседовал с княгиней о какой-то легенде, я спросила у него, не та ли это легенда, что напечатана в журнале «Revue du Nord»¹. Он сказал, что да, это та, которую Вы не захотели читать. Тогда я попросила у него журнал и прочла его. Легенда о Гамельнском крысолове² оказалась действительно интересной и написанной простым и приятным языком.

6 июля, суббота. Читала Евангелие, Мандзони, закончила письмо мужу, ответила Ольге, написала княгине о свадьбе Ольги. Все эти дела закончила уже после обеда. Гуляли сначала в лесу, а затем все вместе по саду. Мы присели в глубине сада и принялись говорить о Гоголе. Господин Влад. рассказал мне, что в день смерти графа Жозефа³ он

был наедине с Гоголем, и граф сказал ему: «Уведите этого человека подальше от меня. Глядите, как он на меня смотрит. Он на меня сильно влияет». И другие подобные вещи. Господин Влад., к которому граф обращался, решил, что тот имеет в виду своего нового слугу, присутствовавшего при разговоре, и потому отослал слугу из комнаты. На что граф ему ответил: «Нет, нет, не этого, другого». Я вернулась раньше них и удобно устроилась на лестнице, выходящей в сад. Борис играл прямо передо мной. Вечер прошел как обычно.

9 июля, воскресенье, утро. 7 июля княгиня уехала в 6 часов. А я, потому как немного прихворнула накануне, позавтракала в 10 часов и провела утро в саду, немного читая и по большей части ничего не делая. После обеда мы пошли через виллу Монтальто на виллу Конти⁴. Какое великолепие! Вилла Конти поразила меня больше всех прочих. Какие красивые улочки! Как очаровательны здесь фонтаны! А эти прекрасные деревья. Когда мы предаемся мечтам, господин Гирелли покупает виллу Монтальто, господин Влас. — виллу Мути, а я категорично заявила, что в мое владение поступит вилла Конти. Оттуда мы отправились в Фраскати, где отмечался октав⁵ дня св. Петра⁶. На главной площади царило оживление. Мы немного побывали на празднике, а затем вернулись обратно через виллу Монтальто, не оставаясь на

¹ Revue du Nord — исторический и культурологический толстый журнал, издававшийся в Париже.

² Гамельнский крысолов — персонаж средневековой немецкой легенды, музыкант. Он был обманут магистратом города Гамельна, отказавшимся выплатить вознаграждение за избавление города от крыс, и с помощью колдовства увел за собой городских детей, сгинувших затем безвозвратно.

³ Виельгорский Иосиф Михайлович (1817–1839) — граф, камер-юнкер. Сын графа Михаила Юрьевича Виельгорского и принцессы Луизы Кар-

ловны (рожд. Бирон, 1791–1853). Воспитывался вместе с будущим императором Александром II, сопровождал его в поездке за границу, но заболел и скончался.

⁴ Известна картина Гаккерта (Хаккерта) Якоба Филиппа (1737–1807) «Парк виллы Конти во Фраскати» (1789).

⁵ Октав — 8-дневный период между праздником и днем, завершающим октаву, на протяжении которого могут отмечаться те или иные праздники. В православии применяется термин «попразднство».

⁶ Петров день — великий православный праздник, посвященный памяти первоверховных апостолов Петра и Павла; отмечается 12 июля (29 июня).

Вилла Мондрагона. Фото М. Лоцциной

фейерверки, как мы сначала хотели. Вечер мы, три дамы, провели в гостиной, князь играл в шахматы в своей комнате. В последние дни царит относительно гармоничная атмосфера между мной и господином Пав. К тому же со вчерашнего дня он стал даже более любезным.

В понедельник, 8 июля, мы с госпожой Влас. и господином Влад. вместе позавтракали. После этого читала Евангелие, закончила Мандзони, написала и отправила свое письмо мужу и письмо княгини. После обеда мы с госпожой Гирелли и господином Влад. отправились на прогулку на осликах через виллу Каверна и Мондрагона¹, в город

¹ Мондрагона — вилла недалеко от Фраскати, построенная в 1570-х гг. архитектором-маньеристом Мартино Лонги для немецкого кардинала Альтемпса, на месте несохранившейся виллы древнеримского семейства Квинтилиев. На вилле бывали многие римские папы, особенно часто Григорий XIII. На гербе семейства Бонкомпаньи, к которому принадлежал понтифик, красовался дракон. Чтобы угодить Григорию XIII, украсили драконами все архитектурные элементы виллы. Отсюда название — Мондрагоне (горы Драконов). В 1912 г. антиквар и библиофил Вилфрид Войнич на вилле обнаружил загадочный манускрипт Войнич, который до сегодняшнего дня не могут расшифровать. В наше время вилла принадлежит университету «Тор Вергата».

Тускулум². Несмотря на мелкие неприятности с непослушным осликом госпожи Гирелли, я очень повеселилась. Возвращались обратно мы через виллу Руфинелла³ и Монтальто, когда уже начало смеркаться. Вечер мы провели без князя, который вновь почувствовал недомогание.

9 июля, утро. Мама с ее тремя детьми еще завтракали, когда около 10 ч пришло письмо. Снова княгиня нарушает наше спокойствие. Она приглашает г-на Влад. приехать к ней в Альбано⁴. Если она вернется из Альбано с расстроенными нервами, в то время как князю и так нездоровится, это будет невыносимо. Почитала, приняла ванну, прилегла отдохнуть до обеда, на кото-

² Тускулум — один из городов древнего Лация. Стоял в Альбанских горах. В настоящее время от города остались лишь руины: останки городского форума, амфитеатр времен «добрых императоров» и следы обширной усадьбы, владельцем которой считался Цицерон.

³ Руфинелла — вилла в городе Фраскати, построена в 1578 г. Вилла принадлежала поочередно Луциану Бонапарту, иезуитам и королеве сардинской — Марии Анне Каролине Савойской. В настоящее время пользуется статусом дорогого отеля.

⁴ Альбано — озеро в Альбанских горах в итальянском регионе Лация, юго-восточнее Рима.

ром присутствовала только г-жа Влас. и две ее дочери. Борис придерживался назначенной ему врачом диеты.

Запись 13 июля.

Во вторник, 9 июля в 6 ч пополудни княгиня приехала с г-жой Конти и г-ном Влад. Княгиня была в хорошем настроении весь этот и следующий день, и даже любезна с князем, что всех несказанно обрадовало. Я же грустно провела послеобеденное время 10 июля: настроение мое испортилось, я была раздосадована, хотя, возможно, чувства мои неуместны. Поскольку в гостиной собрались гости, а большая часть нашего общества была у г-жи Гирелли, я осталась наверху и горько плакала. Глаза мои еще не успели высохнуть, как за мной пришли, чтобы отправиться на прогулку. Я не могла скрыть от г-жи Гирелли, что обижена на ее брата.

Утро четверга, 11 июля. Встала в 5 ч, мы отправились завтракать на виллу Конти. Княгиня решила пройтись до виллы пешком с г-жой Конти, г-жой Гир. и г-ном Пав. Мы с матерью поехали в коляске и условились по дороге взять к себе г-жу Гир. и г-на Пав., но по воле случая мы добрались до виллы одни, без сопровождающих. Когда все собрались вместе, состоялось объяснение, я была раздосадована. Заметив это, г-н Пав. стал намеренно повторять: «Какая это была очаровательная прогулка!» Оттуда мы поехали на виллу Бельведер, а в 9 ч уже были дома.

Приняла ванну, позанималась с Борисом, который хорошо выучил урок сегодня и вчера, прилегла отдохнуть. Обед прошел в саду и получился веселым для всех, кроме меня. После обеда у княгини произошел ужасный нервный срыв. Нет, я больше не хочу наблюдать за этим! Когда нервы княгини успокоились, она заснула, а все ушли отдыхать. Я же осталась подле нее. Сначала я страстно помолилась за нее, а потом принялась за работу вплоть до возвращения остальных. Немного позже мы все сидели на крыльце с княгиней. Вечер прошел достаточно весело бла-

годаря г-же Конти, которая нас развлекала в эти дни. Она такая разговорчивая и всегда в хорошем настроении!

Пятница, 12 июля. Я была расстроена и не могла ничего делать все утро. Мы пообедали наверху в тени деревьев. Княгиня пребывала в нервном возбуждении. Я немного почитала на крыльце. Ненадолго приходил г-н Влад. В 6 ч поездка в экипаже в Гроттаферратта. Вечером княгиня рано поднялась к себе. Мы разошлись к 11 ч из-за того, что утром г-жа Конти должна была уехать.

13 июля. Встала в 9 ч, почитала, позанималась с Борисом, который плохо выучил урок и за это был отправлен в угол. Написала письмо своему мужу. Мы обедали в вилле, а княгиня — одна в саду, недовольная, как мне кажется, тем, что г-жа Гирелли и я решили не обедать в саду из-за невыносимой жары. Пока все отдыхали, я писала заметки в дневник. Послеобеденное время и вечер прошли не слишком весело.

Запись 16 июля.

В воскресенье, 14 июля, когда мы шли утром к г-же Гирелли, г-н Пав. позвал меня к себе и рассказал, что княгиня хочет вместе с князем переехать в Рим и что она вышла из себя после некоторых замечаний, которые князь сделал по этому поводу. Мы идем к г-же Гирелли, и княгиня сама посвящает меня в свои планы. Я выслушала ее молча. Бесконечная суета княгини становится невыносимой. Получила хорошее письмо от мужа, развеселившее меня. Душа моя, когда я вновь тебя увижу?

Мы отправились на мессу, и за то время, пока нас не было дома, приехали графиня Риччи, г-н Гирелли и Мариетта. Я поспешила их встретить. Чуть позже все собрались в гостиной, и там провели утро. Дети мило играли друг с другом. Если бы не нервное возбуждение, овладевшее княгиней и измучившее всех, кто ее окружал, утро получилось бы и вовсе волшебным. Видя, что г-н Влад. разговаривает со мной на балконе, она подзывает его и говорит столько неприятного, напри-

мер, что он ей совсем не нужен в Риме, что он не выдерживает. После обеда с княгиней случился серьезный нервный припадок, я спустилась вниз, только когда она полностью успокоилась.

В 6 ч гости разошлись. Княгиня вышла постоять на крыльцо, а мы с г-жой Гирелли и г-ном Влад. пошли на прогулку. Нам было необходимо подышать на свободе.

Когда я вернулась в 8 ч, застала капризничавшего Бориса, и мне пришлось его наказать. Это помогло, и капризы быстро прекратились. Вечер прошел в гостиной без княгини, которая осталась в своей комнате и рано легла спать.

Вчера, 15 июля. Слава богу, княгиня вчера уехала.

Я же занималась своими обычными делами. Борис плохо выучил урок. Написала мужу письмо, возможно, слишком резкое, но правдивое во всем, что касается моих горестей. В 5 ч отправилась на крыльцо с книгой и рукоделием. Ко мне подошла г-жа Влас. и сказала, что обиделась на меня из-за своей сестры. Однако уже перед прогулкой я попросила прощения и мы обнялись. Гуляли мы вчетвером очень приятно, а г-н Пав., по всей вероятности, решил скрывать свою антипатию ко мне. Когда мы вернулись, у г-жи Гирелли случился нервный припадок, и мы с г-жой Влас. провели у нее почти весь вечер.

Этим утром встала в 8 ч и обнаружила, что Настази больна. Часть утра ушла на уход за ней и хлопоты по дому, оставшемуся без горничной. Почитала Евангелие, позанималась с Борисом, который хорошо выучил урок, почитала с матерью. После обеда написала в дневник, затем пошла на крыльцо. Г-жа Влас уехала в 6 ч.

18 июля

После ее отъезда мы немного прогулялись. Вечером читала Гольдони.

Вчера, 17. Те же занятия. Шила рубашечку Борису. Сегодня он хорошо выучил урок. После обеда прилегла до 5 ч, затем пошла на крыльцо. Вечером

прогулка через Монтальто до Фраскати. Весь день мы были немного грустными и тихими. Г-жа Гирелли тщетно пыталась нас развеселить. В 8½ ч пришло письмо из Рима с хорошими новостями о княгине и г-не Владимире: их приезд ожидается послезавтра вечером. Это известие нас развеселило, и вечер прошел хорошо. Позже г-жа Влас. диктовала мне письма: одно — сестре, другое — г-ну Влад. Когда я вернулась после прогулки домой, Борис еще не спал. Он смог заснуть только к полуночи, поэтому наутро я дала ему немного лекарства.

Проснулась в 5 ч, и с г-жой Гирелли поехала на прогулку на осликах в сопровождении донна. Мы побывали в Монте-Порцио¹, которая заметна еще издалека, из низины. С нашей тропинки открывался невероятно красивый вид на город. Добравшись до места, мы сошли с осликов. Вид на горы захватывает дух! Мы зашли в церковь, довольно большую, но грязную. В самой ее середине стоял гроб с ребенком 10–12 лет.

В 8½ ч мы были уже дома, и позавтракали все вместе. Прогулка меня развеселила. Почитала Евангелие, переоделась. Борис встал после 9 ч. Пришлось наказать его за капризы, из-за чего прилечь отдохнуть мне удалось только к 12 ч. Пообедали втроем, затем прочитала статью из журнала «Ля Ревю», написала мужу, сделала записи в дневник. Г-жа Гирелли все еще пытается убедить меня в том, что г-н Влад. относится ко мне по-дружески, хотя я и стараюсь ее разубедить, ведь заблуждение слишком очевидно. Небольшая прогулка вечером. Нина читала всем Тассо, а после все играли в слова; нужно было буквами из слоновой кости составлять слова. [Далее текст зачеркнут. — Прим. ред.]

20 июля.

Вчера утром встала в 5 ч, прогулялась, почитала Евангелие, Тассо в саду.

¹ Монте-Порцио — коммуна в Италии, располагается в регионе Марке, в провинции Пезаро-э-Урбино.

Позавтракала в 8½ ч. К этому времени встал Борис, с самого утра он был в дурном настроении, и потому принялся бить Настазу по щекам. Она подошла к нему вновь только после того, как он извинился. Бедный малыш, он до сих пор не совсем здоров, а еще такая жара! Приходила г-жа Влас. и принесла письмо от княгини, которое всех нас вывело из равновесия. Княгиня писала, что после консультации с врачом о здоровье князя она решила уехать с ним и г-ном Влад. на Луккские воды и что она увозит с собой также г-жу Влас.

Вскоре после этого приехал брат, и мы хорошо провели весь день вместе, хотя разговоры были только об отъезде княгини. Боюсь, что и сама она больна: у нее очень слабые нервы. Брат был обеспокоен тем, что я останусь без компании, и добрая Нина выказала мне большое сочувствие. Мы строили планы о будущем образе жизни, а вечером пошли на виллу Фраскати, чтобы присмотреть мне подходящие комнаты. Я не хотела оставаться одной на вилле Мути и подумывала о том, чтобы переехать на виллу Фраскати. Но и там будет не слишком весело, поэтому мои провожатые не советуют переезжать. Мы приехали на виллу Фраскати к 7 ч и возвращались обратно в 9 ч уже при свете луны. Ночь была прелестной.

Сегодня утром проснулась в 5 ч и наблюдала за тем, как все уезжали около 6½ ч. Борис, хотя и плохо спал ночью, встал, чтобы попрощаться.

Возвращение Нины повлияло на мои планы. Когда все разъехались, я позавтракала, почитала Евангелие, написала мужу, сделала записи в дневник. Борис позавтракал в саду и остался там играть на некоторое время. Вчера брат, когда разговаривал с Ниной, вдруг сказал мне: «Младшая сестра всегда говорит брату что-то приятное, а старшая — никогда и ничего». Нина ему не ответила. Молчание бывает порой более красноречивым, чем любые слова. Брат: «Я не понимаю, что значит Ваше молчание». На что я ему ответила,

что ни в ее, ни в моем молчании нет скрытого смысла. И я была совершенно искренна. Я могла бы дружить с братом, если бы не была ему неприятна.

В 5 ч приняла ванну, и вместе с Борисом мы проспали до 12 ч. Обед был накрыт лишь для нас двоих. После читала пьесу «Хитрая вдова» Гольдони. Боже мой, какой же сегодня грустный день!

Запись 27 июля.

21 июля утром приехала г-жа Гирелли, и мы замечательно провели с ней этот и следующий день. Хотя и были моменты, когда мне становилось грустно, но чаще мы смеялись с ней от души.

Во вторник, 23, приехала княгиня с г-ном Влад. и г-жой Луаер, которая должна была остаться жить вместе с нами. Ее малышка просто невыносима. День прошел достаточно хорошо, единственное, эта новая дама все время мне докучала. В 6 ч все уехали.

Приехал г-н Кавалетти и некоторое время пробыл у Нины. Мне же было грустно до такой степени, что я не могла ничем заниматься, кроме как биться головой о стенку. Боже мой! Чтобы хоть как-то утешиться, я взяла письмо от мужа, полученное в минувший понедельник, и вышла прочесть его в сад.

Среда, 24 июля. В 7 ч вечера мы с Ниной отправились на виноградники Кавалетти. Пока мы шли по лесной тропке, я волновалась, что г-на Кавалетти не окажется дома. Но его виноградник очень красив, и ходить сюда время от времени доставляет мне большое удовольствие. Обратная дорога была прелестной: мы прошли по главной дороге через виллу Монтальто. Волшебно светила луна. Первую часть пути я ехала верхом на ослике, а затем уступила место Нине.

26 июля, пятница. Неожиданная радость. Пришли сразу три письма от мужа. Какое счастье! Душечка, какой бы я была неблагодарной, если бы мое сердце, моя душа всецело тебе не принадлежали. Ты такой добрый и нежный. Когда же я смогу его обнять! Если бы ты хотя бы не уезжал из Мюнхена!

SUMMARY

SECTION I. THE HISTORY OF POLITICAL THOUGHT IN RUSSIA

“Power” and “Land” in Distemper (Vague Time)

Abstract. The article reveals the importance of the Zemsky Sobor and local territorial self-government in the deliverance of Russia from distemper in the early seventeenth century. The author notes that the zemstvo bodies in Russia, in a politically difficult period, have taken over the state powers, creating all-Russian authorities. Also the work shows the importance of local government in the election of the monarch dynasty, in the formation of armed resistance and state power.

Key words: Russia, distemper, Land, power.

Author:

Sergey V. Perevezentsev, Doctor of Historical Sciences, Professor of the Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The “Enlightened Bureaucracy” in the Epoch of the Peasant Reform of 1861:

J. I. Rostovtsev, S. S. Lanskoï, M. N. Muraviev

Annotation. The article reveals the circumstances of the preparation of the peasant reform of 1861 in Russia, the role of representatives of the so-called “enlightened bureaucracy” in this process. The letter and notes of the Chairman of the Drafting commissions J. I. Rostovtsev, the Minister of the Interior S. S. Lanskoï, the Minister of State Property M. N. Muraviev are considered in this article. The author comes to conclusion that the opinion of the majority of “enlightened bureaucrats” and a wide range of nobility and professional experts involved in the discussion of the peasant question was powerless before the ruling will of the autocratic monarch, who supported the project, as a result of which the nobility was robbed and the peasantry was deceived.

Key words: the peasant reform of 1861, Alexander II, J. I. Rostovtsev, S. S. Lanskoï, M. N. Muraviev

Author:

Aleksandr A. Shirinyants, Doctor of Historical Sciences, Professor, Head of the Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

The D. I. Mendeleev’s Opinion about the Eurasian Peculiarities of the Russian State

Abstract. The article analyzes the socio-political views of D. Mendeleev (1834–1907) on the Eurasian nature of the Russian state. The author believes that it was D. Mendeleev who clearly formulated the fundamental Eurasian features of Russia and its historical role in this capacity — in the middle between Europe and Asia.

Key words: D. I. Mendeleev, Russian Empire, Eurasia.

Author:

Ivan A. Kozikov, Doctor of Philosophy, Professor of the Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Socio-Political Ideas of K. N. Leontiev on Domestic Policy of the Russian Empire

Abstract. The article analyzes the views of K. N. Leontiev's internal policy of the Russian Empire in the second half of the XIX century, which focuses on religion with a detailed dogma, which is the main deterrent to the spread of radical ideas in society. In addition, in the article the radical and liberal views are criticized by Leontiev. In his opinion they threaten the current state system. The author of the article also gives an assessment of the Leontiev's forecasts of the future of Russia.

Key words: K. N. Leontiev, conservatism, liberalism, revolution, Byzantium.

Author:

Isabella F. Stolyarova, Postgraduate leaver of the Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Political Nationalism of M.N. Katkov

Abstract. The article deals with the socio-political ideas of the outstanding publicist, a major thinker of the conservative direction of the XIX century M.N. Katkov (1817–1886). The author analyzes the political and historical heritage of the thinker, notes the growing interest in the work of Katkov. The main attention is paid to the changes in the evaluation of historiography to the work of Katkov. The author also considers the national issue in Russia and the theory of Russian statehood for modern national policy. The author investigates the principal influence of Katkov on the policy of the Russian government on the national issue. As a result of the study, the author concludes that the basis of modern national policy is the Katkov's concept of nationalism, so now the work of the thinker is extremely important.

Key words: M. N. Katkov, theory of Russian statehood, state nation, political nationalism, "unity in diversity".

Author:

Yamamoto Kenzo, Dr.hab., Associate Professor of the Faculty of Political Science, Shimane Prefecture University (Hamada, Japan)

Aesthetics and Politics: the V. V. Rozanov's Opinion about the Russian State

Abstract. The article analyzes the attitude of the Russian philosopher of the beginning of the XIX-XX century V. V. Rozanov to social and political phenomena. In spite of the fact that Rozanov wasn't a political thinker in the strict sense of the word, he had original views on many political topics nevertheless. Research interest is still a special form of journalism thinker — very frank, imaginative, almost diary. This article provides an example of Rozanov's arguments about the nature and character of the Russian personality and state, history and politics in their relationship with the problem of individual existence, categories of aesthetics and morality.

Key words: V. V. Rozanov, journalism, state, aesthetics, monarchy.

Author:

Olga E. Puchnina, PhD in Political Sciences, Senior Researcher of the Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Political Conception of S. F. Sharapov

Abstract. In the article the author characterizes the principles of the ideological and political concept of a prominent publicist and public figure of the late XIX — the beginning of the XX century S.F. Sharapov. The author analyzes the leading aspects of political values, asserted in his articles: a commitment to autocracy, support for the development of local self-government, consistent criticism of socialism.

Key words: S.F. Sharapov, Orthodoxy, Russian conservatism, autocracy, local self-government.

Author:

Nikita A. Ananiev, Post-graduate student of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

SECTION II. FOREIGN POLITICAL THOUGHT

Robert Owen and a Genesis of the Doctrines of a Cooperative Movement

Abstract. The paper makes a short review of the establishment process of the cooperative movement ideology and the influence of the Robert Owen's socialist theory on it.

Key words: Cooperation, Robert Owen, William King, labor movement, the doctrines of socialism, cooperative experiments in Great Britain.

Author:

Kirill M. Anderson, PhD in Historical Sciences, Associate Professor of the Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science of Lomonosov Moscow State University, (Moscow, Russia)

Hannah Arendt's Conception in the Modern Discourse of Political Power

Abstract. The article considers the place of Hannah Arendt's conception in the modern set of political theories of power. It analyses the attitude of the thinker's interpretation of power to the most important antinomies, which constitute the modern discourse of political power: relationism and holism, on the one hand; agonism and solidarism, on the other. The specification of H. Arendt's concept shows how the combination of etymological and demarcation approaches to the analysis of power is used to develop and approve an original research strategy in which the concepts of "power" and "violence" are considered as antagonists. The lines of influence on the modern political philosophy of the strategy aimed at differentiation and structuring of the semantic field of the concept "power", the differentiation of its component's semantic layers and revealing their relationship are traced.

Key words: power, theories of power, authority, influence, violence, domination, political philosophy, political knowledge.

Author:

Olga Yu. Boytsova, Professor of the Department of Philosophy of Politics and Law of the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University, Scientific Supervisor of the educational program "Strategic Management and Economic Policy", Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow, Russia)

Political Personalism in the Context of the Revolution's Philosophy

Abstract. The article considers the ideas of the founders of personalism, their genesis and mutual influence on other philosophical concepts, the ideology of revolutionary anthropo- and sociogenesis. The aspects of the confrontation between "classical" imperialism and post-imperialism "of the Soviet type" are reflected. Characteristics of the Western and Russian imperial self-consciousness, which influenced the development of Russian social and political thought, and also led to a revolutionary transformation of the civilization on a national scale, which changed the fundamental foundations of the organization of society, was given.

Key words: personalism, political personalism, ideology of revolution, neo-imperialism, imperial self-consciousness.

Author:

Vladimir V. Bobylev, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of General History of the Sochi Institute (branch) of the People's Friendship University of Russia (Russia, Sochi)

SECTION III. THE IDEAS OF THE SLAVIC UNITY AND COOPERATION

Andrzej Walicki: "My whole life was emotionally connected with Russia"

Abstract. The extension of pure and undistorted information about Russia tends to be very important as a way of applying "soft power" in a battle with a total russo-phobia, which is extremely wide expanded nowadays. The most relevant, therefore, is the attention to the Russian political thought from high-qualified and well-disposed foreign scientists, who has dedicated their lives to the investigation of it. Among them, plays a great role a well-known polish political scientist Andrzej Walicki, whose opinion on the intellectual Russian history is shortly described in the paper. This is a kind of tribute to the academician Andrzej Walicki for his deep analysis, which were widely accepted in modern Russia. Most of his works were published in the Polish and English languages and are still insufficiently known in Russia. The author of the paper uses the information from the friendly scientific letters with Andrzej Walicki.

Key words: Andrzej Walicki, Russian intellectual history, Russian studies, Warsaw School of the history of ideas, Sergey Hessen, Isaiah Berlin.

Author:

Michail A. Maslin, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of History of Russian Philosophy, the Faculty of Philosophy of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia).

«Poets of the Slavs»: A. S. Khomyakov and F. I. Tyutchev on the Slavic Unity

Abstract. In the 1840s Slavophiles for the first time tried to substantiate the uniqueness of Russian culture and began to develop philosophical grounds for the idea of Slavic unity. The starting point for the formation of the Slavophile concept of Slavs was the notion of the sovereignty of «people's principles», the irreversible division and confrontation between the Romano-Germanic and Greco-Slavic «worlds». Similar positions in that period were also followed by Russian conservatives. However, the representations of the solution of the Slavic question among the Slavophiles and conservatives were different. The task of the article is to show this difference on the example of poetry of A.S. Khomyakov and F.I. Tyutchev.

Key words: Slavophilism, conservatism, Pan-Slavism, A.S. Khomyakov, F.I. Tyutchev.

Authors:

Anna V. Myrikova, PhD in Political Sciences, Associate Professor, Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Boris A. Prokudin, PhD in Political Sciences, Associate Professor, the Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

Pan-Slavic Ideas of A.S. Budilovich

Abstract. The article attempts to examine the socio-political and pedagogical activity of the famous slavist Anton Semenovich Budilovich (1846-1908) through the prism of his Pan-Slavic views. In the actual studies, which deal with the Budilovich's works, there are two main trends — the heritage and public activity of a famous slavist are interpreted either in the context of «Slavophilism» or through the prism of «Russification» politics, the conductor of which, according to the researchers, was Budilovich.

In this article, Budilovich's ideas are comprehensively examined according to his Pan-Slavic views. It helps to remove contradictions in understanding the views of the Russian slavist.

Key words: A.S. Budilovich, Pan-Slavism, Slavophilism, V.I. Lamansky.

Author:

Vladimir A. Boldin, Post-graduate student of the Department of History of Social and Political Studies, the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University.

SECTION IV. POLITICAL THOUGHT AND CONTEMPORARY QUESTIONS OF POLITICAL SCIENCE**On Some Relevant Aspects of the Interpretation of the Liberal Tradition: Russia and the West**

Abstract. The article examines the key moments of the transformation of the liberal tradition in Russia in the context of analysis of the main directions of the transformation of liberal ideological discourse and liberal culture in Western Europe and the United States. The need for such an analysis is determined, primarily, by the fact that since the early 1990s the Western liberal stereotypes became ideological basis of the new Russian political elite and the dominant trend of state propaganda. However the main fact is often overlooked: in the XX century Russian liberalism was twice compromised so that in the short-term the hopes for the revival of the liberal ideas are left. The crisis of the liberal tradition delineated also the West. Liberalism is undergoing there a very significant transformation, with far-reaching cultural and political implications. In particular, at the end of XX — beginning of XXI century a more active role in Western public discourse began to play the radical neo-conservative versions of an ideology that combined conservative program of political reforms with a strong libertarian (neoliberal) rhetoric, which is actively used by the ruling circles of the USA and Western Europe for ideological influence on the political elites of Russia as like as the Central and Eastern Europe during the so-called “velvet revolutions”. At the same time in the late XX century, more and more clearly and sharply came to the fore anti-liberal thought and criticism that has always evolved in parallel with liberalism itself and almost never stopped its existence.

Key words: Russia, ideological discourses, liberalism, political culture, political transformation, political theory, postcommunism, anti-liberalism.

Author:

Gutorov A. Vladimir, Doctor of Philosophy, Professor, Head of the Department of Theory and Philosophy of Politics, the Faculty of Political Science, St. Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)

**Cooperation as the Cement of International Politics
(Utopias, Kakotopias, Empires and Belly Buttons)**

Abstract. This paper is an overview of the eternal question in political science, whether an ideal political society exists and what it is like. The reality is that our World is more of a Dystopia or a Kakotopia, which are negative forms of these ideas. In face of such a negative and evil perspective, most of the people have long since lost faith in utopias of all kinds, colors, shades and shapes, instead, they tend to examine and restore successful experiences of the past — in Retrotopias. The author describe an Empire as an efficient political system and analyses different types of them and their principles. The glory of the old and lost empires become ideology for several existing regimes and the return to this glory become objectives to be achieved in the future. This Retrotopia, due to a twisted historical hermeneutics where the interpretation and understanding of the past social events, is only focused on the glories, victories and Empires of the past, gave origin to the modern nationalisms, political extremisms and fundamentalisms of all kinds, to applying “soft power” in an inappropriate way. Cooperation, on the contrary, can embrace and cover several areas, such as Culture, Health, Education. It can elevate the technological standards of those countries and for this reason is a cement of international politics.

Key words. Ideal political state, Utopia, Kakotopia, Retrotopia, Empire, imperialism, globalization, spheres of influence, international cooperation.

Author:

José Cosmelli, Professor, Doctor of Philosophy, Rector of the Pro Deo State University (Sarasota, USA).

About Sources and Types of the Totalitarian Political Regime

Abstract. Article is devoted to a research of historical and ideological prerequisites of a totalitarian political regime. Various nature of the German Nazism and Soviet Stalinism as historical forms of totalitarian regime is proved. The question of existence of the systems of the hidden totalitarianism functioning on the basis of a postmodern of the mechanism of manipulation with consciousness, characteristic of society, and behavior of masses is considered.

Key words: political regime, state, totalitarianism, crowd manipulation, ideology, etatization.

Author:

Rafail V. Nasyrov, PhD in Law, Associate Professor of the Department of Theory and History of State and Law of Altai State University (Barnaul, Russia)

**Main Approaches of Studying the Civil Society in Current Domestic Political
Research**

Abstract. In this article the author analyses the main approaches to the civil society in Russian political sphere in XXI century by making a research of the civil of the communities. The main problems, which are bound to arise in modern society and state in Russia, have also been looked through.

The background common problems of the civil society have also been analyzed such as correlation between the strong state and the weak civil society and visa versa opportunities for the existence of the civil societies in non-democratic regimes.

Key words: civil type of community, civil society, Russian Political thought in XXI century.

Author:

Natalia V. Deeva, PhD in Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science, Moscow State Pedagogical University (Moscow, Russia)

SECTION V. THE HISTORY OF POLITICAL SCIENCE IN RUSSIA

Some Remarks on Discussion of the Beginnings of Russian Political Science

Abstract. The aim of the sketch is to present some chosen voices in the discussion on the traditions of Russian political science. Statements and concepts presented in the article are not contradictory. However, they highlight different aspects of the past Russian reflection on socio-political matters. They allow to see the plurality of opinions on the moments which are being perceived as the most important points of reference by the contemporary political scientists in Russia. In the light of presented approaches it is easy to see that exchange of ideas on the issue being discussed is becoming more and more relevant last years.

Key words: beginnings of contemporary Russian political science, specificity of Russian political science, identity of Russian political science, narrations on the beginnings of Russian political science

Authors:

Edward Jeliński, dr hab. (philosophy), professor, Head of the Department of Political Philosophy, the Faculty of Political Science and Journalism, Adam Mickiewicz University in Poznań (Poznan, Poland)

Bartosz Hordecki, dr (political science, law), assistant professor in the Department of Press Systems and Press Law, the Faculty of Political Science and Journalism, Adam Mickiewicz University in Poznań (Poznan, Poland)

The Importance of the Ideological and Political Heritage of F. M. Burlatsky for the Formation and Development of Political Science in Russia

Abstract. The article deals with the importance of Fyodor Burlatsky`s (1927–2014) ideological and political heritage for the formation and development of political science in Russia. It was Burlatsky who first publicly declared the need to restore political science as a scientific and educational discipline in Soviet times. Until the official acknowledgement of political science in 1989, he continued to defend the special status of political science, did everything possible to ensure that political science received genuine recognition. Thus Fyodor Burlatsky can officially be called one of the founders of modern Russian political science.

Key words: Burlatsky, political science in the Soviet Union; history of political science.

Author:

Vladimir A. Sobolev, Postgraduate Student of the Department of History of Social and Political Studies of the Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

APPLICATION

Russians in Rome: Diary of Sophia Borisovna Shevyreva

Preparation of text and comments:

Andrey Gorokhov, PhD in Political Sciences, Chief Editor of the journal *Russian Political Science* (Moscow, Russia)

Translation:

Maria O. Shadskaya, Graduate of the Faculty of Philology of Lomonosov Moscow State University (Moscow, Russia)

Photos:

Loshilina Maria, Master's student of Sapienza University of Rome (Rome, Italy)

Информация для авторов

Статьи в журнале публикуются на безвозмездной основе. Журнал выпускается в электронном и печатном виде и распространяется в высших учебных заведениях России и мира, среди экспертного и политологического сообщества, политической элиты России, направляется в ведущие политологические центры мира.

Последующие номера нашего журнала будут посвящены следующим темам:

- «Итоги выборов президента и будущее политической системы в России»;
- «Научные исследования молодых политологов. Второй специальный выпуск»;
- «Новая цифровая эпоха: информационные технологии в современной политике».

Приглашаем политологов из России и зарубежья опубликовать свои исследования в нашем журнале. Считаем, что сотрудничество политологов создает более предсказуемый и безопасный Мир — Мир сотрудничества, развития и процветания. Статьи в журнал просим направлять на адрес электронной почты редакции журнала: studes@yandex.ru.

Оформление статей

Редакция просит авторов придерживаться следующих основных принципов оформления статей.

1. В журнал принимаются статьи на русском языке в электронном виде, в стандартных форматах текстовых редакторов Microsoft Word и OpenOffice Writer (расширения. *.doc, *.docx, *.rtf). Так как журнал издается как на русском, так и английском языках, то приветствуется направление авторского перевода статьи на английский язык.

2. Ориентировочный объем статей — 0,5 авторского листа (20 тыс. знаков, включая пробелы), объем статьи может быть увеличен по согласованию с редакцией.

3. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные:

3.1. Заголовок статьи.

3.2. Краткая аннотация статьи, кратко раскрывающая ее основное содержание. Объем аннотации не должен превышать 1 тыс. знаков с пробелами. В общем объеме статьи текст аннотации не учитывается.

3.3. До 7 ключевых слов, соответствующих основному содержанию статьи.

3.4. Для каждого автора отдельно приводится:

3.4.1. Фамилия, имя, отчество (при наличии).

3.4.2. Научный статус, место работы (при наличии), город и страна проживания.

3.4.3. Адрес электронной почты.

3.4.4. Фотография автора, публикуемая вместе со статьей.

4. Вместе со статьей обязательно предоставляются метаданные на русском и английском языке.

5. Допускаются только затекстовые библиографические ссылки, отсортированные в алфавитном порядке в конце статьи; использование подстрочных сносок для библиографических ссылок не допускается.

6. Форма связи библиографических ссылок с основным текстом — с помощью указания номера источника в библиографическом списке и, в случае необходимости, страницы цитирования в квадратных скобках.

Допустимые обозначения: [1. — С. 196] [2. — С. 330–332] [3] [4; 5; 7].

7. Библиографические ссылки оформляются в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5–2008 «Библиографическая ссылка. Общие требования и правила составления» и ГОСТ 7.1–2003 «Библиографическая запись. Библиографическое описание.

Общие требования и правила составления». Примеры оформления библиографических ссылок: <http://schola.su/uploads/Methodika2015.pdf>.

8. Использование подстрочных сносок допускается только для содержательных примечаний.

9. Иллюстрации могут быть встроены в текст статьи. Все иллюстрации (включая графические схемы и диаграммы) в обязательном порядке дублируются авторами в высоком разрешении отдельно от текста статьи. Площадь изображений — не менее 3 млн пикселей.

10. Единственная допустимая форма выделения особых терминов и понятий — курсив; не допускается выделение целых предложений или абзацев.

11. Не допускается наличие таблиц, содержащих более пяти столбцов. В случае наличия вертикально ориентированных таблиц с большим количеством столбцов, авторы должны провести их транспонирование либо, если это невозможно, сократить или разбить их на составные части.

12. В случае значительного расхождения текста с основными принципами оформления статья может быть возвращена на доработку автору или отклонена.

Редакционный совет журнала «Русская политология — Russian Political Science»

АБРАМОВА МАРИАННА ГРИГОРЬЕВНА — заместитель заведующего кафедрой государственной политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

БОЙЦОВА ОЛЬГА ЮРЬЕВНА — профессор кафедры философии политики и права философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, научный руководитель образовательной программы «Стратегическое управление и экономическая политика», доктор политических наук, профессор

ВАСИЛЕНКО ИРИНА АЛЕКСЕЕВНА — профессор кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук

ВАТЫЛЬ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой политологии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы, доктор политических наук, профессор (Беларусь)

ВИЛКОВ АЛЕКСАНДР АЛЕКСЕЕВИЧ — заведующий кафедрой политических наук юридического факультета Саратовского государственного университета имени Н.Г. Чернышевского, доктор политических наук, профессор

ГУТОРОВ ВЛАДИМИР АЛЕКСАНДРОВИЧ — заведующий кафедрой теории и философии политики факультета политологии Санкт-Петербургского государственного университета, доктор философских наук, профессор

КОНСИ ЛУИС ГИЛЬЕРМО АРКАРО — профессор факультета права Епископского Католического Университета г. Сан-Паулу, доктор философии (Бразилия)

КУЛЕШОВА НАТАЛЬЯ СЕРГЕЕВНА — профессор кафедры политологии Востока Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук

МИХАЙЛОВИЧ ДЕХАН — член Союза философов Мексики, профессор факультета социальных наук Монтеррейского технологического института, доктор философии (Мексика)

МОШНЯГА ВАЛЕРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ — профессор департамента политических и административных наук факультета международных отношений, политических и административных наук Молдавского государственного университета, доктор политических наук (Молдова)

МЧЕДЛОВА МАРИЯ МИРАНОВНА — заведующая кафедрой сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов, доктор политических наук, профессор

МУХАРЯМОВ НАИЛЬ МИДХАТОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и права института экономики и социальных технологий Казанского государственного энергетического университета, доктор политических наук, профессор

ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВ СЕРГЕЙ ВЯЧЕСЛАВОВИЧ — профессор кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук

СИДОРОВ АЛЕКСАНДР ВАЛЕНТИНОВИЧ — заведующий кафедрой истории государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

СОЛОВЬЕВ АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ — заведующий кафедрой политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ФЕДОРКИН НИКОЛАЙ СЕМЁНОВИЧ — заведующий кафедрой политологии и социологии политических процессов социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ЦЫГАНКОВ АНДРЕЙ ПАВЛОВИЧ — профессор Университета Сан-Франциско, доктор философии (США)

ЦЫГАНКОВ ПАВЕЛ АФАНАСЬЕВИЧ — Заслуженный деятель науки Российской Федерации, заместитель заведующего кафедрой международных отношений и интеграционных процессов факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор философских наук, профессор

ШИРИНЯНЦ АЛЕКСАНДР АНДРЕЕВИЧ — заведующий кафедрой истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук, профессор

ШОМОВА СВЕТЛАНА АНДРЕЕВНА — профессор факультета коммуникаций, медиа и дизайна департамента медиа Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», доктор политических наук

ШУТОВ АНДРЕЙ ЮРЬЕВИЧ — декан факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор исторических наук, профессор

ЯМАМОТО КЕНСО — научный сотрудник Центра изучения Северо-Восточной Азии Университета префектуры Симанэ, доктор философских наук (Япония)

Редакционная коллегия журнала «Русская политология — Russian Political Science»

БАРЫШНИКОВ ЕВГЕНИЙ НИКОЛАЕВИЧ — заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Алтайского филиала ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», кандидат юридических наук

БЕРЕЗКИНА ОКСАНА СТЕПАНОВНА — доцент кафедры истории общественных движений и политических партий исторического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВАСЕЦОВА ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА — доцент кафедры политологии Востока, помощник директора Института стран Азии и Африки (ИСАА) МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ВОЛОШИН АНДРЕЙ ИГОРЕВИЧ — руководитель Научного портала социально-политических исследований, кандидат политических наук

ГОРОХОВ АНДРЕЙ АНАТОЛЬЕВИЧ — главный редактор журнала «Русская политология — Russian political science», кандидат политических наук

ДУБОВИ АЛЕКСАНДР — координатор Научно-исследовательского центра евразийских исследований (EURAS) юридического факультета Венского Университета (Австрия)

ЕЖОВ ДМИТРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — кандидат политических наук, доцент, старший научный сотрудник Центра политологических исследований Департамента политологии Финансового университета при Правительстве РФ.

ЕФАНОВА ЕЛЕНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры политологии института истории, международных отношений и социальных технологий Волгоградского государственного университета, кандидат политических наук

ЗАСЛАВСКАЯ НАДЕЖДА МИХАЙЛОВНА — доцент кафедры экологического и земельного права юридического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат юридических наук

ЗВЯГИНА ДАРЬЯ АЛЕКСАНДРОВНА — старший научный сотрудник Института актуальных международных проблем, старший преподаватель кафедры политологии и политической философии Дипломатической академии МИД России, кандидат политических наук

ЗЕЛЕНИН ЮРИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — доцент кафедры правоведения и методики преподавания социально-экономических дисциплин Алтайского государственного педагогического университета, кандидат исторических наук

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

КВАШОНКИН АЛЕКСАНДР ВАСИЛЬЕВИЧ — доцент кафедры регионального и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат исторических наук

КИРСАНОВА ЕКАТЕРИНА ГЕННАДЬЕВНА — преподаватель кафедры российской политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КОСОРУКОВ АРТЕМ АНДРЕЕВИЧ — старший преподаватель кафедры политического анализа факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

КУРБАНОВ АРТЕМИЙ РУСТЯМОВИЧ — доцент кафедры философии образования философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ПУЧНИНА ОЛЬГА ЕВГЕНЬЕВНА — старший научный сотрудник кафедры истории социально-политических учений факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

САЖИНА ВАРВАРА АНДРЕЕВНА — доцент кафедры управления в сфере межэтнических и межконфессиональных отношений, руководитель отдела внеаудиторной работы со студентами факультета государственного управления МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат социологических наук

СЕЛЕЗНЁВА АНТОНИНА ВЛАДИМИРОВНА — доцент кафедры социологии и психологии политики факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, доктор политических наук

СИДОРОВА АЛЕКСАНДРА АЛЕКСАНДРОВНА — доцент кафедры теории и методологии государственного и муниципального управления факультета государственного управления МГУ имени М. В. Ломоносова, кандидат экономических наук

СМИРНОВА ЛАРИСА НИКОЛАЕВНА — старший научный сотрудник ЦЭМИ РАН, иностранный эксперт-преподаватель Сямьского университета КНР, эксперт Российского совета по международным делам, кандидат политических наук (КНР)

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ ВЛАДИМИРОВИЧ — старший преподаватель кафедры сравнительной политологии, начальник отдела учебно-методической работы факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова, кандидат политических наук

ХОРДЕЦКИ БАРТОШ — Dr (политические науки), dr (право), адъюнкт Департамента медийных систем и права СМИ факультета политических наук и журналистики Университета им. Адама Мицкевича в Познани (Польша)

ШАРАПОВ ИГОРЬ РОДИОНОВИЧ — эксперт Автономной некоммерческой организации «Лаборатория гуманитарных проектов», кандидат политических наук

Редакция журнала «Русская политология — Russian Political Science»

ГОРОХОВ АНДРЕЙ — главный редактор

КАРАВАЕВ АЛЕКСЕЙ — заместитель главного редактора

СТОЛЕТОВ ОЛЕГ — заместитель главного редактора

ВОЛОШИН АНДРЕЙ — выпускающий редактор

КАРАВАЕВА МАЙЯ — корректор

ШАДСКАЯ МАРИЯ — советник-лингвист по переводу текстов (английский, французский)

ПЕНКИНА АНФИСА — ответственный редактор англоязычной версии журнала

СМИРНОВ НИКОЛАЙ — советник по продвижению и информационным технологиям

БОЛДИН ВЛАДИМИР — советник по взаимодействию с российскими и международными системами научного цитирования

МАМЕДОВ ИНТИГАМ — советник по вопросам международного взаимодействия

АНДРОСОВА НАТАЛЬЯ — графический дизайнер

Отдел редакции по работе с англоязычными политологами

МАТИЕШИНА АНТОНИНА — консультант отдела

Отдел редакции по работе с испаноязычными политологами

ДАШКИНА ИРИНА — советник отдела

МАТЮСОВА АНАСТАСИЯ — советник отдела

КОЛПАКОВ РОМАН — консультант отдела

Отдел редакции по работе с итальяноязычными политологами

ЛОЩИЛИНА МАРИЯ — советник отдела

**Журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 15.08.2016, номер свидетельства ПИ № ФС 77-66809**

Номер свидетельства	ПИ № ФС 77-66809
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	15.08.2016
Форма распространения	печатное СМИ, журнал
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А.А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Типография	Типография «СИНЕРЖИ». Адрес: Москва, 3-й Новомихалковский проезд, д. 3а
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№ 1, 2018 год
Подписано в печать	25.03.2018
Цена	Бесплатно

**Электронный журнал «Русская политология — Russian political science» зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых
коммуникаций (Роскомнадзор) 18.10.2016, номер свидетельства ЭЛ № ФС 77-67389**

Номер свидетельства	ЭЛ № ФС 77-67389
Статус свидетельства	действующее
Наименование СМИ	Русская политология — Russian political science
Дата регистрации	18.10.2016
Форма распространения	сетевое издание
Территория распространения	Российская Федерация, зарубежные страны
Учредитель, главный редактор	Горохов А.А.
Адрес редакции	141102, Московская обл., Щелковский р-н, г. Щелково, ул. Центральная, д. 71, к. 2, кв. 226
Языки	русский, английский, китайский, немецкий, испанский, арабский
Тираж	500 экземпляров
Номер	№1, 2018 год
Подписано в печать	25.03.2018
Цена	Бесплатно

© 2018 «Русская политология — Russian political science»

При цитировании обязательна ссылка на журнал «Русская политология — Russian political science»